В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

# ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР · ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ



В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

# ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1937 · ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Апрель 1937 г.
Непременный секретарь академик *Н. Горбунов*

Редактор академик А. С. Орлов

Технический редактор Л. А. Федоров. — Ученый корректор П. Яснецкий

Сдано в набор 21 ноября 1936 г. — Подписано к печати 11 мая 1937 г.

264 стр.

Формат бум. 62×94 см.—16½ печ. л.—15,50 уч.-авт. л.—54490 тип. зн. в п. л.

Тираж 10225.—Ленгорлит № 2355.—АНИ № 1442.—Заказ № 2031

Типография Академии Наук СССР. Ленинград. В. О., 9 линия, 12

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая половина XVII в. намечалась еще буржуазным литературоведением как момент, с которого можно начинать новый период в истории русской литературы, причем новизна его связывалась с вполне определившимся западным влиянием.

Характеристика литературных явлений второй половины XVII в. ограничивалась обычно четырьмя группами факторов: более или менее развернуто выяснялось содержание старообрядческой литературы (минимальное внимание уделялось литературным приемам Аввакума), подробно излагалась борьба византийского и латино-польского влияний в области культуры, демонстрировались новые литературные формы, перенесенные из украинской литературы, и повести, переведенные с западных оригиналов. С помощью этих опорных точек создавалась схема развития русской литературы этого периода, причем в итоге все факты оказывались на одной плоскости: исключение делалось для старообрядческой литературы, которая для XVII в. неправильно именовалась «народной», литературой «низших слоев общества».

Эта схема истории литературы второй половины XVII в. совершенно игнорирует вопрос о том, интересы какой социальной среды отражало каждое из изображаемых явлений, если не считать огульных суждений о том, что «идейная борьба шла на верхах московского общества, среди лучших людей». А между тем новизна этого периода заключалась не только в победе западного влияния, но и в том, что выдвинулся новый более демократический читатель со своими запросами идейными и эстетическими. Жизнь во всем ее разнообразии, критика разных сторон общественного и государственного строя пролагают себе дорогу в литературу, и это новое содержание облекается не только в формы, взятые от соседей — с Запада, Украины и из Белоруссии, — но новые литературные приемы вырастают и из недр старой литера-

турной традиции. Не только идейно, как это повторяют литературоведы, ряд явлений литературы второй половины XVII в. связывается с литературой XV и XVI вв., но используются в новом плане и определившиеся уже устойчивые жанры, отдельные старые литературные приемы. Интерес старообрядческой литературы, например, и ее связь с прошлым не только в том, что она выражает «защиту старины низшими слоями общества» (это неверно и по существу, так как в XVII в. в рядах раскола находились представители разнообразных классов, начиная с княжат и кончая крестьянами), а и в том также, что авторы-старообрядцы переосмысляют ряд старых литературных форм. Под их пером послание переходит порой в диалог, сохраняющий весь аромат живой речи; обличительная и учительная формы в такой реалистической манере ведут изложение, что догматические вопросы, составляющие их содержание, теряют свою отвлеченность; устоявшийся канон жития обращается в рамку для автобиографии. Аналогичный процесс переосмысления старых литературных жанров происходит и тогда, когда на почве старых житий, посмертных чудес и летописных сказаний вырастает новая манера историко-бытовой повести, манера, независимая от переводной западной повести.

Кардинальный в старом литературоведении вопрос о причинах, размерах и формах западного влияния во второй половине XVII в. не может также считаться удовлетворительно выясненным: почему оно так заметно усилилось в это время, какие классы шли ему навстречу, кроме «лучшего тогдашнего общества», которому обычно приписывается роль исключительного носителя влечения к Западу, наконец, какими путями проникало это влияние в литературу, — все это еще открытые в значительной степени вопросы.

Лишь весьма ограниченно, а потому и недостаточно коснулось старое литературоведение роли политических событий начала XVII в. в росте общественного сознания, с одной стороны, и в распространении западного и украинско-белорусского влияния в Москве — с другой, а между тем и тот и другой процесс нашел свое отражение в литературе.

Процесс создания нового литературного языка, стоящий в самой тесной связи с появлением нового более демократического автора и читателя, для второй половины XVII в. также не только не выяснен, но вопрос о нем и не поставлен еще во всей его широте.

Таким образом современному литературоведению представляется необходимость пересмотреть те вопросы литературного развития второй половины XVII в., которых касалось буржуазное литературоведение, и вместе с тем выдвинуть новые проблемы, показавши, какой сложный комплекс социально-экономических причин создал ту специфику литературы этого времени, которая позволяет именно в этом периоде искать корни литературных явлений XVIII в. Если с XVII в. В. И. Ленин начинал новый период в русской истории,[1] то и в литературе этого времени, по сравнению с XVI в., проявилось так много отражений новых отношений, что мы вправе считать ее отправным моментом для дальнейшего развития.

---

[1] Что такое друзья народа, Соч., т. I, М.—Л., 1927, стр. 73.

## I. ВВЕДЕНИЕ

Уже с конца XVI в. в посадах Московского государства вырастает значительно роль новых городских классов. Признаками этого были городские восстания в Москве в 1584 и 1587 гг., активное участие посада в разных фазах политических событий начала XVII в. не только в самой Москве, но и в провинции (в Пскове, Новгороде, а позже в приволжских городах), наконец, борьба посада с новым правительством Романовых в течение всего XVII в.

Посад не был в XVII в. монолитным: «лучшие», а иногда и «средние» люди его солидаризировались то с крупными землевладельцами, то с поместным дворянством, к «молодшим» и их протесту присоединялись крестьянство и демократическая часть церковного причта. Основы недовольства, а иногда и открытой вражды к разным сторонам тогдашнего государственного строя у разных групп посадского и крестьянского населения, а подчас и у мелкопоместного дворянства были неодинаковы, но эти более или менее напряженные враждебные настроения обнаруживались достаточно активно всеми.

Правда, не всегда оппозиция выражалась открытыми восстаниями, вроде, например, восстаний псковитян и новгородцев 1650 г., волнений в Москве и ряде других городов в 1648 г. и т. д. Часто делались попытки законным путем — путем челобитных на царское имя — добиться восстановления своих прав,[1] тем не менее оппозиционные настроения становятся все

---

[1] П. Смирнов. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в., М., 1915. На соборе 1642 г. нападали на бояр и московских дворян, которые «отяжелели и обогатели», на дьяков и подьячих, которые «неправедным своим мздоимством» наживают большие богатства, просили, «чтобы посадские люди судилися сами промеж себя», «вопили дворяне и дети боярские на свое разорение от московской волокиты и от неправедных судов» — стр. 18. Гости и торговые люди челобитными боролись против привилегий иностранных купцов.

более отчетливыми, находя иногда свое выражение в литературной сатире.

Сатиру знала, конечно, и предшествующая русская литература. Достаточно указать хотя бы на «Слово Даниила Заточника», на обилие сатирических элементов в проповедях, посланиях, в публицистической литературе XV и XVI вв. Но все это были единичные разрозненные факты, не слагавшиеся в литературное направление, как мы видим это во второй половине XVII в., когда целая группа памятников выделяется на общем фоне и своей тематикой и художественными приемами.

И по содержанию и формально эта сатирическая, посадская, по преимуществу, литература пошла особым своим путем, резко отличающим ее от официальной литературы. Основная черта содержания этой литературы — ее резкая сатирическая направленность против фактов широкого общественного значения.[1] Она смело и остро ставит ряд проблем, вскрывая иногда самые уязвимые места московского феодально-крепостнического строя.

Основное противоречие между богатыми и бедными, имущественное неравенство, характерное для феодальной Москвы, отчетливо формулировано автором «Азбуки о голом и небогатом человеке». Государственная организация пьянства, игравшая такую видную роль в грабеже населения московским правительством, осуждена сатирой на кабак («Служба кабаку»), с помощью которого эта организация осуществлялась. Пристрастный суд, где судят бояре и воеводы — красные рыбы, насильственные захваты земель обличает «Повесть о Ерше». Формальное благочестие, на котором держалась феодальная церковь, сатира резко осуждает в «Повести о куре и лисице», в своеобразно переделанной западной повестушке о бражнике. Корыстное, пьяное духовенство, которому и в церковь ходить некогда, выведено с полной откровенностью в «Калязинской челобитной» и в «Повести о попе Савве». Наконец элементы своеобразного

[1] В этом отношении русская литература дает интересную параллель, например, к французской литературе XIII — XIV вв., когда ведущая роль переходит к бюргерству, и появляются сатира, пародийные жанры и, как характерная черта стиля, — натурализм. Это была во Франции пора создания романа о Лисе с элементами социально-политической сатиры, пародий на феодальный эпос. Социальная критика проникает в этот момент в миракли, рыцарские романы приобретают социально-бытовой характер.

национализма, который выработался у части купечества в борьбе с конкуренцией иностранного капитала, нашли свое выражение в «Лечебнике, как лечить иноземцев и их земель людей».

Всестороннее изучение каждой из названных сатир поможет нам не только определить отражение в них настроений той или иной из оппозиционно настроенных групп, но и дать в заключение характеристику сатиры XVII в., как оригинального литературного жанра, с ярко выраженными композиционными и стилевыми особенностями, жанра, который с этого времени прочно прививается в русской литературе и отголоски которого звучат иногда даже в наши дни.

## II. АЗБУКА О ГОЛОМ И НЕБОГАТОМ ЧЕЛОВЕКЕ

1

В византийской литературе были широко распространены стихотворения-акростихи, одну из разновидностей которых представляют азбучные стихотворения: в них первые буквы строк или строф составляют алфавит. Через юго-славянское посредство эта литературная форма была перенесена к нам и пережила на русской почве любопытную историю — от переводной лирической азбучной молитвы Константина, епископа болгарского (русские списки с XII в.), через многочисленные «толковые азбуки» XIII—XVII вв. церковно-догматического, церковно-исторического, полемического и назидательного содержания к бытовым и сатирическим «Историям по алфабету» XVII и XVIII вв. и, наконец, к «Революционной азбуке» 1905 г. С. В. Чехонина и А. Успенского[1] и «Советской азбуке» В. Маяковского[2] — острой и едкой сатире на интервентов, пытавшихся одолеть Советский Союз. Краткий обзор сохранившихся образцов этих «толковых азбук», «азбук с толкованием», «складных азбук» или «азбуковников», как они обычно называются в рукописной традиции, покажет нам, насколько гибкой оказалась данная литературная форма: в разные эпохи различные общественные группы использовали ее, чтобы особенно отчетливо запечатлеть в памяти читателей свою идеологию.

Старшие из известных в русской литературе «толковых азбук» — две лирических молитвы: первая — упомянутая выше молитва Константина, епископа болгарского, широко распространенная в русских списках с XII в. (нач.: «Аз словом сим

[1] Эту азбуку предполагалось издать в Женеве, но для ускорения решили отпечатать ее в Петербурге с указанием на женевскую типографию. Полиции, однако, удалось узнать об этом, и были арестованы не только отпечатанные листы, но и самые оригиналы рисунков. См. В. Боцяновский, Русская сатира первой революции 1905—1906. Л., 1925, стр. 42—43.

[2] Собр. соч., т. IV, М., 1929, стр. 244—246.

молюся богу...»), вторая — «азбуковник», сохранившийся в рукописи Ярославского Спасо-преображенского монастыря (нач.: «Аз тебе припадаю, милостиве...»).[1] Обе эти молитвы построены в виде монолога, который, в зависимости от начального «аз», и делается преобладающим в азбуках до XVI в., а частью и позже. С XVI—XVII в. азбучная форма выходит иногда из рамок монолога.

Обращаясь к содержанию «толковых азбук», мы видим, что до XVI в. оно было по преимуществу церковно-догматическим или церковно-историческим.[2] Часть этих «толковых азбук» включалась в первоначальное обучение грамоте: азбука-граница,

---

[1] Обе молитвы изд. А. Соболевский. Черковнославянски тѣ стихотворения отъ IX—X вѣкъ и тѣхното значение за черковнославянски езикъ. 1899, стр. 6—11. В рукописи XI в. Гос. истор. музея № 30 сохранился перевод греческого азбучного стихотворения, содержащего ряд наставлений для нравственной жизни. Но переводчику не удалось подогнать первые слова строк так, чтобы они составляли алфавит, а потому он ограничился тем, что перед каждым стихом поместил соответствующую букву алфавита: А. «Начаток всех и конец твори бога. Б. Жития приобретение жити на всяк день» и т. д. В греч. оригинале начальные слова этих стихов — Ἀρχή, Βίος. Текст изд. Н. М. Каринский. Византийское стихотворение «Алфавитарь» в русском списке XI в. Изв. по РЯС, 1930, т. III, кн. I, стр. 259—261.

[2] См. азбука о свойствах божества: «Аз есмь всему миру свет...» (ркп. Моск. дух. ак. Волоколам. собр. № 529); о том же «Азбука начало о бозе»: «Аз прежде о господе бозе начинаю вещати...» (стихирарь крюковой Тр.-Серг. лавры № 408, XV в.); история Адама: «Аз наречеся Адам» (ркп. Общ. ист. и др., отд. I, № 208); очень распространенная «Азбука о воскресении христове»: «Аз воскресох от мертвых...» (ркп. Погодина, № 1594, XVI в. и др.); три полемических противоиудейских азбуки: «о исхождении из Египта, о вавилонстемь плене и о работе иже при Антиосе глаголеть господь ко израилю»: «Аз есмь, израилю, изведый тя из дому работнаго...» (ркп. Тр.-Серг. лавры, № 408); «о проповедании воскресения еже претися пред неверными и о соблазняющемся о воскресении спасителя миру»: «Аще не бы во гроб положен господь...»; «о позвании нищем и о жалобе божии»: «Аз пророческим гласом совершитель...» (обе последние в ркп. Общ. ист. и др., отд. I, № 208); азбука — покаяние человека в грехах: «Аз есмь обязался куплями житейскими и печалми суетными...» (ркп. Гос. публ. библ. О. XVII. 164, XVI в.); поучение о поведении в церкви в форме виршевой азбуки: «Аз бог господь всех в церковь призываю...»(ркп. Щукина, № 383, XVIII в. и др.) Иногда эти толковые азбуки встречаются в рукописях и целыми группами. Так, например, подбор азбук читаем в ркп. собр. Уварова, № 1892 (778), XVII в. и № 1894 (848) также XVII в., в ркп. Общ. ист. и др., отд. I, № 208, XVII в., и др.

о которой пишет архиепископ новгородский Геннадий к митрополиту Симону, несомненно, и была такой «толковой азбукой», служившей одновременно первым руководством для усвоения основных догматов христианского вероучения и главных событий библейской истории. С появлением печатных учебных книг эти старые азбуки стали включаться и в них.[1]

Но уже в XVII в. «толковая азбука» выходит из тесных рамок церковной догматики и истории и сосредоточивается на вопросах бытовой морали. Старая форма оказалась пригодной для внедрения в сознание широкого круга читателей начавшей уже в это время сильно «шататься» старой морали. От XVII в. сохранилась обширная «буквица сотворена по крастихидии, рекше по алфе, избранна от многих на малая на поощрение уму и на просвещение души и на познание жизни вечныя от богодухновеннаго писания многих святых в пользу и похвалу во православной вере сияющим» (ркп. Гос. публ. библ. F. I. 739, XVII в.). Здесь в порядке алфавита дан длинный ряд наставлений в житейской мудрости: «умей во время смолчать», «люби мудрейших мужей», «не наступай на силнаго человека», «поношение и укоризну приими господа ради» и т. д. Во всех этих советах ясно слышно стремление погасить всякий протест в недовольных, удержать старые устои, словом, выполнить то, что в XVI в. пытался сделать Домострой.

В XVII же веке возникла «Азбука писана о хмелю» (ркп. Ундольск., № 552, XVII в.)[2] — своего рода энциклопедия, использовавшая все накопившиеся к тому времени обличения пьянства, все старые доказательства того, что «вино подобает нам во славу божию испити», что оно «невинно», а все зло в пьянстве, и потому «пьяницы царствия божия не наследят». Образ пьяницы нарисован здесь красками, взятыми из старой обличительной литературы и из современного автору быта. Азбучная форма помогла автору суммировать всю веками накопившуюся мудрость, которая для реальной русской действительности XVII в. так удобно примиряла обилие кабаков с осуждением пьянства как греха.

---

[1] См. азбуку Бурцева, виленскую грамматику 1621 г. и более поздние прописи, изд. Д. Ровинским. Русские народные картинки, т. II, СПб., 1881, стр. 503—505.

[2] Изд. В. В. Попов. Азбука о хмеле. Изв. Общ. арх., ист. и этногр., т. XVII, вып. 5—6, стр. 349—361.

Во второй половине XVII в. создается ряд виршевых «азбуковников» — сводов школьных правил, адресующихся и к учащим и к учащимся. Расположенные обычно двоестрочиями, они каждый первый стих двоестрочия начинают с порядковой буквы алфавита. Таков трактат «Школьное благочиние, всеспасительное учение». Общий характер этого азбуковника, как и подобных ему, вполне определяется предисловием, заключающим в себе панегирик розге. Педагогическая действенность ее для автора вне сомнений: «Аще ли же без розги измлада возрастится, старости не достиг, удобь скончится». Адскими мучениями угрожает ленивым ученикам «азбуковник о нерадивоучащихся ученицех»: «Елико таковии духовного учения отмещутся, от бога и святых его в будущем веце отторгнутся, в егену (геенну. *В. А.*) и тму несветимую вметнутся».[1]

Систематизация литературного материала с помощью алфавита применяется в XVII в. и к такой, казалось бы, неподходящей форме, как повесть; поэтическая повесть об Азове во второй редакции разбивается на главы, подвергаясь некоторым стилистическим изменениям, чтобы подогнать начала глав к соответствующим буквам; так же переделывается Александрия; наконец, в начале XVIII в. так наз. «Роман в стихах» — история двух несчастных любовников — повторяет в расширенном виде старую форму «толковой азбуки».[2]

Перечень переводных и оригинальных «толковых азбук», вращавшихся в русской письменности до XVII в. включительно, показывает, что они в своем содержании отражали различные стороны идеологии господствующих классов. Вопросы религиозные, моральные, педагогические освещались в них с точки зрения традиционного мировоззрения верхов феодального общества. XVII век с его обостренной классовой борьбой сделал впервые из толковой азбуки орудие критики, направленное против этой господствующей идеологии. И на фоне старых азбук

---

[1] Д. Мордовцев. О русских школьных книгах. Чт. Общ. ист. и др. рос. 1861, кн. 4, и отд. М., 1862; А. Петров. Азбуковник о нерадивоучащихся ученицех. Нар. образование, 1896, № 11 и отд.; В. В. Буш. Памятн. стар. русск. воспитания. П., 1918, стр. 106—109.

[2] В. Буш. Старинные азбуки-прописи. Изв. ОРЯС РАН, 1918, кн. I, стр. 205—210; Н. А. Маркс. Азбука 1667 г. М., 1910 — здесь издан текст Александрии; роман в стихах изд. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. 45—58. В. Ф. Покровская. Стихотв. биография подъячего. Тр. ОДЛ., т. II, 1935, стр. 292—300.

эта новая сатирическая азбука производит впечатление такой же пародии, как «Калязинская челобитная», «Повесть о Ерше», «Служба кабаку» и другие сатирические памятники второй половины XVII в.

2

Сатирическая «Азбука о голом и небогатом человеке» известна мне в пяти списках:

1. Забелина, без начала; по указанию Забелина, текст помещается в «скорописной азбуке XVII в.» Среди рукописей собрания Забелина, переданных в Гос. Исторический музей, этой рукописи нет; указанием на то, что «Азбука о голом» воспринята писцом данной рукописи именно как азбука, являются вписанные в двух местах среди текста отдельные слова на ту букву, с которой начинается следующая строка (перед строкой — «страмно мне молодцу...» вписаны «страсть, смерть, сердце»; перед «хотелось мне молодцу» — «Христос, христов, христианин»). Текст «Азбуки о голом» начинается в данном списке с буквы Л: «Люди богатые живут славно...» (изд. И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв., ч. II, М., 1915, стр. 622—623). А.

2. Забелина № 536 (855), XVIII в. — «История о голом по алфабету». Нач.: «Аз есмь голоден и холоден...»; здесь наша азбука помещена среди ряда повестей переводных и оригинальных, записей былин и тому подобных «светских» произведений. З.

3. Вахрамеева № 704, XVIII в., л. 9 об. — 10 об. «Азбуковник». Нач.: «Аз есмь голоден и холоден...»; в том же сборнике помещается и юмористический «Азбуковник о прекрасной девице», юмористическая «Инструкция от мужа жене данная, понеже жена мужу подданная», две повести о ерше и сказание о Фоме и Ереме (см. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. II, М., 1892, стр. 494—495). В.

4. Перетца Q. 77, кон. XVIII в., л. 8 об. — 9. «Сказание о голом и небогатом». Нач.: «Аз есмь наг и бос, холоден...». По содержанию сборник представляет ряд выписок из учебных книг; в том числе из «Азбука скорописного» помещена старая «толковая азбука», нач.: «Аз есмь прежде всех век...» (л. 13—14 об.); есть образцы писем, «каким образом писать и кому писать» (лл. 10—12), «беседа трех святителей» (л. 12—13), «реестр, что в синодальной области имеется» церквей, монастырей, митрополи-

тов и т. д. (л. 1—2 об.), выписки из книги «Анфологион» о семи смертных грехах, семи тайнах церковных, 14 добродетелях душевных и 4 телесных (л. 2 об. — 5); вслед за этим идет «Калязинская челобитная» (л. 5 об.—8 об.) и «Сказание о голом». Подбор статей как будто говорит за то, что составитель сборника ассоциировал образцы всевозможных писем и «Калязинскую челобитную», старую азбуку церковно-догматического характера и «Сказание о голом». П.

5. Щукина № 1080, XVIII в., л. 20 об. — 22. «Азбука о голом и небогатом человеке». Нач.: «Азь есмь наг и бос, холоден...» Текст кончается буквой Н, а затем к нему механически присоединен отрывок рифмованного жарта — молодица печет блины, некто добивается ее любви. Щ.

Окружение, в котором встречается в рукописях «Азбука о голом», показывает, что в XVIII в. она уже чаще воспринимается как повесть, сказание, а не азбука в прежнем точном значении этого слова. Мы находим ее рядом с другими сатирическими произведениями XVII в. — «Повестью о куре и лисице», «Сказанием о попе Савве», «Калязинской челобитной». Самый текст азбуки довольно свободно меняется стилистически и, сохраняя в общем схему рассказа обнищавшего героя о своей печальной судьбе, некоторые детали его биографии то опускает, то варьирует.[1] Наиболее интересный в отношении этих биографических подробностей старший список А, к сожалению, не сохранил начала рассказа.

История «голого и небогатого человека» рисуется по сохранившимся спискам в таком виде. Он получил от родителей наследство: «Отец мой и мати моя оставили мне дом и имение свое» (так в сп. А; остальные списки в этой строке упоминают только «имение», но в других местах текста называют и «дом»). Жизнь в этом родительском доме вспоминается ему как зажиточная: «У отца и у матери моей бывала всегда аладьи да масляные блины горячие и пироги хорошие» (сп. З). Как же объясняет «история» теперешнюю его бедность? Наиболее отчетливо причины обеднения изложены в списке XVII в.: «От сродников зависть, от богатых насильство, от сосед ненависть, от ябедников продажа, от льстивых наговор хотят меня с ног свесть... Цел бы был дом мой

[1] Это обстоятельство затрудняет подведение всех вариантов к какому-либо из списков, принятому за основной, а потому в приложении помещаю две разновидности текстов азбуки — П, З (последний с вариантами).

да богатые зглотали, а родственники розграбили». Произошло это потому, объясняет текст, что «один я молодец после отца и матери своей остался млад, а сродичи животы отца моего рознесли» (А). В других более поздних списках эта яркая бытовая картина бледнеет, теряя наиболее выразительные детали. Еще в сп. П сохраняется воспоминание о том, что «имение» отняли у наследника «лихие люди»; но уже в сп. З разорение его объясняется трафаретно: «я и то всио пропил и промотал», а в сп. В объяснение вообще отсутствует, заменяясь общей фразой: «да мне тем не велел бог владеть»; так же мотивируется и то, что бедняк бродит «по чужой стороне»: «Цел был дом мой, да не велел бог жить в нем» (П), «да не велел бог мне строить» (В), «да не велел бог мне жить за скудостию моею» (З).

Пропустив картину ограбления малолетнего наследника родственниками и соседями, поздние списки лишь глухо говорят о жадности должников: «Ферези были у меня самые добрые рогозиные, а завяски мочалные, да и то люди за долг взяли» (П, А, З; в В — «да и те должники за долг сняли»); «хоронился я от должников своих, да не ухоронился» (П); сп. З добавляет: «долгу с меня спросят, а мне взять негде», «куды мне детца от лихих должников» (В). Настоящее безвыходное положение бедняка все тексты рисуют одинаково, расходясь лишь в мелких деталях, поэтому начало «азбуки», недостающее в старшем списке А, может быть восстановлено на основании согласных чтений остальных вариантов. От всего родительского наследства, как читаем в полных текстах, осталась «земля пуста»: «Земля моя пуста и травою вся обросла, полоть мне нечим и сеять нечево, притом же и хлеба нет» (З); «земля моя дворовая пуста и былием поросла, своея земли лишитися, чужую землю познать» (В); «земля моя пуста, мохом и травою поросла, пахать мне не на чем и сеять нечем» (Щ); «земля моя пуста, лесом поросла, посеять нечево, пахать стало не на чем, клячи нет» (П). Живет этот бедняк «на Москве» (З, В, П). Кроме этого общего указания, в сп. П сохранилась деталь, появление которой у автора немосквича невозможно: рассказывая о своей жене Соломиде, герой говорит, что она «просилась ко всем святым на Кулишки богу молиться»: Кулишки — часть города в Москве, где была церковь всех святых (С. Соловьев. История России, т. II, СПб., 1894, стлб. 2108) и богадельня, потому, возможно, автор направляет именно туда жену «голого человека».

Итак, в Москве у родителей «голого» была земля и дворовая и пахотная, которая теперь запустела. Эта ситуация ведет нас к XVII в., когда даже в городах многие посадские люди занимались единственно обработкой земли.[1] В XVII в. были нередки случаи, когда обедневшие посадские люди переставали платить тягло и уходили со своей земли. В документах, связанных с такими уходами, постоянно употребляется термин «место пусто» — ср. в нашей азбуке: «земля пуста». Если мы вчитаемся в эти документы, то увидим, что в них есть материал, напоминающий биографию героя азбуки. «Федька Иванов сын Зобов», малолетним оставшийся после отца, жалуется, что брат «збил его со двора»; вдова посадского человека жалуется, что после смерти мужа «дворовую и огородную землю отняли у нее посадские люди»; еще один жалобщик пишет, что он «скитаетца меж двор», так как ямской приказчик несправедливо «сажал в железа и вымучил на него запись житейскую да кабалу в десяти рублех». Даже терминология этих документов о посадских людях, которые по тем или иным причинам обеднели и сошли с посада, напоминает нашу азбуку. Есть постоянная формула, обозначающая их бездомную жизнь: «скитались меж двор», «бродил меж двор», «ходил меж двор», «скитаетца меж двор»[2] — ср. в азбуке: «Шатаюсь я молодец на чуждей стране меж двор» (А).

Таким образом то, что старший список азбуки о голом рассказывает о «насильстве от богатых», о «продаже от ябедников», о «мужике», который «мыслил зло» на наследника (А), о «богатом мужике», которого он всегда поминает (З), — ведет нас к реальным условиям жизни посадского населения, во второй половине XVII в. по преимуществу. В многочисленных жалобах, раздававшихся в это время на злоупотребления со стороны посадских богатеев, мы встретим ту же фразеологию. В приказе 1663 г. Нижегородскому воеводе из Москвы пишут: «беречь, чтобы в Нижнем Новгороде посадские земские старосты и целовальники и денежные сборщики и мужики

---

[1] Н. Калачов. Очерк юридического быта великорусских крестьян в XVII в. Лет. зан. археогр. ком. за 1864 г., вып. 3, стр. 5.

[2] Н. П. Сильванский. Акты о посадских людях закладчиках. Лет. зан. археогр. ком. за 1909 г., вып. XXII, СПб., 1910, стр. 14, 18, 19, 24, 28, 34, 36, 39, 40, 44 и т. д. То же см. в документах 1644 и 1674 гг. — А. А. Титов. Описание слав. и рус. рукописей, принадл. И. А. Вахрамееву, вып. IV, Серг. Пос., 1897, стр. 28—87.

богатые и горланы мелким людям обид и насильств и продажи ни в чем не чинили...» (М. Покровский. Русск. история, т. II, стр. 245). В грамоте 1644 г. Михаила Федоровича Ростовскому воеводе приказывается, чтобы он посадских «ото всяких напрасных продаж оберегал... и сам... никакого насильства и продажи не чинил» (А. Титов, назв. соч., стр. 92). И документы, упомянутые нами, и «история о голом» являются отголоском той борьбы между «лучшими», т. е. имущественно наиболее сильными, и «меньшими» людьми, которая шла в течение XVII в. в посадах всего Московского государства, не исключая и самой Москвы. Эта борьба велась главным образом из-за распределения тягла, и в ней «лучшие» не брезговали никакими средствами для того,чтобы сложить с себя налоговую тяжесть. Возможно, что с помощью непосильных налогов «богатые зглотали» и наследство нашего героя. Во всяком случае противоречие интересов «лучших» и «меньших» людей в посаде отразилось, несомненно, в нашей истории в противопоставлении «богатых» и «голенких». Во всех списках азбуки говорится о богатых с горечью и даже угрозой: «Люди богатые живут славно, а голенких не ссужают, на беду себе деньги копят» (А); «Охнул бы у меня мужик (в сп. З. «богатый мужик»), как бы я ево дубиною по спине ожег, чтоб впред бы на меня зла не мыслил» (А); «Люди вижу, что богато живут, а нам голым ничево не дают, чорт знаит их, куда и на што денги берегут» (З); «Икнетца [по] мне богатому мужику, то я ево всегда поминаю, а он тово не знает» (З); «Есть в людях много добра, да без закладу не верят» (В); «Люди богаты живут, а нас голенких не слушают» (П). В этих словах слышен уже не индивидуальный протест обездоленного наследника, а ясное сознание имущественного неравенства, которое в XVII в. наблюдалось не только между различными классами, но и внутри одного и того же класса.

Найти управу на «лучших» людей, оградить себя от их произвола было в ту пору очень нелегко, отсюда безнадежный пессимизм истории о голом: «На што живот мой меня позорит, не лутче ль живота смерть мне принять» (З); «Разум мой ничего не осяжет, и сердце мое никогда не обрящет» (там же); «Ум мой не доидет, как мне бедному будет впредь жить» (В). Герой наш не видит для себя другого выхода, как уйти «воровать, так скорея меня повесят», печально заключает он. И здесь несомненный отголосок быта именно второй половины XVII в.: самое

слово «воровать» употреблено в том старом смысле, в каком оно закреплено и Уложением Алексея Михайловича, т. е. в значении всякого вообще нарушения законов, всякого преступления.[1] Слово «вор» с его производными в XVII в. было излюбленным бранным эпитетом для законопреступников. В 1671 г. воевода воронежский Бухвостов доносит в Москву о своей агитации против Степана Разина; он велел «привесть к вере» воронежцев на том, чтоб «ни на какие воровские прелести вора Стеньки Разина с товарищи не прельщатца и никаким ево воровским письмам ни в чем не верить и к воровству и к измене и ни х какои шатости не пристовать, а будет хто в ком проведает какую воровскую мысль...»[2] и т. д. В XVII в. неудачники, подобные герою азбуки, уходили иногда к «ворам», занимая таким путем открыто враждебную позицию по отношению к правительству.

К XVII же веку ведут нас старые названия одежды, употребленные в азбуке, — ферязь, однорядка,[3] причем последняя шьется из сукна с «королки» как носили в среднем городском классе.[4] Одна деталь старшего списка азбуки о голом дает возможность, кажется, уточнить несколько датировку этого памятника: под буквой Я мы читаем здесь: «Ял бы я молодец рыбу осетрину свежую, да мыт меня изоимет» (А). Мыт, как один из видов многочисленных пошлин, существовавших в Московской Руси, был отменен новым торговым уставом 1667 г.[5] В списках XVIII в. эта фраза, видимо, как непонятная, опускается.

Стилистическая манера азбуки о голом также ведет нас к памятникам нарождающейся во второй половине XVII в. сатирической литературы. Ритмическая проза, которой написана азбука, напоминает пословичную рифмованную речь тех сборников пословиц, какие именно с этого времени получают распространение. Книжных элементов в языке азбуки очень мало: то просторечие, которое составляет основу ее языка, скорее на-

---

[1] Материалы для старинной юридической терминологии. Лет. зан. археогр. ком., в. I, 1861, СПб., 1862, стр. 73—74.

[2] Воронежский губ. музей. Рукописи и воронежские акты, вып. II, Воронеж, 1905, стр. 108.

[3] Ферязь и однорядка известны по памятникам уже в XVI в. См. И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II, СПб., 1898, стр. 619 и т. III, СПб., 1912, стр. 1354.

[4] Н. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII ст. СПб., 1887, стр. 53—95.

[5] С. Соловьев. История России, кн. III, СПб., 1894, стр. 724.

поминает язык других известных нам от этой эпохи литературных памятников, вроде «Повести о попе Савве», «Калязинской челобитной», «Повести о Ерше» и других, а также отчасти язык челобитных, идущих от посадского населения и родственных иногда нашей азбуке и по содержанию.

Алфавитный порядок изложения, видимо, сразу сблизил в сознании автора и последующих переписчиков азбуку о голом с пословицами. Отсюда в основной текст вошла фраза, повторяющаяся с небольшими отличиями во всех списках, и восходящая к пословице: «на что было ему и сулить, коли самому негде взять» (З), «на что б сулить, коли нечево дать» (П), «на что бы сулить, коли чего не дать» (Ш) — ср. пословицу, известную в записи XVII в.: «На што было лгать, коли нечево дать».[1] Или в сп. З и В под буквой Ѣ читаем: «Ехал бы в гости, да не на чем, да никуды не зовут», «Ехал бы в гости да никуды не зовут»; вар. в сп. П под буквой Ш: «Шел бы я в гости, да никто меня не зовет»— ср. пословицу: «Ехал бы в гости, да никто не зовет».[2] Или в сп. В: «Сшил бы к празнику однорятку с королки да животы та у меня коротки»; вар. в сп. З, несколько расширенный: «Шел бы я в город, и купил бы себе сукна и сшил бы шубу с королки, да тем лиш, што животы та у меня коротки» — ср. пословицу: «Носил бы однорятку с королки да животы коротки» (Симони, I, № 1789) или «Зделал бы однорядку с королки да животы коротки» (сб. Петр. Гал., № 315).

Кроме этих пословиц, бывших известными уже автору «Азбуки о голом», в процессе переписки в нее вошли и другие пословицы, не имеющие связи с текстом и присоединенные чисто механически. Таким образом случайно в сп. В под буквой К вставлена пословица «Какова пряха, такова на ней и рубаха» (ср. Симони, I, № 1333); в том же сп. В весь конец азбуки заменен приписанными пословицами, большая часть которых известна в записях XVII в., а две дошли в сборниках XVIII в. Весь этот материал примкнул к «истории о голом» не путем сознательной переработки текста, а исключительно по связи чисто внешней. Такое обращение со старым текстом, на ряду с указанной выше заменой некоторых деталей более общими формулировками,

---

[1] П. Симони. Старинные сборники русских пословиц..., СПб., 1899, I, № 1653; II., № 398; сборник пословиц собр. б. Петровск. галлереи Библ. Акад. Наук № 629.

[2] Симони, назв. соч., II, № 758.

показывает, что в XVIII в. он уже потерял значительную долю прежнего интереса. Те конкретные условия жизни посадского населения второй половины XVII в., которые вызвали появление «Азбуки о голом», для читателей XVIII в. уже позабылись, но основной мотив этой «истории» — резкое противоречие между «богатыми» и «голенкими» — был попрежнему животрепещущим и в новых условиях городского быта; оттого так прочно держится в списках XVIII в. все, что касается именно этой темы.

Помимо своего содержания, ведущего нас в самую гущу внутриклассовой борьбы в посадском населении Московского государства второй половины XVII в., «Азбука о голом и небогатом человеке» интересна и для изучения процесса преодоления в литературном языке той эпохи его церковно-славянской основы. Чрезвычайно характерный ее язык очень далек от модного во второй половине XVII в. литературного языка, созданного писателями из высшего духовенства и дворянства. Этот язык отражает бытовое просторечие посадских и младших служилых людей.

*ПРИЛОЖЕНИЕ*

1

Текст по рукописи собр. Забелина (Гос. историч. муз.) № 536 (855), XVIII в. с вар. по рукописи собр. Вахрамеева № 704, XVIII в.

[1]ИСТОРИЯ О ГОЛОМ ПО АЛФАБЕТУ[2]

а. Аз есмь голоден и холоден и наг и бос, [3]и всем своим богатеством недостаточен.[4]

б. Бог животы мои ведает, что у меня нет [5]ни полушки.[6]

в. Ведает весь мир, что мне [7]ни пить, ни есть нечево и[8] взять негде.

г. Говорил [9]было[10] мне [11]доброй человек и посулил было он мне взаймы денег, и я по приказу ево к нему пришел, и он мне изволил отказать.[12]

д. [13]Доброй бы он был человек, ежели бы он слово свое не переменил, когда бы дал мне денег взаймы, а толко лиш он мне насмеялся, на что было ему и сулить, коли самому негде взять.[14]

---

[1—2] Азбуковник. В. [3—4] *проп.* В. [5—6] ничево В. [7—8] *проп.* В. [9—10] *проп.* В. [11—12] на Москве, хотел мне взаем денег дать, да я на утро пришел а он мне вьзять кладу и не дал В. [13—14] Добро з добрыми людьми знатся, да было бы чем В.

е. Есть [15]у людей всево много денег и платья, толко мне не дают.[16]

ж. Живу я на Москве, [17]поесть мне нечево и купить не на што, а даром не дают.[18]

ѕ. Ѕевается [19]у меня ротом[20] весь день [21]не етчи, [22]и губы у меня помертвели.[23]

ꙁ. Ꙁемля моя [24] пуста и[25] травою вся обросла, полоть мне нечим и сеять нечево, при том же и хлеба нет.[26]

и. [27]И так с недостатку стало у меня брюхо расти.[28]

і. [29] І хочетца мне жить, как и добрыя люди живут, толко меня нагота и босота очень одолела, что и с ног долой свалило, и живот мой весь истощился, ходя по чужим сторонам.[30]

к. [31] Как мне во своей скудости жить, а в руках у меня ничево нет.[32]

л. Люди [33]вижу, что[34] богато живут, а [35] нам голым ничево не дают, чорт знаит их, куда и на што денги берегут.[36]

м. Мыслю бы я [37]своею всего у себя много видил, да лих мне того взять негде.[38]

н. [39] На што живот мой меня позорит, не лутче ль живота смерть мне принять.[40]

о. Ох мне бедному, ох окаянному, куды мне детца от лихих людей.

п. Покою себе не [41]обретаю, лапти и сапаги завсе́гда разбиваю, а добра себе не наживаю.[42]

р. Разум мой ничего не осяжет, [43]и сердце мое никогда не обрящет.[44]

с. [45] Стыдно мне з богатыми людми в пиру сидеть, на них платье цветное и хорошее, а на мне худое и то чужое.[46]

---

[15—16] в людях много добра, да без закладу не верят В. [17—18] и мне от часу хуже есть В. [19—20] мне бедному В. [21] *доб.* ходя В. [22—23] *проп.* В. [24] *доб.* дворовая В. [25—26] и былием поросла, своея земли лишится, чужую землю познать, и мне ходя под окны поминая, нищь есть и убог, заблуждьшая овца В. [27—28] И живот мой истощал по чужим дворам волочась, и хочется мне бедному з добрыми людми знатца да нечем В. [29—30] Іютца мне бедному, вечор я не ужинал В. [31—32] Какова пряха, такова на ней и рубаха В. [33—34] что и люди В. [35—36] а я от нищеты не знаю, как быть В. [37—38] много зделал, да не то на ум идет В. [39—40] Нагота да босота то моя красота В. [41—42] видил, в своей бедности волочась В. [43—44] ум мои не доидет, как мне бедному впредь будет жить В. [45—46] свои на мя восташа и меня отселе отнаша В.

т. Тверд [47]был ум[48] мой, [49]да лих на сердце у меня много всякой мысли.[50]

ꙋ. [51] Икнетца мне богатому мужику, то я ево всегда поминаю, а он тово не знает.[52]

у. [53]У отца и у матери моей бывала всегда аладьи да маслиныя блины горячие и пироги хорошия.[54]

ф. Феризы были у меня [55]хорошия[56] рагоженныя,[57] а завяски были долгия мачалныя, и те лихия люди за долг стащили, а меня совсем обнажили.[58]

х. [59] Хоронился была я от должников да лих не ухоронился, долгу с меня просят, а мне взять негде.[60]

ѿ [61] Отец мой оставил мне имение[62] свое, я и то всио пропил и промотал.[63]

ц. Целой был дом [64]мой,[65] да не велел бог мне [66]жить за скудостию моею.[67]

ч. Чужова [68]было мне не[69] хотелось, а своего не случилось, [70]тепереча не знаю, как промышлять, не лутче ли итти воровать, так скорея меня повесят.[71]

ш. [72] Шел бы я в город и купил бы себе сукна и [73] сшил бы[74] шубу [75]с королки да [76]тем лиш, што[77] животы та у меня коротки.

щ. [78]Щеголять бы я стал хорошенко и ходил бы я щепетненько, да лих нечим.[79]

ъ. Ерзнул [80]бы за волком с сабаками да не на чем, а бежать не смогу.[81]

ы. Ерыщетца [82]у меня по брюху, потому что не ел, да и насила хожу.[83]

ѣ. Ѣхал бы в гости, [84]да не на чем,[85] да никуды не зовут.

ь. Ел бы я мясо, да лих в зубах вязнет, [86]а притом же и негде взять.[87]

---

[47—48] живот В. [49—50] а сердце с печали пропало В. [51—52] *проп.* В. [53—54] Увы мне бедному, увы окаянному и недостойному, куды мне детца от лихих должников В. [55—56] добры В. [57—58] да и те должники за долг сняли В. [59—60] Хотелось было жить, как добрые люди живут, да бедность мешает В. [61] *доб.* и мати В. [62—63] много, да мне тем не велел бог владеть В. [64—65] и полата В. [66—67] строить В. [68—69] живота В. [70—71] *проп.* В. [72—73] *проп.* В. [74—75] к празнику однорятку В. [76—77] *проп.* В. [78—79] Щапил бы и ходил хорошенько, да не в чем В. [80—81] по лавке и в старой однорядке В. [82—83] мне бедному по брюху, вечор я не ужинал В. [84—85] *проп.* В. [86—87] *проп.* В. [87] *доб.* ю. Юря за бабу, а Лука за быка. ѕ. Юсом меня зовут, а дел моих не ведают. ѡ. Одолила дворянина печаль да кручина. я. Якиму дают схиму, а он и мантию скинул. кс. К Симану по тиман, к Ипату по мяту. В.

ѱ. [88] Псы на милова не лают, а постылова давно уже и кусают, да из двора ево волокут.

ѳ. Ѳома поп глуп, он сам грехов не знает, а добрым людем не скажет, да еще ему и спасиба, что он менше знает до болше молчит.

ѵ. Ѵ тако сим словам конец.[89]

2

Рукописн. сборник собр. В. Н. Перетца, конца XVIII в. Q, № 77, лл. 8 об. — 9 об.

### СКАЗАНИЕ О ГОЛОМ И НЕБОГАТОМ

А. Аз есмь наг и бос, холоден и голоден, всем недостаточен.

Б. Бог мою душу видит, что взять мне негде, а люди не дают.

В. Видел я в Новеграде доброго человека, да постыдился просить.

Г. Говорил мне на Москве человек доброи, посулил мне денег взаем, да не дал.

Д. Доброи он человек был, он бы слова своего не переминил, а правду он творил, на что б сулит, коли нечево дать.

Е. Есть в людех всего много, да мне не дают.

Ж. Живу я человек доброи и славнои, а покушать мне нечево, и никто не дает.

ѕ. Ѕевается мне с великих недоедков, и губы мои пересмягли.

ꙁ. Ꙁемля моя пуста, лесом поросла, посееть нечево, пахать стало не на чем, клячи нет.

И. И живот мои истощал по чужим сторонам.

І. І хочется мне так же пожить, как добрые люди живут, да виликие мои недостатки, а нагота и босота с ног свалила, а взять негде.

К. Как мне в своих недостатках жить будет.

Л. Люди богаты живут, а нас голенких не слушают.

М. Мыслию бы своею все б у себя видел, да негде взять нечего.

Н. На что же живот мои позорен бысть, лутче бы смерть принял, нежели уродом ходил.

О. О горе мне убогому, люди пьют и едят, а мне не дают.

---

[88—8] Пса бы я держал на злаго человека, да того для не держу, хлеба нет, и самому есть нечево. Ѳ. Ѳилимон поди вон, а ты Ватута сиди тута. ѵ. Ѵжица к рубахе ближится В.

П. Покою себе не обретаю, а лабтишка розбиваю, а добра себе не залезу. (л. 9)

Р. Разум мои не осяжет и живот мои не обрящает, все на меня востают, хотят меня вдруг погрузити, бог меня не выдасть, то и человек не погубит.

С. Страмно мне убогому з богатыми в пиру сидеть, на них платя цветная, а на мне балохонишко и то в полденги.

Т. Тверд живот мои с великие кручины и бедности, а хожу я не етчи, спать ложуся не кушавши, а никто не подаеть.

Ѹ. Ѹныл я пред богом своим.

У. Увы мне бедному и безпомощному, где мне ото многих лихих людей деватися.

Ф. Феризи были у меня самые добрые рогозиные, а завяски мочалные, да и то люди за долг взяли.

Х. Хоронился я от должников своих да не ухоронился.

Ѿ. Отец мои и мати моя оставили мне имение свое, да лихие люди завладали.

Ц. Цел был дом мои, да не велел бог жить в нем.

Ч. Чюжево не хотелося, а своего не лучилося, как будет прошать.

Ш. Шел бы я в гости, да никто меня не зовет.

Щ. Щеголил частенко, да нарядился б хорошенко, да не во что.

Ъ. Ерзнул бы по лавки в старои однорятки.

Ы. Ерыкается мне по брюху с великих недоетков, и губы пересмягли, и ноги мои подгибаются.

Ь. Ехал бы в город, да украл бы суконца, да денех нет, а так не верят. (л. 9 об.)

Ѣ. Ехал бы на пир, да не примолвят, не поднесут.

Ю. Юрил бы да играл, да не етчи не хочется, а жилы мои потресаются.

ѡ. Обмылся бы я беленко, нарядился хорошенко, да не во что.

Ѧ. Я коли был богат, и тогда голенких ворами нарекал, а до сего дни и сам в ту славу попал.

Ѯ. К сеи бедности не умеют добрые люди пристать.

Ѱ. Пси немилостиво лают на нас на голенких, а постылого кусают, из дверей волокут.

Ѳ. Ѳома поп глуп, сам грехов не знает, а людем не роскажет.

V. И жил я с женою своею Соломидою любезно и советно, и она по такой любви просилась у меня ко всем святым на Кулишки богу молится, и я по такому совету и любви ея

отпустил богу молится, и она от меня пошла, с моего двора сошла, а туда не дошла, а домои не пришла, и я по такому совету и любви ея пошел искать, еи не нашел, а сам и двора отстал по чюжеи стороне волочусь. Конец и венец и радоницы тут.

---

## III. САТИРЫ О ПЬЯНСТВЕ

Обличение пьянства в сатире XVII в. не было новостью для русской литературы: самые разнообразные жанры в прошлом касались этого вопроса, изображая пьянство, впрочем, прежде всего и больше всего как грех. Но, помня, что кабак, поощрявший пьянство, помогал правительству грабить население, церковные обличения к XVII в. остановились на своеобразном компромиссе: «невинно есть вино», а запретно лишь «пьянство». В этих обличениях вся ответственность за пьянство возлагается на пьющего, и совершенно не видны те социально-политические условия, та историческая обстановка, которая заставила автора «Службы кабаку» направить всю силу своего осуждения против кабака, т. е. против его организаторов. И эта сатира, и «Калязинская челобитная» тем выгодно и отличаются от старых обличений пьянства, что изображают его как явление, выросшее в совершенно конкретной исторической обстановке. В художественно обобщенных образах сатира показывает нам формы, в каких развивалось пьянство в русском быту XVII в., дополняя этим те сведения, которые дают о нем документальные материалы.

### 1. ПРАЗДНИК КАБАЦКИХ ЯРЫЖЕК

#### 1

«Праздник кабацких ярыжек» или «Служба кабаку» сохранился в трех списках, различающихся по составу. Все они имеют центральную часть, к которой собственно и относится название; но два из них, кроме того, дополнены рядом статей — выписок о пьянстве из различных источников и компиляций на ту же тему, а один имеет еще и новое предисловие, оправдывающее непривычную для тогдашнего читателя форму пародии.

Все эти дополнения составляют новую рамку для старого текста и должны изучаться отдельно. Первая задача исследователя — изучить генезис основного текста, т. е. пародии-службы.

Старший текст этой службы сохранился в списке Гос. Исторического музея, № 3860, который датируется следующей записью (лл. 291—295): «сии кабак Никиты Петрова сына Новоселцова а подписал по его велению Прилуцкого монастыря диякон Юрье Попов назвищем Удачиных лета 7174 (1666) году марта в 4 день». В этой записи большой интерес представляет указание на Прилуцкий монастырь. В XVII в. существовало два монастыря, носивших название Прилуцкий и Спасо-Прилуцкий: первый был построен в 40 верстах от Великого Устюга, на левом берегу Северной Двины, второй — в 5 верстах от Вологды, на левом берегу реки Вологды.[1] Указание записи следует, вероятно, относить к тому из этих двух монастырей, который находился на берегу Северной Двины — в самом тексте службы мы найдем сведения об этой местности.

Список Прилуцкого монастыря (в дальнейшем называю его П) сильно попорчен, листы в нем иногда вырваны, иногда перебиты при переплете, приходится восполнять его пропуски и явно ошибочные чтения с помощью двух более поздних списков — половины XVIII в.: Гос. Историч. музея № 3859 и Библ. им. Ленина из собрания Беляева № 1565.[2]

Оба последние текста, несомненно, идут от общего оригинала, имеют часто одни и те же ошибки, одинаково исправляют или наоборот искажают старший текст, сами не лишены большого числа ошибок, и таким образом также не дают целиком представления об оригинале памятника. Основной первоначальный текст предположительно восстанавливается на основании взаимной проверки всех трех списков.

Насколько можно судить по сохранившимся спискам, служба кабаку состояла из пародий на «малую» и «великую» вечерню с каноном, а в конце имела житие пьяницы. Порядок этой службы рисует нам судьбу постепенно пропивающегося пьяницы. На малой вечерне — благовест «в малые чарки, в полведришки пивишка, таже стихиры в меншей заклад, в перстни и ногавицы и в рукавицы и в штаны и в портки», — на великой вечерне все принимает более грандиозные размеры: «позвоним во все платье, изопьем ковша по три вина,... понесем ис погреба болшии ведра вина. Таже стихиры на все платье, вина до нага, вседневно

---

[1] Православные русские обители, СПб. (без года), стр. 86 и 93.

[2] Эти списки ниже называю И и Р.

скорби с воздыханием». К литии уже происходит «отлучение досталных крох и прибыток чюжаго имения», и наконец после канона идет «чтение на тюремном дворе».

Отдельные песнопения дают подробную характеристику «питуха» — героя службы. Перед нами проходит вся его жизнь, начиная с момента, когда он еще учится пить: «исперва неволею нудими бывают от родителей своих или от другов своих ближних... и мало по малу и сами гораздни станем пити и людей станем учити... где и не зовут и мы идем». Затем идет подробное описание того, как у пьяницы «во многие времена собираемо богатство во един час все погибе»: «... Очистился до нага, перстни на руке мешают, ногавицы тяжело носить, портки, и ты их на пиво меняеш... всякому у себя велишь пити, а на завтреи и самому будет просити... рукоделье заложил еси и около кабака часто ходити извыкл еси и глядети прилежно ис чюжих рук извыкл еси... пропився в раздранные ризы облечется. На кабак поити не с чем, даром не дадут, заложить ничего...»

Та же бедность у него и дома: «ни единыя ризы в дому оставити... на ветр живот свой развеяша... дом потешен, голоду и холоду изнавешан, робята пищать, ести хотят, а мы право божимся, что и сами не етчи ложимся».

Пропившийся пьяница, как один из участников «стада» ярыжных, который готов льстить каждому, кто достанет ему вина, рисуется в нашем памятнике в крайне реалистических тонах: «для ковша душу свою топиш, пьющему потакаеш, льстиш, вежлив ся твориш пред ним, огонь у ярыжных из рук рвеш, его осужаешь, не гораздо светиш, пропоицу садиш и место ему одуваеш, чтоб ему сесть седалища не изгрязнити, избу мятеш..., а как его опьеш, так ты, что бес, на старые полати скакнеш, а сам молвиш: коли, брате, денег нет ничево, а в старые заклады не верят, поди к нам на полати, и приставай к нашему стаду... привыкай к побоям, поститися научись». Или вот грустные воспоминания самого пьяницы: «Днесь есми был пьян, не помню, как с кабака свели, в мошне было денег алтын десять, то все вычистили, и сказывают, что со многими бранился, а с иными дрался, того я не помню всего. А ин проповедует: яз тебя пьяние был, весь переблевался, и в калу переваляпся, дошел до заходу, тут и спал, пробудился, шед в полночь на реку умылся,... яз всех пьяние был, пришед домов, жену свою перебил, детей

своих розгонял, суды все притоптал, не ис чего стало пити, ни ести, и купити нечем».

В уста этого пьяницы вложено грустное признание: «валяюся с похмелья, жадает ми душа пити... умилно к целовалнику вопию: помилуи мя похмелнаго, как будет, хотя вдвое возми, не умори мене напрасно». Этот питух «оголя скачет, белые руки в роте греет, с ярыжными спознался, и на полатях в саже повалялся, взявши кошель и под окны пошел... просит денешки на чарку». Пропивши свое, не довольствуясь добровольными подачками, пьяница идет на воровство: «пропоица день за печью лежит свернувся, яко пес голодом мрет, а в ноче... у пьяных мошны холостиш... прутье терпиш... на полатях смышляеш, как бы кого облупити». Это настолько обычное явление в кабаке, что автор говорит о нем, как о своеобразном кабацком законе: «лож ся не выводит, а правдою жити на кабаке пьющему — ни ковша не видати... век около корчмы воры держатца...» «Кто с пропою не научился лгати?» — спрашивает иронически автор и продолжает: «не токмо покинулся воровати, но и сущих с ним научая красти и разбивати».

Пьяницы знают, что за это воровство они пострадают: «с кнутьем по торгу водими будем и оттуде и в тюрьму ввержемся». Не без грустной насмешки над самим собой, пьяница описывает «мзду», за свои «труды»: «в тюрму вселился еси, и тамо сущую мзду трудов своих прием — ожерелье, в три молоты стегано, перстень бур[мит]ской на обе руки наложил еси и нозе свои во кладе утверди...» Правда, случается изредка, что люди поймут такого вора поневоле и отпустят его с миром, «яко бити его некому и сняти с него нечего».

Неприкрашенная жизнь видна в тех строках, где автор рисует отношение окружающих к пьянице. Вот жена и домашние жалуются на пьяницу-мужа: «Гневно жена его злословяще вопиющи: сего дни з детми не ела, о владыко, чего для долго не завернеш ему шею на сторону, о чем долго не бросиш о землю. Всегда муж тои пьян приходит, дом наш разорился, с ним бы разошлася, а дети бы чужую сторону спознаша». С этой жалобой совпадает и признание самого мужа: «с блудницами расточих все свое имение... родители мене отвергошася... много было имения, из дому все выносил, и на тебе пропил, и к жене прибрел и наг и бос, борже спать повалился, а в нощи пробудился и слышах жену и детей злословящих мя: ты пьеш и бражничаешь, а мы с голоду помираем».

Но и на кабаке судьба пьяницы невеселая: «хвалят пропоицу, как у него в руках видят... в кои поры пили, тогда и хвалили, а как обнажился, так и всяк отлучился...» — этот мотив повторяется у нашего автора часто.

Конец жизни пьяницы печален: «скончавшуся ему от воровства, никто по нем не потужит».

Таково в общих чертах содержание литературного памятника, по новому подошедшего к старой, хорошо знакомой древней Руси теме о пьянстве.

2

Широкий размах, какой приобрело пьянство к XVII в., уже сам по себе был достаточным поводом для того, чтобы тема «службы кабаку» оказалась актуальной. Но в постановке этой темы есть специфическая особенность, которая выделяет данный памятник из других обличений пьянства, наполняющих русскую литературу в течение всего предшествующего периода: автор «службы кабаку» отходит под влиянием быта, от моральной оценки пьянства, от осуждения его как греха, что характерно для его предшественников. Нарисованная им яркая картина есть, в сущности, не столько осуждение самого пьяницы, сколько суровое обличение тех, кто помогал развитию пьянства, тех правящих кругов, которые организовали кабак, пускавший по миру «питухов». Автор «Службы кабаку» предостерегает от пьянства его ревнителей не потому, что впереди их ждет перспектива адских мучений, как это твердили все предшествующие обличения пьянства, а потому, что здесь на земле им угрожает полное разорение.

Чтобы уяснить себе эту новую точку зрения на вред пьянства, выдвинутую автором «Службы кабаку», следует вспомнить, какую роль играл кабак в русском быту XVII в.

Феодальная Русь предоставляла до XV в. всем сословиям право курить вино, варить пиво и мед дома, при условии выплаты медовой дани и подати с солода и хмеля. Рядом с этим свободным курением вина, варением пива и меду существовали общественные питейные дома, где продавалась и еда и питье. Эти корчмы в княжеских городах держали сами князья, а в других местах корчемником мог быть каждый. Но уже с XV в. начинаются ограничения в праве приготовлять питья, и это право постепенно

остается лишь за казной, да в виде привилегии сохраняется за представителями высших классов. Однако в XV в. и в первой половине XVI в. еще нет исключительно питейного дома: корчма сохраняется в прежнем виде, только «вольные» корчмы преследуются; их могут держать лишь недельщики, десятники.[1] Корчмы как доходная статья даются боярам. Одновременно с 1552 г. запрещается посадским людям и становым и волостным крестьянам держать питья на продажу.

С Ивана Грозного на смену корчме приходит кабак, как специальный питейный дом. Он предназначался главным образом для крестьян и посадских людей, так как остальные классы еще сохраняли право готовить напитки дома, хотя это право постепенно также подвергалось ограничениям (Прыжов, стр. 46). С половины XVI в. в Москве водка постепенно делается товаром, торговать которым составляло привилегию царской казны.

В течение XVI и XVII вв. царская казна еще колеблется: то она забирает в свои руки все кабаки, то жалует «тамгою и кабаком» бояр, одинаково русских, немцев и татар; то подтверждает приказ всему церковному причту и монастырям не курить вина дома, а покупать его на кружечных дворах, то сквозь пальцы смотрит на то, как монастырский кабак или корчма конкурирует с сельским (Прыжов, стр. 53—54); то отдает кабаки на откупа, то опять ставит выборных «на вере» людей торговать в них. За всеми этими мерами кроется одна цель — «искать перед прежним прибыли», т. е. увеличивать доходность с кабаков, которая должна была пополнять оскудевшую, особенно после сложных политических событий начала XVII в., царскую казну.

Как же был организован кабак, и почему он сыграл такую печальную роль в жизни народа, от души возненавидевшего сразу это новое учреждение?

В кабаке, в отличие от старой корчмы, можно было только пить. Управлять кабаком выбирался на год из самого населения или присылался со стороны голова и целовальник. Этот «кабацкий служитель», оторванный от своего хозяйства, не только не получал жалованья за службу, но отвечал еще за недобор кабацкой прибыли против сметных предположений, присылавшихся из Москвы, и нес ряд расходов, непосредственно связанных со своей службой: с него брали деньги на служебные поездки,

---

[1] И. Прыжов. История кабаков в России, СПб., 1868, сту. 39.

с него шли в Москве взятки подьячим и приказным. Поэтому, когда выбор падал на бедняка, то, по словам Посошкова, «если ему не украсть, то и хлеба ему добыть негде». В итоге — одни на этой службе разорялись сами, другие разоряли народ, и от выбора на кабацкую должность всеми силами старались отделаться. При выборе давали присягу и целовали крест; это не мешало, однако, так усердно грабить и казну, и народ, что в 1679 г. патриарх советовал Собору не приводить голов и целовальников к вере, «чтобы клятвы и душевредства не было», но бояре возразили, что и «за верою было воровство многое, а без подкрепления веры опасно, воровство будет больше прежнего». После двухлетнего опыта, когда «объявилось многое воровство и питейной казне кража и во многих городах большие недоборы» — присяга была восстановлена.

На каждый кабак был положен оклад, который на всякий следующий год высчитывался с прибылью против прошлых лет. Для сбора его целовальникам было позволено действовать «бесстрашно, за прибыль ожидать его государевы милости и в том приборе никакого себе опасения не держать, питухов не отгонять».

По точному смыслу этого разрешения один целовальник доносит в 1618 г.: «Я, государь, никому не норовил, правил твои государевы доходы нещадно, побивал на смерть». Но если мы вспомним, что за недобор целовальника вели на правеж, то станет отчасти понятной его жестокость. Если же он пытался оправдаться в недоборе, донося — «в твоих, государь, царских кабаках питухов мало»,—то ему обиженно отвечали: «вам бы где искать перед прежним прибыли, а вы кабаки хотите оставить, чего прежде не бывало» (Прыжов, стр. 69—71).

Итак кабаки надо было сохранить во что бы то ни стало, хотя вред их бывал подчас ясен и самим устроителям. В 1652 г. в Москве созывается специальный «собор о кабаках», постановление которого предусматривает ограничение продажи вина — «больше той указной чарки одному человеку продавать не велели... всяким людем в долг и под заклад и в кабалы вина с кружечных дворов не продавать». Были указаны дни и часы, когда торговля вином запрещалась: «а на кружечном дворе питухам и близко двора сидеть и пить давать не велели и ярышком и бражником и зернщиком никому на кружечном дворе не быть». «А священнического и иноческого чину на кружечные дворы не пускать и пить им не продавать».

Но уже в 1659 г. посылается в Архангельск царская грамота воеводе — «пиво и мед продавали б, как бы нашей казне было прибыльней, а питухов бы с кружечных дворов не отгонять». Запрет продажи вина духовенству также не выполнялся.

Насколько кабаки были ненавистны народу, показывает ряд челобитных с просьбой свести их (Прыжов, стр. 105). Жалобы на то, что головы и целовальники кабацкие обирали народ, чтобы не уменьшался кабацкий сбор, слышались нередко: шуянин Ивашка Тихонов бьет челом царю, что его отец пьет в кабаке безобразно, а голова и целовальник «кабацкого питья дают ему в долг не по животом и промыслу». Земский староста от себя и всех шуян бьет челом царю на шуянина Короба, что он «пьет и бражничает безобразно и зернью и карты играет и жену свою бьет и мучит не по закону» (ibid., стр. 115).

Ненавидя кабак, насильно введенный в его быт, народ продолжал тайно курить вино и продавать его, хотя еще указом 1660 г. напоминалось за это «сечь руки и ссылать в Сибирь» (ibid. стр. 112). Даже монастырь позволял своим крестьянам только в определенные праздничные дни держать «явленное» ему пиво, иначе их обвиняли в корчемстве, и за это приказывалось «доправить пеню и бить плетьми нещадно», а «кто беден и нечего из него взять, того бить батогами» (ibid., стр. 49). Но несмотря на то, что кабацкие выборные усердно следили, чтобы «мимо кабаков вина не курили, пива не варили, медов не ставили», — корчемствовали всюду — крестьяне, солдаты, монастырские служки, сами кабацкие головы с товарищи, бурмистры, воеводы, дьяки, и даже в Московском Кремле при Алексее Михайловиче возле царского двора в земском приказе торговали табаком и вином. По примеру кабаков, в этих тайных корчмах также грабили народ, брали в заклад перстни, пояса и все платье, брали заклады «татиные и разбойные и сами пьяных грабили... А зернью... запоя пьяных, все заговором оговаривают и даром отнимают и грабят, кости и карты подделывают» (ibid., стр. 79). Знатные люди за корчемство платились вотчинами, народ шел на правеж, но пьянство не сокращалось от этих мер, так как правительство, борясь с тайной продажей вина, поощряло свои кабаки: «питейная прибыль» была очень удобным средством для пополнения казны. Недаром современник серб Юрий Крижанич считал кабацкую монополию — «самоторжие» — причиной «мерзкого, гнусного и страшного пьянства» (Русское государство

в половине XVII в. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Бессонов, ч. I, М., 1859, стр. 297—301). Истолкование вредных сторон монополии на вино, данное Крижаничем, представляет значительный интерес, как голос современника этой монополии.

«Како могут кабаки быть причина пьянству?» ставит он вопрос и обстоятельно отвечает: «1-е. Або для ради того самоторжия не смеют си люди питья варить, без приказничего допущения: а тамо им ся написует, да беху за три или за четыре дни после уварения питие изпили, и долже в домех не хранили. Тем адда люди да беху навареное питие скорее изпили, на силу пиют и опияют ся. А суседи немаючь ся чесо дома напить, нить где инде напитка купить, без срама седят, и не отходят от оного пива, доколе чуют едину каплю быть в бачве. Ино тако краль (царь— установитель монополии. *В. А.-П.*) бывает причина и участник и право велитель греху народному. 2-е. Або люди мелкого счастия (и) немают силы, да беху си дома пива или вина приготовили. А корчем нигде несть, в коих беху ся со временом напили, окром царских корчем, в коих и место и посудие есть от всякого свиньского котца гнюснее, и питие само пребридко, и самою бесовскою ценою ся продает. А что вяще, и те сами адны кабаки не суть людем на руках, но в едном великом граду, еден или два кабака. Для ради того, мовлю, мелки люди мало не и в век бывают лишены напоев: и по наследку постают несмерно лакомы на питие, бесстыдны, и згола бешены: тако да какову коли велику посуду вина им в руки подаси, заповедь божию и цареву быть непщят, да беху ю на еден душок изпили. Они же аще когда с колико пенязцев соберут, и в кабачный ад придут, тогда ся в конец збесят, да и рухлядь, кую имают дома, и сукно из хребта пропиют. 3-е. Або: без добывеного допущения несть вольно варить пития. А допущение ся не дает, аще ся просит без приписания причины которыя или ти нужи. Для ради того люди настоят выдумовать разные причины, да беху могли добыть допущение на уварение напоя. Отселе изходят пировны законы и обычаи до окром светлого воскресения, и иных годовных великих празников, воведен есть бешен закон, для ради празника Миколы и строить пиры и буять да пьянчевать за едну и за две целыя недели. Оттоле же изидошя заговейны пиры, оттоле имянины, родины и крестины: оттоле поминания тако часта, коими ся души паче обтяжчают неже облегчают. Пьянством бо и новым грехом

не чистится старый грех. Оттоле наконец исходят и сами Дворски пиры: которые велики господари наряжают либо послом иностранским, либо своим домашним властелем и дворяном».

Как видим, Крижанич довольно глубоко затрагивает вопрос о вреде кабаков, разоряющих «питухов» подчас до тла.

3

На фоне всех приведенных исторических данных особенно ярко выступает реализм автора «службы кабаку». Его тема — именно кабацкое пьянство. Изредка наравне употребляя оба названия — кабак и корчма, автор наделяет их одинаковыми эпитетами, и только в одной стихире отразилось воспоминание о различии этих имен. Там автор различает прошлое и настоящее: «иже прежде зовема и в древняя наша лета корчма, ныне же тайно глаголем и умилно взываем: радуйся, кабаче...» Но обычно современная автору корчма ничем не отличается в его сознании от кабака. О том же, как мы видели выше, говорят и официальные данные. Ко второй половине XVII в. корчемство пустило глубокие корни, добралось почти до самых царских палат в Кремле, и приемы спаивания и грабежа в этих тайных корчмах практиковались те же, что и в кабаке. Таким образом, смешивая иногда эти два термина, автор по существу не искажает историческую картину: «людем обнажение велие» происходило везде. Но целовальник, как представитель кабацкой власти, «неправым богатством» разбогатевший, упоминается в сатире не раз: к нему «умилно вопиет» пьяница, прося в долг опохмелиться, он негодует на пьяницу, зовет ярыжных с батогами, ведет его на правеж или в тюрьму. Все эти картины кабацкого быта, видимо, преобладают в памяти нашего автора, несколько оттесняя на второй план корчму, тускнеющую перед «прелестями» царского кабака.

Отмечая, что постоянными посетителями кабака были представители разных классов, автор показывает нам целую галлерею портретов их, метко схватывая при этом профессиональные особенности каждого в перечне «даров», которые «со усердием сердца своего» несут в кабак и корчму клиенты. Перед нами проходят «поп и дьякон, чернцы, дьячки, мудрые философы, служилые люди, князе и бояре и воеводы, пушкари и солдаты, сабелники, лекари и обманщики, тати и разбойницы, холопи,

женки, мужние жены, зернщики и костари и такалщики, ростовщики, скупщики, купцы, десятники и довотчики, пономари-повары, лесники, кузнецы». Одни пьют, другие грабят — и все вместе составляют живую картину кабацкого быта. Нельзя не заметить, что в этом перечне автор с особым вниманием останавливается на различии даров у представителей духовенства, о пьянстве которого выше еще он дает очень резкий отзыв: «Мечюще одеяние свое, ходяще безпрестани на корчму, друг ко другу глаголаху с похмелья попы и диаконы, склад чиняху и на мед посылаху на ведро, глаголюще: пропьем однорядку темно-зеленую да повеселимся, не пощадим кафтана зеленаго, сорокоустными денгами откупимся. Сице попы помышляюще пьяные, коего бы мертвеца с зубов одрать; черными сермягами оболчемся и у мужиков во братчинах изопьем и от попадеи жюрбы убежим». Вспомним, что писали иностранцы о пьянстве русского духовенства: Олеарий рассказывает, как в Новгороде он видел «попа, шатавшегося пьяным на улице, только в одном кафтане или нижнем платье, верхний кафтан свой он, без сомнения, заложил в кабаке. Проходя мимо гостиницы, в которой я останавливался, он хотел, по обыкновению своему, благословить стрельцов, державших стражу; но в это время, когда он, простерши руку, несколько наклонился, голова у него отяжелела, и он упал прямо в грязь. Стрельцы подняли его на ноги, и он все-таки благословил их, хотя и вымаранными в грязи перстами. Так как подобные зрелища повторяются ежедневно, то никто из русских не обращает на это никакого внимания» (стр. 182—183). Описывая одежду священников, Олеарий отмечает особое значение их шапочки — скуфьи: «Если кто ударит попа и при этом попадет по шапочке или сронит ее с головы священника на землю, тот подвергается большому взысканию и должен заплатить попу бесчестие. Но от этого попы не меньше получают побоев, ибо вообще они более нетрезвый и праздный народ, чем все другие люди. Чтобы не тронуть священной шапочки, сперва бережно снимают ее с попа, затем поколотят его хорошенько и снова бережно надевают на него оную» (стр. 351). На поминках по покойникам «священники и все другие напиваются до такой степени, что домой ползут уже на четвереньках» (стр. 367).

В таком же резком тоне о пьянстве духовенства позже писал Корб: «Священники всегда имеют обыкновение носить с собой крест. Очень жаль, что драгоценнейший символ нашего иску-

пителя, носимый самыми презренными человечишками, должен часто валяться в сору и грязи в руках у ослабевших и шатающихся от чрезмерно выпитой водки людей» (стр. 230—231). Монахи, продолжает Корб, «во время поста до такой степени изнуряют свою плоть, что грехом считается даже давать лекарство больным; по миновании же срока поста, они предаются всякому разгулу и, более похожие на гуляк, чем на монахов, пьяные неистовствуют на площадях. Часто можно видеть, как, сбросив с себя всякую стыдливость, они предаются разврату на проезжих площадях» (стр. 229).

В описании русской свадьбы автор, указывая момент, когда невесту везут в церковь, говорит: «Жених и его друзья следуют затем сейчас же за священником, который иногда успевает уже настолько напиться, что приходится с обеих сторон его поддерживать, чтобы он не упал с лошади, а иной раз поддерживать и в самой церкви при церемонии венчания» (стр. 479).

Таким образом детали в изображении пьющего духовенства у автора «службы кабаку» вполне совпадают с историческими свидетельствами. К этому вопросу мы вернемся еще ниже, выясняя, кто же был этот автор.

Не щадя пьяницу, которого автор называет — «малоумны рабе, непослушливый, делатель бесованию, высокоумный, буявый, непокоривый, мерский смутотворец», — все же всю силу своего негодования он обрушивает на кабак. Обилие эпитетов, которыми он наделяет это учреждение, изумительно. Среди них есть и старые привычные эпитеты, подчеркивающие греховность пьянства, — «греху учитель, душевному дому разорение, аду сопрестолниче, сатане собеседниче, диаволу спутниче, душам губителю», — но их сравнительно мало: они тонут в перепевах одного основного мотива — кабак «людем обнажение велие»: песнопения пестрят этими эпитетами. Кабак «несытый, несытая утроба, от всего добра отводитель, домовная пустота, неблагодарная нищета, неистощимая нищета, нищета пребедная всем, нищета сказуемая, дому разоритель, богатства истощитель, нагота и босота, голое сиротство, сокровище некрадомое нашему имению, мирским людем обнищание и одолжение и всего добра лишение, чистоха и лупитель пианицам, маломожное житие, имению истощитель». Кабацкие пороки также нашли себе отражение в этих эпитетах. Кабак — «злодеем пристанище, воровству наставниче, грабежю наставниче, приезжим гостем досада

великая, неправедны, пронырливы, скаредным рукам грязнение, костем ломание». Нравственное воздействие кабака на пьяницу выразилось в ярких образах: «гневу водворитель, человеконенавистниче, злыи учителю, злыдням наставниче, бесованию наставниче, самовольное бесование, злосмердение и злоневерие, священником омрачение, иноком посмех, простым людем нечестная смерть, пьяным тма и омрачение, погибелны, премудрая суета, мнишескому чину поругание велие, злословны, неподобны, непотребны, неблагодарны, людскии губителю». Даже состояние пьяницы с похмелья вошло в эпитеты кабака: «с похмелья великая стонота, очам отемнение, уму омрачение, рукам трясание». Кабак делает пьяницу одиноким— «ближним моим разлучитель».

В этих ярких и разнообразных эпитетах, присвоенных кабаку, сказалась вся народная ненависть к нему, или точнее к его устроителям, не обращавшим внимания на просьбы челобитных «свести кабаки», и к целовальникам, грабившим там народ, чтобы заслужить царскую милость, собравши прибыли «против прошлых лет», и, добавим, не обижавшим часто и себя. В них видна картина полного разорения «питуха», которого, по приказу начальства, целовальник старался «не отводить от кабака», который, как мы знаем из документов, «пил безобразно» и «не по животом и промыслу», оставляя на кабаке и платье, и домашнюю утварь, а потом шел на правеж платить и за выпитое, и за неправильно насчитанное усердным целовальником, радевшим о царских доходах. Это тип, все черты для характеристики которого дала автору тогдашняя жизнь.

## 4

Анализ содержания сатиры дает нам право поставить вопрос: для кого в половине XVII в. характерно такое резко-отрицательное изображение государственного учреждения, каким в ту пору был кабак? Правящие классы в это время были слишком заинтересованы в росте «питейной прибыли», необходимой и для обнищавшей казны и для их собственного кармана, которому жалованный кабак приносил верный доход, чтобы они могли поднять голос в защиту «питуха», оставлявшего в кабаке не только имущество, но иногда и личную свободу, если он ее не потерял раньше. Эти классы упорно боролись с царским правительством за свою

привилегию, и никакие распоряжения последнего о переходе всех кабаков в казну, об отмене откупов до XVIII в. не выполнялись: и бояре, и дворяне, и высшее духовенство продолжали держать кабаки, давая их на откуп своим людям. Сами они пили много, но пили главным образом дома и в гостях, сохраняя право держать дома вино постоянно. Автор «службы кабаку», как мы видели, рисует именно кабацкое пьянство с теми деталями кабацкого быта, которые сложились после запрещения широким слоям населения свободного курения вина. Крестьяне, посадские люди, мелкое служилое сословие, низшее духовенство — словом тяглые сословия — вот постоянные посетители того кабака, который рисует наш автор. Мы обратили выше внимание читателя на то, с каким особенным вниманием и знанием дела он изображает пьянство духовенства: в кабак несут «поп и дьякон — скуфьи и шапки, однорятки и служебники; чернцы — манатьи, рясы, клобуки и свитки и вся вещи келейныя; дьячки — книги и переводы и чернилы и всякое платье и бумажники... пономари — воск и свечи...»; идут в ход «сорокоустные деньги»; пьяные попы «помышляют, коего бы мертвеца с зубов одрать», как бы «у мужиков во братчинах напиться», и наконец — «от попадеи жюрбы» убежать. Все это такие подробности, которые наводят на мысль, не из низшего ли духовенства вышел автор «службы кабаку». Он, несомненно, видел близко «священником помрачение, иноком посмех и поругание», происходящие на кабаке. В его осуждении слышен голос сочувствия, а не назидания издали, свысока. Может быть, он и сам был из этих жалких «питухов», во славу казны и целовальника доходивших на кабаке до «великой стоноты». Но вряд ли он был из мирян — против этого говорит та форма, какую он выбрал для своего памфлета.

«Служба кабаку», пародирующая церковную службу, обнаруживает в авторе человека, с одной стороны, с незаурядным уменьем овладеть литературной формой, с другой, — с основательным знанием того материала, который он использовал в качестве своего оригинала. Дать пародию на отдельную, хорошо знакомую в ту пору каждому грамотному человеку молитву было нетрудно. Обученный чтению по Часослову, усердно посещающий церковные службы и домашние моления, всякий «книжный» человек в Московской Руси в XVII в. мог справиться с несложной задачей — облечь в церковную форму какой-либо житейский сюжет. Но выдержать конструкцию целой службы, уловить

стиль отдельных типов церковных песнопений, их последовательность, и наконец четко повторить форму не только повседневных, но и редко употребляющихся в службе молитв — мог не всякий: профессиональные навыки отчетливо выступают у автора «Праздника кабацких ярыжек». Он владеет церковной службой вполне, он не спутает ирмос с кондаком, тропарем или величанием, правильно поместит в должной последовательности паримийные чтения, не забудет предварить, где полагается, каждую песнь «стихом», «запевом» или «славой», различает гласы,— словом, поступает в данном случае не как дилетант, а именно как профессионал, основательно изучивший церковную службу. Он хорошо понимает и чувствует церковный язык, улавливает не только отдельные обороты его, которые затем перелицовывает для своей цели, но и ритм церковных песнопений, их звуковую окраску. Заметно, что церковный оригинал находится у него прочно именно в слуховой памяти, и он часто пародирует не смысл, а звуковой рисунок. Остановимся подробнее на характеристике техники автора «службы кабаку», чтобы отчетливо выступила его литературная физиономия: это значительно облегчит нам решение вопроса, какая среда скорее всего могла выдвинуть подобного писателя.

На протяжении всего текста церковная служба дает автору постоянно как бы толчок, отправной пункт, от которого он затем начинает свободно развивать свою тему. Поэтому дословных совпадений чаще всего следует искать в начальных строках или словах песнопений, запевов и проч. По этим первым словам обычно сразу узнается оригинал.

Приведу примеры:

1. Заглавия отдельных частей службы явно напоминают соответствующие места в богослужебных сборниках:

«Месяца китовраса в нелепый день иже в неподобных...» ср. — «Месяца маия в 8 день иже во святых...» (Минея сл., май); «На малеи вечерни поблаговестим в малые чарки таже позвоним в полведришки пивишка...» ср. — «... и изшед благовестит в колокол, таже звонит во вся колоколы три звона» (вечерня, Часослов); «И отпуст безо всего платья по обычаю ж и многое колпаком и ронянию шапками пред обедом...» ср. — «и отпуст по обычаю...», «по отпусте же идут в трапезу вечеряти... и творим метание...» (Час., Мин.); «По сем псалом избранной. Терпя потерпех на кабаке живучи...» ср. — «Псалом избранной.

Терпя потерпех господа» (Мин.); «Канон по накрам по краегранесию» ср. — «Канон преподобному ему же краегранесие сицево» (Мин.).

2. Стихи и запевы:

«Да уповает пропоица на корчме испити лохом...» ср. — «Да уповает Израиль на господа» (Час.); «И тои избавить тя до нага от всего платья твоего пропитаго на кабаке с увечьем» ср. — «И тои избавит Израиля от всех беззаконий его» (Октоих); «Пьяница яко теля наго процвете убожеством» ср. — «Праведник яко финик процветет» (Мин.); «Многи скорби с похмелья живучи бывают» ср. — «Многи скорби праведным и от всех их избавит их господь» (Мин.); «Изведи из непотребного пьянства душу мою» ср. — «Изведи из темницы душу мою» (Час.).

3. Песнопения, где использованы лишь начальные слова оригинала, дальнейшее же развивается независимо от него:

«Егда славнии человецы, в животех искуснии, в разуме за уныние хмелем обвеселяхуся, тогда егда во многия дни се твориша, питием омрачаху свои сущии разум...» ср. — «Егда славнии ученицы на умовении вечери просвещахуся, тогда Июда злочестивый сребролюбия недугом омрачашеся...»(Час.); «В терпении своем стяжал еси мзду свою, почесть трудов своих приемля, скорби, соломянным венцем...» ср. — «В терпении твоем стяжал еси мзду свою, отче преподобне, в молитвах...» (Час.); «Воду прошед, болото перебрел, из двора вышел, от жены злой жюрьбы убежал...» ср. — «Воду прошед яко по суху, из египетска зла избежав...» (Час.); «Собранное мною богатство расточил еси и наготы ярем до конца носити сотворил еси...» ср. — «Богатство свое расточил еси убогим и небесное богатство...» (Час.); «С похмелья встав дуростию и шаловством держим...» ср. — «От сна встав, всесвятая Троице...» (Час.); «Кто может изрещи бесование твое, кабаче веселыи...» ср. — «Кто изрещи может подвиги твоя, отче...» (Трефологий); «Очистил мя еси, кабаче, до нага, много было имения...» ср. — «Очистил мя еси, спасе, многа бо беззакония моя...» (Треф.).

4. Песнопения, повторяющие общую конструкцию оригинала, но словесно значительно отличающиеся и бо́льшие по объему:

«Хвалите имя пропоицыно, аллилуия. Хвалите ярыжные его и стоящеи пред ним, трубите ему во всю пору... исповедаитеся ему ласткою и приветкою... яко в век обычай пьяных...»

ср. — «Хвалите имя господне аллилуиа. Хвалите раби господа... исповедаитеся господеви, яко благ, яко в век милость его...» (Треф.); «Что ти принесем, веселая корчмо, кажды человек различныя дары тебе приносит... поп и дьякон скуфьи... чернцы манатьи...» ср. — «Что ти принесем, Христе... каяждо бо тобою бывших тварей благодарение ти приносит, аггели пение, небеса звезду...» (Треф); «Избранному кабаку безумныя песни принесем, вкупе пьюще... но яко имея к наготе дерзновение... да вси, кабаче неблагодарне, зовем тебе: бесованию наставниче, радуйся, глупости великии учителю» ср. — «Взбранному и дивному и чудотворцу... плетуще песнь... но яко имея дерзновение ко господу... да зовем ти: радуйся, утверждение граду нашему» (Час.); «Что тя наречем, кабаче, река ли еси быстрая... моли с голянскими своими о недостатках наших» ср. — «Что тя именуем (наречем), апостоле, реку ли... моли о спасении душ наших» (Мин.).

5. Но, наряду с таким свободным вариированием церковной темы, мы часто встречаем песнопения, где автор все время идет параллельно со своим образцом, как бы зацепляясь за отдельные слова его, и лишь промежутки заполняет собственным содержанием:

«Сподоби, господи, вечер сеи без побоев до пьяна напитися нам, лягу спати, благ еси нам хмелю ищущим и пьющим, и пьяни обретошася, тобою хвално и прославлено имя твое во веки нами. Буди, хмелю, сила твоя на нас, яко же уповахом пьюще на тя» ср. — «Сподоби, господи, в вечер сей без греха сохранитися нам, благословен еси... и хвално и прославлено имя твое во веки аминь. Буди, господи, милость твоя на нас, яко же уповахом на тя» (Час.); «Ныне отпущаеши с печи мене раба своего еще на кабак по вино и по мед и по пиво по глаголу вашему с миром, яко видеста очи мои тамо много пьющих и пьяных. Спасаите их и не опиваите их, светло тамо открыти окна и двери приходящим людям» ср. — «Ныне отпущаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мои спасение твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей. Свет во откровение языком и славу людей твоих Израиля» (Час.); «Свяже хмель, свяже крепче, свяже пьяных и всех пьющих, помилуи нас голянских» ср. — «Святыи боже, святыи крепки, святыи безсмертныи, помилуи нас» (Час.); «Слава отцу и матере их и сыну... и ныне с вами и во веки аминь» ср. — «Слава отцу

и сыну и святому духу ныне и присно и во веки веком» (Час.); «Отче наш, иже еси седиш ныне дома, да славитца имя твое нами, да прииди ныне и ты к нам, да будет воля твоя, яко на дому, тако и на кабаке на пече. Хлеб наш будет, даи же тебя, господи, и сего дни и оставите должники долги наша, яко же и мы оставляем животы своя на кабаке, и не ведите нас на правеж, нечего нам дати, но избавите нас от тюрмы» ср. — «Отче наш иже еси на небесех, да святится имя твое, да приидет царствие твое, да будет воля твоя яко на небеси, и на земли, хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого» (Час.); «Величаем тя, кабаче веселыи, и чтем дурость твою и со глупостию, ты бо купиш собины наша и велиш нам по миру скитатися» ср. — «Величаем тя, пророче божии, и чтем святую память твою, ты бо молиши за нас Христа бога нашего» (Мин); «Ты еси, кабаче, утверждение с похмелья притекающим к тебе, ты же пьяным тма и омрачение, и пьющи даруют стоя на тебе» ср. — «Ты еси, утвержение притекающим ти, господи, ты же свет омраченым, и поет тя дух мои» (Мин).; «Песнь 5 тормос. В бездне кабацкой одержим похмелями неизбытныя пропасти твоя, призываю людей добрых, кто бы меня опохмелил и с кабака свел» ср. — «Песнь 6 ирмос. В бездне греховней одержим, неиследную милосердия твоего призываю бездну, от тли, боже, мя возведи» (Треф.); «Песнь 9 тормос. Ты ми, кабаче, злыи учителю, ты ми нагота и босота, ты ми сетование, не оставил еси в дому моем, чем одратися, несытством своим все приобрел еси, тем з голянскими вопию ти: слава дурости твоеи, человеконенавистниче» ср. — «Песнь 4 ирмос. Ты ми, Христе, господь, ты же и сила ми, ты ми бог, ты ми радование, не оставль недра отча... тем с пророком Аввакумом зову: силе твоеи слава, человеколюбче» (Треф.); «На хвалу на кабак потекл еси, малоумне человече, и тои тя прославит до нага пропитися и во временней сей жизни скитатися по миру с мешком под окошками просити и собак кнутом дразнити, тем же дерзновение и пропасть стяжал еси» ср. — «На хвалу потекл еси господню, Николае, во временней жизни, и той тя прослави на небесней и истинней жизни, тем же дерзновение стяжав к нему моли спасти душы наши» (Треф.).

Нельзя не заметить, что особенно точно и в звуковом отношении близко автор все же пародирует наиболее часто употреб-

ляемые песнопения, такие, которые не только он сам, но и читатели его знали наизусть. В этих примерах его мастерство доходит иногда до того, что при быстром и невнятном произношении создается полная иллюзия, будто слышатся церковные молитвы. Таковы, напр., «свяже хмель», «слава отцу» и др. — в них ритм выдержан вполне.

Но не только в отдельных частях службы автор сохраняет церковную манеру: расположение групп песнопений также следует порядку вечерней службы. Конечно, мы не найдем одной службы, которая была бы целиком использована им: по самому сюжету — праздник задуман им в честь новых мучеников, на кабаке пострадавших, — естественно чаще всего он вспоминает молитвословия в честь преподобных и мучеников, но мы встречаем у него пародии на песнопения и из других служб, до страстной недели включительно. Даже паремийные чтения выбраны им не случайно: это как раз те три паремии, которые в том же порядке читаются в службе преподобному. Самое обилие эпитетов, которыми он наделяет кабак и пьяницу, подробное описание подвигов последнего — все это соответствует церковному прославлению святого, его родины и места его подвигов.

Параллель пьяница — мученик завершается житием, мастерски пародирующим форму жития. Трудами ряда ученых (Ключевский, Безобразов, Лопарев, Шестаков и др.) давно уже установлен тот шаблон, по которому обычно составлялось житие святого: его происхождение от благочестивых родителей, ранние подвиги, послушание, раздача бедным имущества, мученические подвиги в бедности — вот канва, которую можно найти в массе житий. Эту канву, несомненно, улавливали и внимательные читатели, привыкшие к определенному порядку изложения подвигов преподобных и к мотивировке этих подвигов. Следуя этому шаблону, и наш автор после традиционной начальной фразы проложных житий — «Сии убо родишася...» говорит о родителях пьяницы, о раннем непослушании его, о том, что пьяницы «разточиша имение не бога ради», об их мучениях в кабаке и злой смерти. Сообразно с общим тоном изложения, житие пьяницы насыщено славянизмами в языке, риторическими оборотами, которые показывают, что у автора, начавшего с подражания кратким проложным житиям, в памяти вставали и жития пространные, с похвалами святым, с теми украшениями,

которыми так богата московская агиография XV—XVI вв. Мы не можем, конечно, указать точно, каким именно из этих житий автор подражает: он, как отмечено, повторяет лишь их общую манеру, отстоявшийся шаблон.

Этим житием, резюмирующим отдельные черты быта пьяницы, разбросанные в песнопениях, заканчивается та основная часть, которая и носила название «службы кабаку». Вся она, как мы видели, выдержана в одном стиле пародии; с начала до конца она обнаруживает у автора отчетливое знание церковного оригинала. Но, вчитываясь в ее язык, мы видим, что в нем соединяются, и притом неравномерно, две стихии.

С одной стороны, книжная, славянская, идущая от оригинала, который пародируется, подсказывает автору всю терминологию — стихи, стихиры, гласы, запевы, прокимен, паремии, лития, тропарь, псалом, канон и др.; она диктует морфологические славянизмы в виде остатков аориста — погибе, утвердися, лишихся, сложных форм прошедшего времени — очистился еси, купил еси и проч.; звательных падежей типа — кабаче непотребне, учителю, истощителю; местных падежей со старым смягчением — в тузе, человеце, в велицеи; местоимения — мя, тя, ти, неполногласные формы — мраз, глад, клада, чрево и др. Таких фонетических и морфологических славянизмов мы найдем довольно много, по преимуществу в начальных строках песнопений, особенно близких к церковному оригиналу, в паремийных чтениях и в житии. В лексике славянская струя выражена слабее, если не считать приведенных выше терминов; слова вроде — благонарочитии, ликовствуют, отреваитеся, паче, яко, вскую, семо и овамо — встречаются не часто.

Гораздо ярче в языке «Службы кабаку» обнаруживается живая речь. У автора наблюдается склонность к оборотам, имеющим форму поговорок, иногда даже рифмованных; таковы его выражения: «хлеб, господине, по силам, а полога по плечам», «не часто тое вологу кушают, да часто отрыгается», «подаваися по рукам, ино легче волосам», «каково кликну в лес, тако и откликнется», «как видят у нас, так и любят нас», «без воды на суше тонет», «был со всем, а стал ни с чем», «гледение лихое пуще прошения бывает», «каеты много, а воротить нелзе», «тебе нелюбо, да мне за честь», «глухой клобук на себя наложим», «под лесом видят, а под носом не слышат», «когда сором, ты закройся перстом», «было

да сплыло», «жити весело, а ести нечего», «родила вас мама, да не приняла вас яма», «живете, что грязь месите», «люди в рот, а ты глот», «кропива кто ее ни возмет, тот руки ожжет».

Часть этих оборотов мы находим в сборниках пословиц и поговорок конца XVII в., например: «был со всем, да стал ни с чем» (см. П. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст., вып. 1, СПб., 1899, стр. 83), «жить весело да есть нечево» (101), «как в лес кликнеш, так и откликнется» (112, 179, 214), «лихое гляденье пуще доброва прошенья» (118, 184), «родила мама, а не озинула яма» (138), «под лесом видишь, а под носом не слышишь» (193). Другие выражения держатся той же манеры, вплоть до господствующей и в старинных поговорках рифмы.

Рифмованная речь вообще слышится в «Службе кабаку» нередко: «дом потешен, голодом изнавешан, робята пищат, ести хотят, а мы, право, божимся, что и сами не етчи ложимся», «с конца бо горят, а с другова говорят», «в кою пору у нас пили, тогда и хвалили... а ныне в руках не видят, и они нас же осмехают и дураками называют», «взявши кошел да под окны пошел, Христа помянул, а собак подразнил», «как обнажился, так и всяк отлучился» и т. д.

Чрезвычайно реалистические картины пьянства создаются у автора именно с помощью живого образного языка, в котором книжные элементы поглощаются той бытовой речью, какой говорили и изображаемые им лица. Нельзя не заметить, что есть у него излюбленные обороты, повторяющиеся на протяжении текста не раз: это как бы постоянные формулы, подчеркивающие ту или иную сторону в характеристике пьяницы или в изображении его судьбы.

Пьяница пропивается до нага, и автор постоянно напоминает об этом, сгущая впечатление частыми вариантами слова «наг»: «до нага пропитися, наг объявляшеся, очистил мя до нага, нагому пред всеми людьми ходити, видя нагих пред собою, прибрел наг и бос, обнажен до нага, весь обнажися, приходящих к тебе обнажаеши, людем обнажение велие, телеса же своя наготою одеяша, наготы ради покинулся воровати, наготу кабацкую понесл еси на полати, кто наготе не удивится, имея к наготе дерзновение, ты ми нагота и босота, наготы ярем до конца носити, спаси боже наготою с пропою люди своя...»

Пьянице нечего есть, и автор повторяет эту мысль в таких выражениях: «как проспитца, перекусить нечего», «а проспимся хватимся, в руке тоще, а в другой ничево», «а как проспится, лакомого хватится, ажно и хлеба нет...» Ему нечем опохмелиться, и читатель не может забыть об этом, встречая на каждом шагу напоминания: «зевается с похмелья, изпитися хощет, взять негде», «с похмелья востав, скорбию одержим, молюся знаемым и ближним моим, дабы мя опохмелили», «от похмелныя болезни каявся», «даи же ми с похмелья оправитися», «призываю людей добрых, кто бы меня опохмелил», «с похмелья видети не могу», «валяюся с похмелья», «жадает ми душа пити, а взять негде», «опохмелится нечем», «со похмелья кручиною увязется», «с похмелья встав, пить хочется, а взять негде», «с похмелья великая стонота».

В пьяном виде пьяницу обокрали — «вчера был пьян, денег было в мошне много, утре встал, хватился за мошну, ничего не сыскал», «хватился за мошну, мошны не сыскал», «в мошне было денег алтын с десять, то все вычистили».

Теперь ему или на сторону итти — «с сорому чужую сторону познавает», «чужая сторона от тебя неволею познавается», «чужую сторону с позором познавахом», «от срама толко чужая сторона спознати», — или с кабацкими ярыжками у кабака остаться — «голым... сажу с полатеи мести», «на полатях в саже повалялся», «садися с нами на печь голым... сажу мести», «поедем с полатеи оголи... на печь», «сажу и руду на полатех претерпел», «сажу уготовался терти», «мзда ваша многа на полатях в саже», «и отпуст на полати спати», «по запечью с ярыжными валятися».

Эта наклонность к постоянным формулам напоминает у нашего автора приемы устного творчества с его традиционной поэтикой, частыми повторениями. К ней же примыкает и отмеченная выше любовь его к поговоркам, к ритмической речи.

5

Кто же мог соединить резкое осуждение кабака и целовальника, т. е. государственной организации пьянства, сочувствие к пьянице, тонкое знание кабацкого быта и его постоянных посетителей — с таким основательным знанием церковно-богослужебной литературы? Кто мог, отдавши дань традиционным элементам тогдашнего книжного языка, внести такую сильную

струю живой речи? При отсутствии в 60-х годах XVII в. в Москве правильной духовной школы, такое знание богослужебных книг следует искать в среде, где оно было связано с профессией, т. е. в церковном причте. v

Но мы знаем, что духовную среду в древней Руси нельзя рассматривать, как одно целое: высшее и низшее духовенство с самого начала христианства у нас представляли два разных класса. Высшее духовенство до XV века было вполне феодальной организацией, ничем не отличавшейся по существу от светских феодальных установлений, идеологически примыкало к ним полностью. К XVI в. с ростом московской централизации и церковь, т. е. высшая церковная иерархия, становится московско-дворянской. Но и в ту и в другую эпоху низшее духовенство стояло наравне с тяглыми сословиями, не имело никаких привилегий, которыми в изобилии владело высшее духовенство, но зато несло тяжесть двойных налогов — и от светской и от своей церковной власти. Неудивительно поэтому, что уже с XIV в. нам известны случаи, когда низшее духовенство объединялось с мирянами для борьбы с властью. Социальные моменты, несомненно, существовали в тех движениях, которые долгое время рассматривались, как исключительно религиозные: начиная с стригольников и кончая так наз. раскольниками, русские «еретики» всегда соединяли борьбу с церковными догматами с протестом против церковной, а следовательно и поддерживающей ее светской власти. Таким образом оппозиционные настроения в низшем духовенстве появились в XVII в. не внезапно: они росли долго на почве его социального положения. К половине XVII в. положение приходского духовенства, этих, по выражению того времени, «тяглых попов», значительно ухудшилось. «Сельский и городской клир лишился той защиты, какую он раньше мог находить у своих светских господ, бояр и братчинских организаций; боярство и самостоятельные городские миры были разгромлены, и между попом и епископом не было больше светских посредников. Законодательство XVII в.... запретило прежние свободные выборы попов и дьяконов из крестьян и даже холопов..., запретило свободный переход из одного прихода в другой без разрешения архиерея.... отбирались у церковных причтоземли, запрещалось попам торговать и заниматься ремеслами, вводилась архиереями такса за требы. Ограничивая доходы подчиненного клира, архиереи не только не уменьшали своих требо-

ваний, напротив, увеличивали их, стремясь наверстать ущерб от потери судных пошлин и уменьшения вотчинных доходов... Пошлины за поставление и архиерейский оброк возрасли до огромных размеров; архиерейские сборщики, следуя директиве своих господ, «все подати собирать без недобору», «с большим поспешением днем и ночью», «а на ослушников правити без всякия пощады», действовали чисто грабительским образом — «всякие окладные и неокладные доходы собирали с прибавкою, не против того, как дань накладывается», не считая «корысти» воевод и прочих агентов светской власти. «Правеж», который предписывался архиерейскими приказами, был самый жестокий: недоимщиков бросали в тюрьмы, заковывали в кандалы, нещадно били; патриаршие стрельцы устраивали даже вооруженные облавы на неаккуратных попов среди бела дня и иногда на самых людных улицах и площадях. Этот тяжелый кризис не мог не вызывать оппозиции среди приходского духовенства. Тяжелее всех было сельскому духовенству, и его протест был наиболее радикален и решителен... Не отличаясь ничем по хозяйственному положению от крестьян, принужденные одновременно и на ряду с пахотными мужиками браться за соху и за косу, сельские попы прониклись ненавистью и негодованием по отношению к князьям церкви и проявляли свое недружелюбие еще до начала раскола в весьма осязательной форме — вместе с прихожанами попы били и увечили архиерейских десятников, не хотели судиться у архиереев и презирали архиерейское благословение... Учреждение патриаршества только усилило смуту и недовольство. Для провинциального духовенства оно создало новое тягло, но, по словам одной челобитной сельского духовенства этого времени, в возмещение этого тягла патриаршество не может и не хочет защитить его от все возрастающего своеволия и произвола «дворян и людей боярских». «Попов и дьяконов по боярским и дворянским вотчинам в колоды и цепи сажают, бьют и от церкви отсылают...» Оппозиция против архиереев соединялась с оппозицией против дворян и бояр; сельское духовенство было тут солидарно с крестьянством не только в настроениях, но и в тактике... эта оппозиция иногда перерастала в прямое неповиновение начальству и даже бунт» (Никольский. История русской церкви, стр. 95—97). Среди городского духовенства оппозиция вылилась в другие, менее резкие формы, так как при бедном малочисленном посадском

населении им не на кого было опереться. Здесь борьба идет путем обличения пороков всех христиан, начиная от епископа и кончая прихожанином. Такова была в половине XVII в. позиция протопопа Стефана Вонифатьева и его сторонников.

Все эти факты говорят о том, что критика существующих порядков в половине XVII в. не только не миновала духовное сословие, но наоборот чрезвычайно резко обнаружилась в той его части, которая от этих порядков сама сильно страдала. Как мы видели, эта критика по ходу вещей не могла ограничиться лишь осуждением своей церковной власти и ее распоряжений: дворяне и бояре были не менее ненавистны низшему духовенству, чем своя архиерейская власть. С другой стороны, падение нравов одинаково обличалось и среди светских и среди духовных сословий, пороки тех и других уже были сознаны, и следы этих обличений находим в литературных памятниках, авторами которых были определенно представители низшего духовенства.

На этом фоне делается вполне возможным появление протеста против «царева кабака» в среде того же низшего духовенства. Ведь в вопросе о «хмельном питии» его интересы резко расходились с интересами высшего духовенства.

Одним кабак был выгоден как доходная привилегия, других он разорял; одни и дома могли в любой момент доставить себе удовольствие выпить по желанию, другие обязаны были для этого итти в кабак, где так легко было «сотворить с плеч возношение платью» и «не мотчи ся удержати пропити». Низшее духовенство, идеологически нередко оставаясь на стороне той «тяглой» массы, которая пропивалась в кабаке, продолжая говорить ее языком, в то же время по профессии знало и книжный язык и богослужебную книгу. Есть основание думать, что именно из него и вышел автор «службы кабаку», особенно ярко изобразивший среди других пьяниц свою церковную братью. «Служба кабаку» представляет собой типичный образец пародии, осмеивающей общественно-политические и бытовые явления непосредственно, а не через направленность на литературный стиль. Действительно, трудно подходить к «службе кабаку», как к литературной пародии. Цель ее автора, конечно, не осмеяние церковного языка вообще или формы церковной службы в частности. Изображение пьяницы теми стилистическими приемами, которые приняты для прославления

мученика за веру, — это лишь прием, особенно резко подчеркивающий те стороны пьянства, которые автор осуждает. Выбор контрастирующего приема в данном произведении не случаен. Как «искусство второго отражения», пародия доходит до сознания читателя только в том случае, если пародируемый объект ему хорошо знаком. Для XVII в. форма церковной литературы была именно таким классическим образцом. И грамотный и неграмотный читатель и слушатель в силу всего бытового уклада древней Руси ощущал церковный язык, как привычный. Оттуда он черпал изобразительные приемы, когда брался за перо, ее формулами уснащал свою речь, цитатами из нее привык аргументировать. Поэтому новое применение этого привычного языкового материала должно было, несомненно, произвести надлежащее впечатление. В данном случае избранная автором параллель — мученик за веру, отдающий богатство бедным, и пьяница, нищающий в кабаке, — была очень выразительна и открывала широкую возможность к ее углублению и развитию.

Кажущееся несоответствие между избранным нашим автором способом применения церковной литературы и его духовным званием не должно нас удивлять. Еще с средних веков в Европе нарождается масса латинских церковных пародий, и все они идут из духовной среды, преимущественно из монастырей. С нарождением духовной школы и у нас церковные пародии стали появляться в изобилии: фамильярное обращение с предметами церковного обихода всегда шло рука об руку с церковной профессией. Не забудем кроме того, что на ряду с формальным благочестием, очень характерным для древней Руси и приписывавшим главную силу в религии ее обрядовой стороне, оппозиционно настроенная часть и духовенства и мирян часто доходила до крайних выводов именно в своем отрицании необходимости и важности обрядовой внешней стороны религии. В этой-то части и могла зародиться идея такого вольного обращения с церковным текстом, какое мы видим у автора «службы кабаку», человека, несомненно настроенного оппозиционно и радикально.

## 6

Остается на очереди вопрос — где появился «праздник кабацких ярыжек». Описывая один из текстов памятника, А. Викторов (Описание рукописей И. Д. Беляева, М., 1881,

стр. 35) отмечает, что «в одном стихе есть указание на местность, в которой получила происхождение эта сатира», и цитирует «стихиру пустошную»: «Иже прежде зовема и в древняя наша лета, корчмо, ныне же тайно глаголем и умилно взываем: радуйся, кабаче, отемнение Вычеготскому Усолию, а ныне не токмо тя Усолие почитает, но и в далных языческих странах слышат твое обнажение, еже во окрестных волостях, еже есть на Вычеге и на Виледе и на Лале и в протчих волостях сердечное воздыхание и в перси биение».

Хотя этой стихиры нет в старшем списке (II), но мы уже указали, что он вообще сильно испорчен, и часть листов в нем, несомненно, потеряна, поэтому такой пропуск не дает оснований считать эту песнь поздним добавлением. В ней дана вполне точная географическая номенклатура, с которой совпадает и запись на старшем списке. Прилуцкий монастырь, откуда идет старший список, находится на Северной Двине, как раз в центре между бассейнами трех упомянутых рек — Вычегды, Лалы и Виледи, недалеко от Сольвычегодска. Не случайно, очевидно, старший список сохранился именно в этом монастыре, находящемся в том районе, где, видимо, возник и самый памятник.

Какие условия в Сольвычегодском краю в половине XVII в. могли способствовать появлению именно там резкой сатиры на кабак?

Сольвычегодский край в течение XVI и XVII вв. постепенно перешел в руки предпринимателей, крупных капиталистов из рода Аники Строганова, которые, пользуясь всевозможными льготами от московского правительства, нуждавшегося в их помощи для устройства солеварен, постепенно стянули в своем владении путем скупки ряд промыслов, конкурировавших с ними, и промысловые места у мелких держателей. Кроме соляного промысла, Строгановы держали в своих руках железодутный и кузнечный, ярмарочную торговлю по селам Поморья и посадам Московского государства, добычу пушнины и торговлю оптовую и розничную всеми товарами как своего производства, так и скупочного характера. До введения хлебной монополии Строгановы были одними из самых крупных скупщиков хлеба. Одновременно Строгановы собрали и громадный земельный фонд по всем соседним уездам, вдоль рек, пользуясь не столько покупкой, сколько ссудно-денежными операциями под залог имущества. Имея все средства для закабаления мелких владельцев, Стро-

гановы не могли, конечно, пренебречь и таким легким способом для него, каким было испытанное в Московском государстве спаивание населения в кабаке под залог имущества. И когда автор «праздника кабацких ярыжек» говорит о широкой славе кабака, он перечисляет именно местности, находившиеся под властью Строгановых. Не случайно цитированный выше стих упоминает и о«дальних языческих странах», которые слышат кабацкое «обнажение». О хищнической торговле Строганова пушниной сохранились даже воспоминания у голландца Витзена. Хорошо известно, как до недавнего времени шла подобная торговля с полудикими северными и сибирскими народами; спаивание населения, которое за водку почти даром отдавало свой товар, практиковалось издавна; не миновали, конечно, такого способа и агенты Строгановых; недаром о них сохранилась такая печальная память.

Хозяйственная деятельность Строгановых, как видим, неизбежно должна была создать в этом крае чрезвычайно обостренные отношения между населением, которое Строгановы последовательно разоряли, и хозяевами с их обширным штатом чиновников-исполнителей, не забывавших, конечно, и собственных интересов. Обезземеленное, лишенное промыслов население разными способами попадало в кабалу к предпринимателям, и в числе этих способов не последнее место занимал, конечно, по обычаю того времени, и кабак.

Все эти данные делают вполне вероятным появление памфлета против пьянства именно в Сольвычегодском краю.[1] Здесь на севере вдали от правящей Москвы, смелее могла быть и критика государственного учреждения, каким в ту пору был кабак. В эпоху, когда для царской казны, не оправившейся еще от финансового

[1] Собственные имена, встречающиеся в тексте «службы кабаку», известны по документам XVI—XVII вв. в северовосточной России. Н. М. Тупиков (Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903) приводит следующие имена, параллельные нашему тексту: *Т.* Розинка — *с. к.* Розянка, *Т.* Кокора — *с. к.* Кокорка, *Т.* Трус — *с. к.* Трус. *Т.* Кур, Куря, Курец — *с. к.* Куреха, *Т.* Гомзяк — *с. к.* Гомзин, *Т.* Черной, Черный — *с. к.* Черный. Эпитет пьяницы «дурносоп» имеет интересную параллель в фамилии Дурносопов, отмеченной Тупиковым в 1551 г. у белозерца (стр. 540). Таким образом и эти данные не противоречат нашему предположению, что памятник возник на Севере. Постоянный эпитет пьяницы — голянский — встречается в сказках северного края даже в новейших записях — см. И. Карнаухова, Сказки северного края, Л., 1934, стр. 362.

кризиса, кабаки были особенно нужны, автор «Службы кабаку» прямолинейно и без оговорок высказал точку зрения противоположную государственной: для той кабак — один из главных источников дохода, откуда черпаются средства на самые разнообразные нужды вплоть до оплаты погребения (см. указ царя в 1615 г. взять на погребение умершей в Суздале царицы-старицы Александры из кабацких денег 50 р. — Прыжов, стр. 108), — для нашего автора кабак прежде всего — «людям обнажение велие». Противоречие интересов правящих и управляемых классов в вопросе о кабаке сказалось вполне отчетливо. Эта сатира-пародия в художественной форме рисует историю борьбы народа с кабаком, засвидетельствованную и документами XVII в.

Итак мы выяснили, насколько позволил это сделать имеющийся материал, при каких условиях могла возникнуть «служба кабаку». Что же можно сказать о социальной функции этого произведения? Как встретили его читатели, оказало ли оно воздействие и на них, и на следующую литературу? По свойству материала ответы на эти вопросы можно дать лишь более или менее предположительные.

Прежде всего — каково было распространение нашей сатиры? Мы уже указали, что сохранилась она всего в трех списках. Внешний вид их показывает, что они были очень зачитаны: стертые и полустертые строки и буквы, вырванные листы, списки, обнаруживающие потерянный оригинал, тоже уже достаточно испорченный, — все это говорит за то, что до нас дошла лишь незначительная часть когда-то существовавших копий «Службы кабаку», и что читалась она усердно. Это довольно обычное явление в древней Руси: именно много читавшиеся памятники в ней иногда сохранились в очень малом количестве списков. Ведь «Служба кабаку» — это не была та священная книга, которую берегли: это было чтение не только назидательное, но и занимательное, и к такой книге не было привычного уважения. Не забудем и того, что по всем данным этот памятник возник в провинции, довольно глухой; нет ничего удивительного, если списки его, ходившие по рукам, так и оставались где-нибудь в глуши у частных владельцев, не дойдя до крупных книгохранилищ. По счастью, до нас все-таки дошло одно свидетельство о том, что «Служба кабаку» действительно была хорошо знакомым произведением, и именно в той среде, какую в ней нарисовал автор.

Новое предисловие, прибавленное к тексту, повидимому, в конце XVII в., содержит в себе прямые указания на популярность сатиры и даже говорит о том впечатлении, какое она производила на читателей и слушателей. Посетители кабака, по словам автора этого предисловия, за свое поведение «ни поведания каковаго чинословнаго быша достоини, не бо хощет кто от них слышати или разглагольствовати... про их скаредное житие». И вот «ин некто от обретшихся писменно издаде, но да удобее привлечет коегождо к слышаню, сотвори повесть аллигорееiю их чином, сии есть глаголяи и иная изъявляя». Так характеризуется форма изложения, избранная автором «праздника». Этот праздник «им толико сотвори ненавистен, елико единаго слова они ярыжные слышати не могут, и не токмо же они, но и елицы в доме (далее испорченное место «клитвсостреи») живущих и сикор любящих, и сии такожде слышати ненавидят и яко нечистым духом одержими бесятся и не престанут от молвы, дондеже преминется сей праздник читати». Эти слова довольно образно рисуют нам чтение вслух «Службы кабаку» в большой компании любителей хмельного пития, которые, узнав самих себя в герое сатиры, поднимают шум, чтобы заглушить неприятное чтение. В этом изображении на первый план выступает впечатление от обличения самого пьянства, питуха, а не кабака, как виновника спаивания. Да и трудно ожидать, чтобы масса сразу осознала этот социальный момент сатиры. Привыкшие издавна к разным литературным формам обличения пьянства, слушатели, конечно, и здесь должны были воспринять этот хорошо знакомый им мотив — пьянство грех, который губит душу. Резко реалистическое изображение этого греха не могло быть лестно и приятно завсегдатаям кабака, оттого они и «бесятся, яко нечистым духом одержими». Слишком в упор бьет их автор, напоминая, до какого падения доводит их кабак. Не в этой безнадежно опустившейся среде надо искать тех, кто мог оценить и другую сторону сатиры — бичевание кабака, этой «несытой утробы». Родственники и вообще близкие «питухов», т. е. люди того же класса, кто подавал челобитные на усердных целовальников, отпускающих вино в долг «не по животу и промыслам», кто исчислял убытки от пропитого и заложенного имущества, кто просил о закрытии кабаков, — вот кто мог оценить и понять «кабацкий праздник» не только как осуждение пьяницы, но и как критику целой системы спаивания.

Но предисловие затрагивает и еще одну существенную сторону нашей сатиры. Мы уже ставили выше вопрос о том, как в условиях русской жизни XVII в. могла появиться пародия на церковную службу. Оказывается, новая непривычная форма действительно вызвала у некоторых читателей смущение. Были люди, которые сочли «увеселительное» применение церковной службы кощунством «и от сего совесть немощна сущи смущается». «Таковыи да не понуждается к читанию», продолжает автор предисловия, «но да оставит могущему и читати и ползоватися». Вот эти смущающиеся и понудили нового автора вступиться за своего предшественника, оправдать его добрые намерения, сравнив его с врачом, употребляющим яд «в мерном разстворении»: «и по сему не есть порочно сие изложение кабацкого праздника», так заключается эта защита. Однако, помня об этих соблазняющихся, новый редактор счел полезным к «смехотворному образу» прибавить «выписки из божественного писания о тех же пьяницах... да воздержатца не токмо сами, но и домашних своих да научают всякому целомудрию и трезвости». Так создалась вторая редакция «Службы кабаку», новая рамка для нее, значительно ослабившая прежний резкий тон ее: самый текст при этом не потерпел изменений, но он несколько растворился в обширных добавочных статьях, которые возвращают нас к старой привычной точке зрения — пьянство прежде всего грех. Оттого и статьи эти использовали старый материал, иногда лишь переложивши его в новую, согласную с модой того времени, форму. Опять перед нами мелькают хорошо знакомые образы из переводных поучений против пьянства, из апокрифической, исторической и повествовательной литературы. Эта новая редакция — особый этап в развитии нашего памятника, создавшийся позже в другой среде, и подлежит поэтому специальному исследованию.

«Служба кабаку» — старшая законченная пародия на церковную литературу — не осталась без продолжения. Вскоре после нее в «повести о попе Савве» используется форма церковного акафиста с его характерными единоначатиями, так же лишь как прием для обличения общественного, а не литературного явления.

На фоне этих литературных фактов особый интерес приобретает «всепьянейший собор» Петра Первого. Как мы видим теперь, это не была индивидуальная затея, не имевшая корней в прошлом: задолго до Петра пьяницы оказались героями своеобразного церковного чествования, сближавшего их с мучениками и пре-

подобными. Оставив в стороне политическое значение церемониала посвящения папы всепьянейшим собором, мы не можем не признать, что внешняя форма этого церемониала почти целиком пародирует православные церковные обряды посвящения. Следует отметить при этом, что в петровской затее, несомненно, ощущается известный элемент непосредственной насмешки над самим сложным церковным обрядом: пародирование церковных возгласов и обрядов вряд ли было здесь только средством.

Пародии на разнообразные церковные формы мы в изобилии находим в литературе XVIII в. и рукописной и печатной. Политические события зачастую были толчком для создания подобных пародий, воспроизводивших привычные славянские тексты церковных памятников, иногда не без воздействия аналогичных европейских пародий. Духовная школа способствовала особой популярности этого вида пародий, который при ее содействии дожил и до XIX в., превращаясь нередко в настоящую литературную пародию, без ясно выраженной общественно-сатирической окраски.

Вспомним Н. Щербину, который отдал дань и обычному в духовной школе пародированию витиеватой славяно-русской речи с библейскими цитатами в своих «аттестатах студиозусам семинарии» Аполлинарию Тропаревскому и Викентию Курильскому (см. Полное собрание сочинений, 1873, стр. 279—285), и высмеял с помощью того же приема некоторых литераторов своего времени (Шевырев). Его «Хвалебная песнь блаженному борзописцу некоему литературы ради юродивому» (ср. Христа ради юродивые), как и «икос безумному попу Саве» XVII в. пародирует церковные акафисты: «Радуйся, Испании невидание, Радуйся, Испании описание, Радуйся, живописи непонимание, Радуйся, живописи трактование, Радуйся, жандармов трепетание» (стр. 294) и т. д. Здесь опять, как в XVII в., цель — общественная сатира, а пародия — лишь прием для ее оформления.[1]

[1] Пародирование церковного обряда и связанных с ним словесных форм не чуждо и устной традиции. В 1914 г. М. Азадовскому удалось «записать интереснейший обряд празднования масленицы», который сопровождался «действиями и песнями пародийного значения: пародии на отдельные моменты церковной службы и литургические песнопения. Один из участников «оболокается в сеть». Она должна изображать ризу священника. В руки он берет за длинную тесемку «олочку» (вид обуви) и, помахивая этой олочкой, подражает действиям кадящего священнослужителя. Затем начинается самая служба, состоящая из ряда каламбуров, иногда весьма фривольного

Так, каждая эпоха в моменты усиления в литературе обличительной сатирической струи среди других приемов не минует и использования церковно-литературного материала. Даже в наше время, когда для большинства этот материал перестал быть той «классической» формой, какой он был в XVII—XVIII вв. почти для всех, а в XIX еще для многих, — мы иногда встречаем возврат к старому приему.

## *ПРИЛОЖЕНИЕ I*

В основу издания текста «Службы кабаку» положен список Гос. Исторического музея № 3860 (П). Это сборник в восьмерку на 389 лл. (по старому счету 461, но часть, несомненно, как видно и из текста службы, утеряна); сборник писан русской скорописью и отчасти полууставом разных рук. Водяные знаки разного времени и показывают, что сборник сплетен из тетрадей различного времени: есть знаки 1630—1640-х годов (кувшин, кисть винограда), но есть и голова шута, характерная для 60—80-х годов XVII в. Этот знак находим и на тех листах, где помещена «Служба кабаку», занимающая лл. 346—387 и писанная двумя почерками второй половины XVII в. В оглавлении сборника, приведенном на лл. 2—6 об., после слова о Никите, старце Печерском, следует заглавие нашего памятника — «О службе кабаку». Внизу по лл. 347—362 помещена разобранная нами выше запись с датой списка.

Список «Службы кабаку» не исправный: есть не только пропуски и искажения отдельных слов, но местами вырваны листы, либо перепутаны при переплете, когда соединялись в один сборник статьи разного времени. Там, где оказалось возможным, эти пропуски и искажения исправлены с помощью других списков службы и внесены в основной текст с соответствующими указаниями в вариантах. Все они в издании помечены скобками. Внесены в текст и те чтения, которые в более поздних списках службы сохранили большую близость к ее книжному оригиналу, так как допускать вторичную правку текста по этим оригиналам у нас нет оснований, напр. пародия на церковное «Свете тихий...» кончается в сп. П словами — «тем же тя мир хвалит», в обоих

свойства, распеваемых на мотив ектении, причем слова припева подбираются так, что они созвучны молитвенному припеву «господи помилуй» (М. Азадовский. Беседы собирателя, изд. 2, Иркутск, 1925, стр. 50).

других списках — «...мир славит». Выбираем последнее чтение, так как в церковном оригинале читается «мир славит тя». Или — в сп. П читаем: «речение бо злое губит добрая», в двух поздних — «рачение...», что соответствует оригиналу — паремийному чтению, где находим также «рачение бо злое губит добрая». Такие примеры встречаются, впрочем, не часто, да и вообще количество вариантов сравнительно не велико, и ни о какой сознательной переделке старшего текста поздними переписчиками говорить не приходится. Мы имеем либо механические пропуски и ошибки, либо иногда, сообразно с общей стилистической манерой службы, замену книжных выражений просторечием, иногда даже введение рифмы. Напр. в старшем списке читаем: «Пьяница яко теля наго процвете убожеством», что соответствует церковному — «Праведник яко финик процветет». Вариант в списке И дает — «пьяница яко теля валяетца». Или — в сп. П читаем — «каменьем бывает бьен» (л. 293) — ср. паремийное «от пращ каменных»; список И заменяет это более понятным и близким к быту — «биют батоги». Варианты в большинстве случаев объединяют оба поздних списка, чем несколько облегчается установление пропусков и ошибок в списке П. Весь текст службы написан в одной стилистической манере, с одними и теми же излюбленными приемами и оборотами, поэтому нет оснований предполагать дополнение его поздними переписчиками, и это дает нам право вставить в основной текст песнопения, отсутствующие в старшем тексте, но имеющиеся в двух других.

Второй по времени список «Службы кабаку» находится в рукописи Гос. Историч. музея № 3859 (И), первой половины XVIII в. (водяной знак — герб города Амстердама); рукопись в восьмерку, на 57 лл., в начале и конце листов недостает; писана русской скорописью, местами полууставом разных рук, содержит только службу, но с дополнительными статьями о пьянстве, о которых см. ниже в Приложении II. Это список и в расположении текста, и в вариантах почти полностью совпадает с третьей копией «Службы кабаку» половины XVIII в. — Библ. им. Ленина № 1565 (Р) (собрания И. Д. Беляева). Это сборник в восьмерку, на 63 лл., скорописи очень неразборчивой, местами почти стертой, особенно по углам внизу. «Служба кабаку» занимает в нем лл. 3 об. — 40 об. Впереди текста службы, хотя и без начала, помещено новое предисловие, а с л. 40 об. до 62 дополнительные статьи, о которых ниже, в Приложении II. Оба последних списка,

несомненно, списаны с одного оригинала, что обнаруживается наличием в них одних и тех же пропусков, перестановок, ошибок. Вообще варианты к сп. П почти всегда объединяют эти списки. Но и их оригинал далеко не исправен, и их чтения в свою очередь приходится исправлять с помощью старшего текста.

Таким образом наше издание дает текст, предположительно восстановленный на основе имеющегося материала. Но последний не дал возможности исправить все ошибочные чтения: смысл некоторых отдельных мест остается неразъясненным. Впрочем таких темных мест немного. В приводимом далее тексте более мелким шрифтом (корпусом) вставлены отрывки церковных песнопений, пародируемых нашим памятником.

*

(280) Месяца китовраса в нелепый день, иже в неподобных кабака шалнаго нареченнаго во иноческом чину Курехи и иже с ним страдавших[1] три еже высокоумных[2] самобратных по плоти[3] хупавых[4] Гомзина, Омельяна[5] и Алафии буявых губителей[6] [христианских. Празднество в неподобных местех на кабаках, где, когда, кто с верою изволит праздновати трех слепителей вина и пива и меда, христианских лупителей и человеческих разумов пустотворцов].[7]

На малеи вечерни поблаговестим в малые чарки, таже позвоним в полведришки [пивишка],[8] таже стихиры [в меншеи заклад][9] в перстни и в но(об.)гавицы и в рукавицы и[10] в ш[т]аны и[11] в портки.

и изшед благовестит в колокол; звонит во вся колоколы три звона. (Вечерня, Часослов)

Глас пустошнии[12] подобен вседневному обнажению.

Запев: Да уповает пропоица на корчме испити[13] лохом,[10] а иное и своему достанетца.[11]

Да уповает Израиль на Господа. (Час.)

В три дня очистился еси[10] до нага,[11] яко же есть писано: пьяницы царьствия божия не наследят. Без воды на суше тонет; был со всем, а стал ни с чем. Перстни, человече, на руке мешают, нога[вицы] (281) тяжело носить, портки [и ты их][14] на пиво

---

[1—2] трех Р. [3—4] *проп.* Р. [5] *так* Р; П Омельяса. [6] лужителей Р. [6—7] *доб.* Р; П остьянских. [8] *так* Р; П *неясно.* [9] *так* Р, И; П *неясно.* [10—11] *проп.* Р. [12] произволной Р, И. [13] испив Р, И. [14] *доб.* Р, И.

меняеш; пьешь з басы, а проспишся с позоры, воротишь в густую, всякому [у себя] [15] велишь пити, а на завтреи и самому будет просити, проспишся-хватишся.

В третий день воскресл еси, Христе, из гроба, яко же есть писано. (Треф.)

Стих: [16] И тои избавит тя [17] до нага [18] от всего платья [твоего пропитаго] [19] на кабаке [20] с увечьем.[21]

И тои избавит Израиля от всех беззаконий его. (Окт.)

Три дни испил еси, безо всего [имения стал еси], [22] доспе мя еси похмельныя [23] болезни и похмелья, на три дни купил еси, рукоделие [не продав] [24] заложил еси (об.) и около кабака часто ходити извыкл [25] еси, и гледети [26] прилежно [27] ис чужих рук извыкл [28] еси; гледение лихое пуще прошенья бывает.

Стих: [29] Хвалят [30] пропоицу, как у него в руках видят.[31]

Бубенная стукота [32] созывает пьющих на шалное дуровство,[33] велит [34] нам нищеты [35] ярем [36] восприяти, глаголет винопиицам: приидете, возвеселимся, вмале сотворим с плечь [37] возношение платью (282) нашему, на вине пропивание, се бо нам [цвет приносится] [38] наготы, а гладу время приближается.

Стих: [39] Яко утвердися на кабаке пьючи, голым гузном сажу с полатеи мести во веки.

Ибо утверди вселенную, яже не подвижится. (Ч., М.)

Кто ли пропився до нага не помянет тебя, кабаче непотребне? [40] Како [41] ли кто не воздохнет во многия времена собираемо [42] богатство, а во един час [43] все погибе? [44] Каеты много, а воротить нелзе.[45] Кто ли (об.) про тебя не молвит, кабаче непотребне, да лишитца [46] не мотчи? [47]

Кто тебе не блажит, пресвятая девице, или кто не воспевает... (Треф.)

Слава и ныне сипавая с позоры.

---

[15] *доб.* Р, И. [16] запев. Р, И. [17—18] *проп.* Р, И. [19] *так* Р, И; П пропил. [20—21] *проп.* Р, И. [22] *доб.* Р, И. [22—23] *проп.* Р. И. [24] *доб.* Р, И. [25] изволил Р, И. [26—27] *проп.* Р, И. [28] изволил Р, И. [29] запев Р, И. [30] хвалите Р, И. [31] видите Р, И. [32] бубенной звук Р, И. [33] воровство Р, И. [34] веры Р, И. [35—36] *проп.* Р, И. [37] с плачем Р, И. [38] *так* Р, И; П свет приносит. [39] запев. Р, И. [40—41] *проп.* Р, И. [42] назбирав Р, И. [43—44] пропивши Р, И. [44—45] *проп.* Р, И. [46—47] им же отлучитися невозможно Р, И.

Приидете вси искуснии человецы и благонарочитии[48] в разуме,[49] почюдимся таковаго пития науке. Исперва [бо младыми отрочаты будучи] [50] неволею нудими бывают [пити] [51] от родителей своих или от другов своих ближних, сегодни [в славу божию] [52] и позавтрее от болезни похмелныя нудят [53] неволею [54] пити, и мало по малу и сами (283) гораздни [станем пити] [55] и людей станем учити, а как научимся [56] пива [57] пити, и не мотчи ся и лишити; в прежние времена,[58] как мы не умели [59] пива [60] пити, всяк зовет, и на дом ходят, и мы не ходим, и в том гнев живет от другов своих, а ныне где и не зовут, и мы идем [61] своим напрасньством.[62] Хош и оговорят, и мы терпим, глухой клобук на себя наложим. Се довлеет нам, братие, отбегати, яко ото лва,[63] снедающа человека (об.). Тому почудимся, в мале часе, како изчезе [от нас] [64] мудрость, иступи же нагота,[65] и безумием наполнихся [и быхом] [66] видящим на смех, а себе [67] с пропою [68] на великую срамоту. Тем же злословим тя, кабаче непотребне, бесованию наставниче.[69]

Приидете мучениколюбцы вси... благочестно прославим славнаго... Приидите сошедшеся, вернии... торжество свершим днесь... (М.)

На стиховне стихиры,[70] подобен: [71] дом пустеет.

Стихиры глас 2 подобен: Доме Еуфрафов. (М.)

Дом потешен, голодом [72] изнавешан, робята [73] пищать, ести хотят, а мы право [74] божимся, что и сами не етчи (284) ложимся.

Дом и жилище духу пресвятому... (М.)

Стих: Многи скорби с похмелья [75] живучи [76] бывают.

Стих: Многи скорби праведным и от всех их избавит их господь. (М.)

Полати кабацкие, приимете пропоицу, нагие веселитеся, се бо вам [нагим другии] [77] подражатель явися, голоду терпитель.

Стих: Пьяница, яко теля [78] наго [79] процвете убожеством.

Праведник яко финик процветает (М.)

Днесь пьян бывает и богат вельми, а как проспитца, перекусить нечего,[80] с сорому [81] чужую сторону спознавает.

---

[48—49] *проп.* Р, И. [50, 51, 52] *доб.* Р, И. [53—54] мало Р, И. [55] *так* Р, И; П быти. [56—57] *проп.* Р, И. [58] *в* Р *отсюда большой пропуск — выриван л. 6-й и в ркп. идет л. 7-й.* [59—60] *проп.* Р, И. [61—62] *проп.* Р, И. [63] *доб.* отаи И. [64] *доб.* И. [65] ступихом на лествицу нагот И. [66] *доб.* И. [67—68] *проп.* Р, И. [69] *доб.* глупым приставниче И. [70—71] *проп.* Р, И. [72] голоду и холоду И. [73] *доб.* у нас. И. [74] мы им. И. [75—76] *проп.* И. [77] *доб.* И. [78—79] валяетца И. [80—81] сего ради скоро И.

Слава и ныне.[82] Отецкому [83] сыну суровому [неученому].[84] (об.) Отецкои сын суровои [роспотешился],[85] с ярыжными спознался, и на полатях [голым гузном] [86] в саже повалялся, взявши кошел и [87] под окны [88] пошел.

И протчее всеобычное пьем по добыткам, во што верят; таже нагота или босота и отпуст [безо всего платья] [89] по [90] обычаю ж [91] и многое падение бывает [колпаком] [92] ронянию шапкам [пред обедом].[93]

и отпуст по обычаю... (М.) По отпусте же... идут в трапезу вечеряти... и творим метание на киижло стих... (Час.)

На вели[цеи] вечерни позвоним во все платье,[94] пред обедом [95] изопьем ковша по три вина, таже глаголем пустошную кафизму, что прибрело. Таже [96] на ризы [97] пропи (285) вание, понесем ис погреба болшии ведра вина. Таже стихиры на все платье вина до нага [98] вседневно скорби воздыханием.[99]

Глас шестопятой подобен:[100] не радуися пити на людех, да своего не потеряешь.

Запев: Изведи из непотребнаго пьянства душу мою.

Изведи из темницы душу мою. (Час.)

Приидете всяк град и страна торжествуем мерских смутотворцев память мрачно,[101] светлоков запечных [102] возвеселим голодом, воспоем [103] торговыми казни, иже от своего (об.) неразумия страждущих, непослушливых, отцем и матерем непокоривых [104] укорим; [105] не бога ради мраз и глад и наготу терпящих, битьем и похвалами воспоем глаголюще: радуитеся, яко мзда ваша [106] многа [107] на полатях в саже.

Всякий град и страна чтет мощи ваша... (Тр. Цв.)

Стих: Вземлюще заклад, что мне [108] пропити.

Приидете безумнии [109] и воспоите песни нелепые пропоицам, яко из добрыя воли избраша себе убыток; приидете, пропоицы,

---

82—83 неученному Р, И. *Здесь возобновляется сп.* Р. 84 *доб.* Р, И. 85 *так* Р, И; П роспотешил еси. 86 *доб.* Р, И. 87—88 по подворьям Р, И. 89 *доб.* Р, И. 90—91 сем же Р, И. 92—93 *доб.* Р, И. 94—95 *проп.* Р, И. 96—97 каризы Р, И. 98 *доб.* от Р, И. 99 и воздыхания Р, И. 100 *Отсюда в сп. И большой пропуск — вырваны листы.* 101—102 сверчков запертых Р. 103 воспочтим Р. 104—105 скорбящих Р. 106—107 *проп.* Р. 108 чтобы Р. 109 *доб.* человецы Р.

срадуитеся, с печи бросаитеся, [110] [голодом, воскликните убожеством, процветите, яко собачьи губы, кои в скаредных местех растут.

> Приидите песньми венчаем страдалца Христова, яко цвет селныи рая божественнаго благорасленый цвет, православных овча, чистоте доброта, вере утвержение, слава воздержанию, явися явственно мирови, тем же венец приял царствия непременен (Мин. Сл.).

Стих: Глухие потешно слушайте, нагие веселитеся, ремением секитеся, дурость к вам приближается, (8 об.) безрукие взыграйте в гусли, буявые воскликните бражником песни безумия, безногие возскочите, нелепаго сего торжества злы диадиму украсите праздник сеи: [111]

Запев: Яко желает всяк человек с похмелья оправитися.

Дурныя и бесныя спецытеся, самохотныя вам дары пред грядут, носяще своя кропивныя венцы терпения своего, с конца бо горят, а з другова говорят; безголовыя и слепыя, последуите ми на печь в пропасную улицу и видите, каково се приятие в земли пропоицы отлучение своего живота, взяша бо себе корень тоски, цвет охания, (9 об.) ветви срамоты, з голодом звонят, с босотою припевают, глядят из запечья] [112] (286) что живые родители, что жуки ис калу выползли, пищат, что щенята, просят [113] [114]денешки на чарку, а инои на хлеб подает; белые руки, что ожоги, рожи, что котелные дна, зубы светлеют, глазы пиликают, горлы рыкают, аки псы грызут. Как дал тот боголюбец денешку, а инии глаголет: меня пожаловал. Кто тех жития не похулит, яко вместо добра злые дни себе возлюбиша, кражею и ложью и татбою величают и своея жизни нерадящих.[115] (об.)

Стих: От всего блага [116] пьянства ради лишихся.

Приидете вси искуснии и благонарочитии в разуме, отбежим таковаго рва самохотнаго, [впадающих] [117] в него и влекущих нас другов [118] в сие.[119] Вси отреваитеся, яко не добре нам смышляющим и влекущим нас в ров погибели. Невинно бо есть [нам вино],[120] но проклято есть пьянство с неудержанием. Создан бо есть хмель умному на честь, а безумному на погибель. Яко бог прославится

---

[110—112] *в сп.* П *здесь вырван лист; восполняем по сп.* Р. [111] *Здесь в* Р *песнопение, которое в* П *читается дальше — л. 287*: Стих: Всего добра пианства ради лишихся... [113] *доб.* хлеба куска Р. [114—115] *проп.* Р, *вместо этого ошибочно вставлен отрывок из жития — см. ниже.* [116] добра Р; [117] *так* Р; П впадающего. [118—119] *проп.* Р. [120] *доб.* Р.

(287) в разумном человеце, свет бо ему разум, им же ся озаряет, разсуждение таковых [зол][121] отлучаетца, тех достоино ублажаем.

[122] Стих: Егда зазвоним во все животы, слава всякому человеку по делом его.[123]

Егда славнии человецы, в животех искуснии, в разуме за уныние хмелем обвеселяхуся, тогда егда во многия дни се творимо, питьем омрачаху свои сущии разум, в нощ неразумия претворяху, до нага пропивахуся.

> Егда славнии ученицы на умовении вечери просвещахуся, тогда Иуда злочестивый сребролюбия недугом омрачашеся, беззаконным судиям тебе праведнаго судию предает. Виждь имением любителю, иже сих ради несытство стяжавше и удавлению вдавшеся, бежи несытыя души, яже учителю таковая содеявшия, иже о всех благии господи, слава тебе. (Час.)

Егда же (об.) просыпахуся, срамотою уязвляхуся; егда же от даема пития с похмелья на первыи свои чин возвращаху, на свои живот пагубно оболгахуся, яко ни единоя ризы в дому оставити, пространныя пропасти возлюби, на ветр живот свой розвеяша. Потащи, понеси, наливаи, егда же напившися, тогда же веселием, дуростию и шумом наполняшеся рытье во все горло во отлучение своего живота. Егда же просыпашеся, (288) [124]тогда болезнию озаряшеся и частым оханьем согубяшеся; егда же в меру трезваго разума достигаше, тогда печалию болезнено уязвляшеся, яко много пропито, неведомо что, конец житию моему будет, не вем, откуду и как почати жити, и обеты [125] и каеты [126] на себя и клятву налагаше, яко [и впред] [127] не пити. Егда же долго не пиваше, тогда же похотию яко стрелою уязвляшеся, как бы мощно [128] испити в славу божию (об.). Егда же чрез клятву дерзаше, на питие простирашеся и испиваше и [на] [129] пугвицы изливаше и [130] семо и овамо,[131] яко болван бездушен [валяхуся], [132] сам себе душегубец и убиица являшеся, и в горшая напасти впадаше горчае перваго, и таиная наша вся си являше, в позор человеком [быша]. [133] Чего[134] и не творим, ино добрые люди втрое прибавят. Всяк ся ублюет, толко не всяк на собя скажет; под лесом видят, а под носом не слышат. [135] Безместно [136] (289)

---

[121] *доб.* Р. [122—123] *проп.* Р; *отсюда в Р большой пропуск.* [124] *отсюда возобновляются сп. Р, И.* [125—126] *проп.* Р, И. [127] *так* Р, И; П в среду [128] немножко Р, И. [129] *доб.* Р. И. [130—131] *проп.* Р, И. [132] *доб.* Р, И. [133] *доб.* Р, И. [134] *доб.* сами Р. [135—136] пьяницы бо безсмертное Р, И.

житие возлюбихом, по глаголющему: злато ваше изоржаве, си ризы ваша молие поядоша, а пьяницы же и пропоицы злату ржавчину протираху и своему житию веятели[137] являхуся.[138] Наг обявляшеся, не задевает, ни тлеет[139] самородная рубашка, и[140] пуп гол: когда[141] сором, ты закроися перстом.[142] Слава тебе, господи, было да с[п]лыло, не о чем думати, лише спи,[143] не стои, одно лише оборону от клопов держи, а то жити[144] весело, а ести нечего, (об.) руки к сердцу прижавше, да кыш[145] на печь, лутче черта в углу не стукаешь. Того ради вси[146] от бездилия[147] вопием ти: веселися, радуися, уляпался, и двожды наимуися, денешку добудь, алтынец съеж, а половиною прикуп твори, а иногда[148] и не етчи спи.[149]

[Слава][150] и ныне таков же голос.

Одиннатцать семь и платье с плеч, стремка[151] не стала, одиннатцать солгала, в бороду скочила, радость сказала; радуися, уляпался, не один вас у матки [остался],[152] (290) много вас смутотворцов, да не в одном месте, оголи гузном скачут, белые руки в роте греют. Родила вас мама, да не приняла[153] вас яма. В лете не потеете,[154] [а в зиме не зябете, за щеками руки греете],[155] живете, что[156] грязь месите.[157] Увы нам, куды нам, где ни поживем, везде загрезим, где ни станем, тут воняем, людей[158] от себя[159] разгоняем, за дурость ума нашего и сущии родители нас отлучишася, и глаголют, яко (об.) не родивше нас; житием своим процвели есте, яко голики, чем баню метут, такои вами, пропоицы, что чортом, диру затыкают, тем достоино злословим и ублажаем[160] вас.

[161] Святыя славы кабацкия.[162]

Несвятыя[163] славы на кабак залесть [желают],[164] но недобрые поминаем отцем и матерно наказание, да мы их не слушаем, таково нам се и збываетца. Поминают сына [на][165] воровстве и отцу не пособил, бьют по хребту, а сто (291) ронные люди глаголют: достоино и праведно вора смиряти [и бити][166]

---

[137] глупу делатели Р, И. [138—139] ничесого бо надеваху не имеет на них Р, И. [140—141] и голопупым ходяще, егда же бывает Р, И. [142] *доб.* благодарение сицево имуще Р, И. [143—144] да лежи жити вам Р, И. [145] скок Р, И. [146—147] *проп.* Р, И. [148—149] *нет* И; прикуп твори Р. [150] *доб.* Р, И. [151] три семь Р, И. [152] *доб.* Р, И. [153] озинула Р, И. [154—155] *так* Р, И; П лише за щеки зиме не водите. [155—156] а ногами Р, И. [157] *так* Р, И; весите П [158—159] *проп.* Р, И. [160] воздуряем Р, И. [161—162] *проп.* Р, И. [163] непотребныя Р, И. [164] *доб.* Р, И. [165] *доб.* Р, И. [166] *доб.* Р, И.

и всяк [167] [смотря на то добру накажется].[168] Сыне, добро слышати отца, жизнь твоя пробавитца, тем же тя мир [славит].[169]

Свете тихий, святыя славы безсмертного отца, небесного святаго блаженного Иисусе Христе. Пришедшу солнцу на запад, видевше свет вечерний, поем отца и сына и святаго духа бога. Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными, сыне божий, живот даяй всему миру, его же ради весь мир славит тя. (Час.)

[170] Таже выход ис погреба с пивом. Прокимен [171] и ермес [172] на печи глаголет: [173] Пьяница пропився в раздранныя [рубища] [174] облечется.

Всяк бо пияница отлучится от бога и людей и облечется в раздранныя рубища. (Поучение к царем и князем... еже не упиватися. Пролог, 7 апреля — см. Пономарев, Памятники... в. IV, стр. 141—142).

Стих: [А буде] [175] что наидеш или украдеш,[176] то [177] понеси на кабак.

Стих: Хошь [178] и любое [179] платно,[180] да [181] пропити не мотчи ся удержати.

Таже паремьи. (об.) От мирскáго жития чтение.

Пьяниц безвоздержанных и непослушливых душа в руках бесовских [суть] [182] и прикоснется им мука.[183] Непщевани быша [184] во очию мудрых и мрети без покаяния, и еже от пития сокрушение костем и [зубом],[185] отпадения [186] плоти [187] его [188] ибо пред лицем человеческим [189] непостыдни суть, аще и наготу приимут, упование их на пьянство с напрасньством. Аще и биени [190] от вина, докуки не [любят, пьют до дна],[191] яко бес искуси их и обрете их [подобных себе],[192] яко (292) смолу на них приготових, и яко всеплодну жертву огненному родству подав, и до время воровства их [наги] [193] по торгу [биени] [194] будут и яко река ото очию их слезы потекут.[195] Преидет [196] судят своему удержанию [197] и

---

[167—168] *так* Р, И; П на того ся кажет. [169] *так* Р, И; П хвалит. [170—171] *в* Р, И *выше — вместо* «святыя славы кабацкия». [172—173] *проп.* Р, И. [174] *так* Р, И; П ризы. [175] *так Р*; П ибо; И о беде. [176—177] *проп.* Р, И. [178—179] *проп.* Р, И. [180—181] *проп.* Р, И. [182] *доб.* Р, И. [183—184] *проп.* Р, И. [185] *доб.* Р, И. [186] *доб.* от Р, И. [187—188] *проп.* Р, И. [189] владычним Р, И. [190] пианицы Р, пиании И. [191] *так* Р, И; П отлагают [192] *так* Р, И; П неблагодарных. [193] *так* Р, И; П ачи. [194] *доб.* Р, И. [195—196] *проп.* Р, И. [197] невоздержаннию Р, И.

обладаеми хмелем и вкоренитца в них пьянство, и в нищете пребудут о нем, яко благодать на полатях и запечная улица на гольянских и попечение в [костарнех].[198]

От премудрости Соломони чтение глава 3.

Праведных душа в руце божии, и не прикоснется им мука, непщевани быша во очию безумных умрети, и вменися озлобление исход их, и еже от нас шествие сокрушение, они же суть в мире, ибо пред лицем человеческим аще и муку приимут, упование их безсмертия исполнь, и малом показани быша, великая восприимут, яко бог искуси их и обрете достоины себе, яко злато в горниле искуси их и яко всеплодну жертву прият их, и во время посещения их восияют и яко искры по стеблию отекут. Судят языком и обладают людьми, и воцарится господь в них во веки, надеющиися нань разумеют истину, и вернии любовию пребудут в нем, яко благодать и милость в преподобных его, и посещение во избранных его. (Мин.)

От мирскаго жития чтение.

Пьяницы на [кабаке] [199] живут [об.] и попечение имут о приезжих людех [како бы их облупити и на кабаке пропити и того ради приимут раны и болезни и скорби много],[200] сего ради приношение Христа ради приимут от рук их денешку [или полденешки] [201] и две денешки [и взявши питья попотчюют его] [202] [и егда хмель приезжаго человека преможет, и разопьется] [203] и ведром пива голянских наидет,[204] и приимет оружие пьянства и ревностию драки и наложит [шлем дурости и приимет щит] [205] наготы, поострит кулаки на драку, вооружит лице на бои, поидут стрелы ис полинниц, яко от пружна [206] лука и каменьем [207] бывает бьем [208] (293) пьяница, вознегодует и на них целовалник и [209] ярыжные напрасливы з батоги проводит,[210] яко вихор развиет пьяных и очистя их до нага, да на них же утре бесчестие правят, и отпустит их [с великою скорбию и с ранами] [211] во свою землю безо всего.[212] Слышите, [благочестивие и младые] [213] и внушите приезние гости, а даеться вам [214] сия напасть за глупость,[215] и сила ваша в немощь претворяется.

---

[198] *так* Р, И; П костарнеих. [199] *так* Р, И; П бане. [200] *доб.* Р; како бы их облупити и на кабаке пропити И. [201] *доб.* Р, И. [202] *доб.* Р, И. [203] *так* Р, И; П яко хмель десницу положит приезжему пропитися. [204] напоят И. [205] *доб.* Р, И. [206] крепка Р; чренка И. [207—208] биют Р; биют батоги И. [209—210] начнут бити батоги и прогонят их Р, И. [211] *доб.* Р. И. [211—212] *проп.* Р, И. [213] *так* Р, И; П благочестия млады. [214—215] сие на память, зане глупость есть Р, И.

От премудрости Соломони чтение глава 5.

Праведници во веки живут, и от господа мзда им, и помышление их пред вышним, сего ради приимут царьствие благолепия и венец доброты от руки господни, яко десницею покрыет их и мышцею защитит их, приимет все оружие ревности его и вооружено сотворит создание в месть врагом и облечет я во броня правды и возложит шлем суд нелицемерен, и приимет щит непобедимь преподобие, поострит же напрасен гнев во оружии и поборет с ним мир на безумныя, и поидут праволучне стрелы молниины, яко от благокругла лука облаков на намерение летят, и от пращ каменных ярости исполнь падут грады, вознегодует на них вода морьская, реки же потекут жесточае, сопротив станет им дух силы, и яко вихорь развеет я и отпустит всю землю беззаконие, и злодеяние превратит престолы силных. Слышите убо, царие, и разумеите и накажитеся судии концем земли, внушите содержащим множества и гордящиися о народех язык, яко дана бысть от господа держава вам и сила от вышняго.

От мирскаго жития чтение.

Правдивыи человек аще пьет (об.) и по корчмам [216] водится, в позор будет; старость его не честна, ни многолетна, и в число [217] воровство его лишит,[218] седины же его срам ему приносят, старость бо жития его с позоры, изволив житие скверно, благоугоден пьяницам быв, живыи посреде трезвых преставлен бысть шалством, восхищен бысть [и с] [219] ярыжными на воровстве [уловлен бысть] [220] да злоба покрыет разум его, и лесть пьянства превратит душу его; [рачение] [221] бо злое (294) губит добрая, и желание похоти прелагает его в ров погибели; [222] скончавшуся ему от воровства никто по нем не потужит, исполнит лета своя в питии и [223] угодна бы бесу [224] душа его. Сего ради подщався от среды лукавствия,[225] где что выманити да пропити, у всякого человека просити пива и вина и отнимати насилством. Людие же видевше у кого [226] имаеть, [227] бити ему сотвориша, а иные человецы [бога ради] [228] его пустиша и не (об.) положиша в кручину сего, яко бити его некого и сняти с него нечего.

От премудрости Соломони чтение глава 4.

Праведник аще постигнет скончатися в покои будет. Старость бо честна, не многолетна, ни в числе лет изочтена, седина же есть мудрость человеком в возраст старости житие нескверно, благо-

[216] *доб.* ходит и Р, И. [217] силе И. [218] исчитается Р, И. [219] *доб.* Р, И. [220] *доб.* Р, И. [221] *так* Р, И; П речение. [222] в воровство погибелное Р, И. [223—224] не угодна бе Р. И. [225] злобы Р, И. [226—227] сила есть Р, И. [228] *так* Р, И; П в бога.

угоден богови быв, и возлюблен бысть, и живыи посреде грешник преставися, восхищен бысть, да не злоба изменит разума его или лесть прельстит душю его, рачение бо злое губит добрая и желание похоти пременяет ум незлобив, скончався вмале исполнит лета долга, угодна бо бе господеви душа его. Сего ради потщася от среды лукавьствия. Людие же видевше и не разумевше, ни положиша в помышлении таковаго, яко благодать и милость на преподобных его и посещение во избранных его. (М.)

Таже:[229] Сподоби, господи, вечер сеи без побоев до пьяна напитися нам. Лягу спати, благ еси нам, хмелю ищущим и пьющим, и пьяни обретошася, тобою хвално и прославлено имя твое во веки нами. Буди, хмелю, сила твоя на нас, яко же уповахом пьюще на тя.[230]

Сподоби, господи, в вечер сей без греха сохранитися нам, благословен еси, господи, боже отец наших, и хвално и прославлено имя твое во веки аминь. (Час.)

Буди, господи, милость твоя на нас, яко же уповахом на тя. (Ч.)

На литии стихиры: во отлучение досталных крох и прибыток чюжаго имения.

Глас[231] иныи: (295) 18.[232] Подобен: о болезненое шествие.

Вооружился на пьющих[233] крепко,[234] яко гороховое полохало, по образу, яко человек, по разуму же, яко нетопыр, в день не летает,[235] а в ноче летает, тако и ты,[236] пропоица, в день за печью лежишь свернувся, яко пес голодом мреш, а в ноче яко глуп подвижник[237] у пьяных мошни холостиш, а за труд свой[238] почесть[239] прутье терпиш, но дурнаго обычая не отлучаешся, на преднее свое[240] дуровство (об.) простираешся,[241] яко ворона по полатям[242] летает, тако и ты на полатях[243] смышляеш, как бы кого облупити. Сего ради почесть прием трудов своих, кропивным венцем увязе главу свою, кручиною изнаполнил еси сердце свое, [и с тоски][244] дектем помазал еси лице свое, процвел еси яко кропива, кто ея ни возмет, тот[245] руки[246] ожжет, тако и с тобою с пропоицем, хто ни подружитца, тот охнет; житием своим всех удивил еси, светяся, яко запечная звезда, (296) или яко[247] бисер в нелепе месте являяся, кои свини берут; разумом своим[248]

229—230 *проп.* Р, И. 231—232 пустошнои Р, И. 233—234 *проп.* Р, И. 235 *проп.* Р, И. 236 *проп.* Р. И. 237 *так* Р. И; П подважник 238—239 *проп.* Р, И. 240—241 воровство возвращается Р, И. 242—243 *проп.* Р, И. 244 *доб.* Р, И. 245—246 *проп.* Р, И. 247—248 свиния в кале валяяся Р, И.

во глубину пропасти понырнул еси, и от трудов [сниде][249] во три ады.[250]

Кондак мученику глас 2. Вооружився щитом веры, нечестивых полки победил еси... (Час.)

Посреди напасти скочил еси, в тюрму вселился еси и тамо сущую мзду трудов своих прием, ожерелье в три молоты стегано и перстен бур[мит]скои [251] на обе руки [наложил еси],[252] и нозе свои во кладе утверди, и тамо не мятежно [253] и не смутно [254] житие имея, поминаи [255] чтущих [256] дурость твою,[257] славословие к миру (об.) о милостыни принеси,[258] чтоб тебе было чем чрево свое наполнити. Тем [259] вас непослушливых в песнех поносных уляпаем.[260]

[261] Слава [262] хватливому по щокам. Глас остатошной.[263]

В терпении своем стяжал [264] еси [265] мзду свою, почесть [по щекам] [266] трудов своих приемля, скорби, соломянным венцем главу свою увязе, лице свое для ковша[267] поушники пьяным,[268] главу свою [269] попелом [270] изнаполнил, лице [271] свое сажею удручив,[272] постнически [273] жизнь (297) свою скончав, люди в рот, а ты глот.

В терпении твоем стяжал еси мзду свою, отче преподобне, в молитвах непрестанно терпя, нищих возлюбив, и сих удоволил еси... (Час.)

Послушлив быв пьяницам [274] и игумна наредят,[275] а ты, что бес, скочил; иному на полати на имя ковш подали, а ты с полатеи и скочил, бросился, мало головы не сломил, прискоча, что идол, хватился за ковш, ковша не выпил, а поушник [276] схватил, спасибо сказал, яз виноват,[277] блядина сына вырвал, а ты, пропоица, не впреки глаголеш: бог тебе платит на добром слове, блажен еси, яко никакова тебе скорбь не может [278] от пития [279] разлучити (об.) ни побои, [280] ни поушники,[281] ни глад, ни срам, ни родивших тя журбы, непостыдно лице имея, что бес пред заутренею лстиш, тако и ты, пропоица, для ковша душу свою топиш, пьющему

[249] *так* Р, И; П взыде. [250] *доб.* слава Р, И. [251] сурскои Р, И. [252] *доб.* Р, И. [253—254] *проп.* Р, И. [255—256] *проп.* Р, И. [257—258] и вместо славословия милостыни ту мира просиши Р, И. [259—260] *проп.* Р, И. [261] *отсюда в* Р, И *большой пропуск, который читается ниже.* [262—263] *проп.* Р, И. [264] смирил Р. [265] *доб.* хвасливому Р, И. [266] *доб.* Р, И. [267—268] *проп.* Р, И. [269] *доб.* подклонил еси и Р, И. [270—271] посыпал еси тело Р, И. [272—273] не по старчески Р, И. [274—275] иным нарядам Р, И. [276—277] вырвал Р, И. *Отсюда* Р, И *продолжается как* П. [278—279] отбити и Р, И. [280—281] *проп.* Р, И.

потакаеш,[282] льстиш, вежлив ся твориш пред ним,[283] огонь у ярыжних из рук рвеш, его осужаеш, не гораздо светиш, руку со огнем вверх протягаеш,[284] на место[285] [пропоицу садиш и место ему одуваеш],[286] чтоб ему сесть, седалища не изгрязнити;[287] избу метеш, как и всегда добрыи послушник, а как его опьеш, (298) так ты [ево и бьеш, а сам],[288] что бес, на старые полати скакнеш, а сам молвиш: коли, брате, денег нет ничево, а в старые заклады не верят, поди к нам на полати и приставаи к нашему стаду, [избранному и к нашей братье голянскои],[289] садися с нами на печь голым гузном сажи мести. Поедем с полатеи оголи гузном на печь, привыкаи к побоям, поститися научись, заглядываи из запечья с нами, что живои родитель, жив провонял, глаза пиликают, зубы светлеют,[290] с [291] радением бажите,[292] что вам бог пошлет [293] [на голыя зубы], [294] (об.) стряпаите около [295] ево, что черт у слуды,[296] стояния много, а воздаяния мало. Тем вас побоями [297] почитаем и напраснство ваше похуляем,[298] терпению вашему дивимся, не бога ради страждущих, но з дурносопы непослушливыми хулными [299] глаголы воспеваем вас страждущих от своея совести.

И ныне: глас тои же.[300] Отецкому сыну суровому.[301]

Отецкои сын роспотешился, с ярыжными спознался, сажу и руду на полатех претерпел еси, взявши кошел (299),[302] да под окны [303] пошел, Христа помянул, а собак подразнил.[304]]

[305] Таже [306] на стиховне стихиры [глас шестопятой]. [307] Подобен: [Радуйтеся.] [308]

Радуися [недостоит глаголати к тебе],[311] кабаче непотребныи, несытая утроба, от всего добра отводителю, домовная пустота, неблагодарная нищета, чужая сторона от тебе [309] неволею [310] познавается. Для [тебе] [311] ради, кабаче непотребне, люди меня ненавидят, взаимы мне не дадут,[312] с похмелья еси великая стонота,[313] очам еси отемнение, уму омрачение, рукам трясание. Старость есть (об.) человеком недобрая, не христианскою смертию мнози человеци от тебе умирают.

---

[282] подаешь Р, И. [283—284] *проп.* Р, И. [285—286] *так* Р, И; П пропоицы и одмеш. [287] *доб.* платья и гузно не измарати Р, И. [288] *доб.* Р, И. [289] *доб.* Р, И. [290] белеют И; болеют Р. [291—292] нечто себе чают Р, И. [293—294] *так* Р, И; П иного пастуха. [295—296] пьяного Р, И. [297—298] потчиваем и праздноство ваше почитаем Р, И. [299] хмельными И. [300—301] *проп.* Р, И. [302—303] по подворьям Р, И. [304] *доб.* невеиницы просит, чтоб лехче носить И. [305—306] *проп.* Р, И. [307] *доб.* Р, И. [308] *так* Р, И; П дом пустеет. [309—310] *проп.* Р, И. [311] *доб.* Р, И. [312] верят Р, И. [313] сторона Р, И.

Стих: [Умел запити до пьянства и во срамную облещися наготу].[314]

Радуися [да не возглаголет к тебе никтоже],[315] корчмо несытая, людем обнажение велие в мале часе, а на опосле печали умножение; во всю землю слава идет про тебя неблагодарная, мнишескому чину поругание велие. Кто к тебе ни приидет, тот даром не отоидет, всякому человеку еси не постыден чистоха.[316] Хто с тобою ни знаетца, (300) тот от тебя охнет, а на опосле много и слез бывает.

Стих: Яко [317] на корчме всякое воровство бывает.[318]

Радуися [нелепо есть слышати тебе, кабаче, но паче веселое бесование, наставниче безумным],[319] яко мнози тобою хвалятся и хвастают, по мале же и нищетою болят, проповедают чюдеса твоя великая [вскормленики твои ярышки пьяные].[320] Днесь есми был пьян, не помню, как с кабака свели, в мошне было денег [321] алтын десять,[322] то все вычистили, и сказывают, что со многими бранился, а с иными дрался, того я не помню всего, (об.) а ин проповедует: яз тебя пьяние был, весь переблевался и [что свинья] [323] в калу перевалялся, дошед до [заходу] [324] тут и спал, пробудился, шед в полночь на реку умылся, кому ни [сказать],[325] тому и зблевать.[326] Ин же чюдеса [327] и того дурнее вопиет: яз вас всех пьяние был, пришед домов, жену свою перебил, детеи своих розгонял, суды все притоптал,[328] не ис чего стало пити, ни ести, и купити нечем.[329]

[330] Стих: Хвалят всякого человека, как у него в руках видят.

Радуися, кабаче веселыи, с плачем (301) людскии губителю, приезжим гостем досада великая. Хто на тебе побывает, тот всего повидает, учителю молодым и старым и безумным, жалованье ярыгам городским и деревенским даеш по всему хрепту плети и крепко шиты, да кафтаны даеш, часто стеж, вековая память, иным даеш ожерелья нашего в три молоты сажено, комуждо различныя дары даеш, а иному даеш [331] зарукавья железные, а крылошан и старцов жалуеш темною темницею [332] и кормиш их

---

[314] *так* Р, И; П Ибо что наидеш или украдеш, то понеси на кабак. [315] *доб.* Р, И. [316] ходатаи Р, И. [317—318] утвердися на кабаке что украдеш или наидеш, то все на кабаке пропьеш Р, И. [319] *так* Р, И; П кабаче веселыи, бесованию наставниче. [320] *доб.* Р, И. [321—322] *проп.* Р, И. [323] *доб.* Р, И. [324] *так* Р, И; П проходу. [325] *так* Р, И; П мазать... [326—327] паки же и ити Р; тако же иныи И. [328—329] *проп.* Р, И. [330] *проп.* Р. И. [331] *проп.* Р. И. [331—332] и в железа попал у кнута узол оторвал, а кои крилошани и старцы запиваются и их в темницу сажают Р, И.

с похмелья (об.)[333] сущьем[334] з гряд,[335] или их дариш[336] осетриною[337] вязовою по всему хрепту,[338] раздираи платье, не стои, потчиваи по манастырски, не робеи;[339] хлеб, господине, по силам, а полога по плечам, а на прихлебку не диви, плетеи не лучилось. Тем ти, господине, по спине челом бьем,[340] не часто тое воло[гу][341] кушают, а во веки[342] отрыгается.

Слава и ныне:[343] недобрая непослушливым.[344]

Глас высокопятои: Кто доволен дурости твоея исчести и труды кабацкия понести.

Кто бо слыша безмерное (302) твое воровство и [бешенство][345] и терпению и наготе не удивит ли ся, иже слыша от людеи корчмы беретчися, како убо не усумневся нимало в трезвене разуме, егда видя нагих пред собою ходящих,[346] да ми с пропою такову же ми быти и по запечью[347] с ярыжными валятися и нагому пред всеми людми ходити и насмеяну[348] быти. Оле дурости[349] кабацкие и воровства, человеческая разумы омрачающи! О безделие, брате,[350] кто с пропою не научился лгати[351] или бражника вором (об.) назовут крепким, не бога ради, но наготы ради[352] не токмо покинулся воровати, но и сущих с ним научая красти и разбивати, глаголюще: пождем до вечера, да мужика ограбим и упование меду на ведро возложим и иново руковоого[353] нечто бог выдаст и грабим[354] и узрим всего пред собою много, пива [и вина][355] и меду, а почести[356] нечего.

Кто не дивится и кто не прославит, кто не воспоет верно мудрых и славных чудес безсребреник... О двоице святая, о честныя главы, о премудросте и славо... (М.)

По сем: Ныне отпущаеши с печи мене раба своего [розянку][357] еще на кабак по вино и по мед и по пиво по глаголу вашему с миром, яко видеста очи мои тамо (303) много пьющих и пьяных. Спасаите их и не опиваите их, светло тамо открыти окна[358] и двери[359] приходящим людям.

---

[333—334] *проп.* Р. И. [335—336] *проп.* Р, И. [337—338] во всю спину Р, И. [339—340] хлест по спине, а волога по бокам, а на прихлебку по ногам и по рукам, а что, брате, прилучилось, тем и бьем челом, на мало не повещуя, а велика жди не в частом быванье Р, И. [341—342] ядят, да часто Р, И. [343—344] *проп.* Р, И. [345] *доб.* Р, И. [346—347] и не помысли, яко и мы пропоицы таковы же будем по собачьи Р, И. [348] смеху Р, И. [349] о мудрости Р, И. [350] о безделнаго братства и единомыслия аще Р, И. [351—352] то тщится чюжих животов красти Р, И. [353] иного роковаго Р, И. [353—354] облупим Р, И. [355] *доб.* Р, И. [356] почитать Р, И. [357] *доб.* Р, И. [358—359] из двора Р, И.

Ныне отпущаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мои спасение твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей. Свет во откровение языком и славу людии твоих Израиля. (Ч.)

Свяже хмель, свяже крепче, свяже пьяных и всех пьющих, помилуи нас голянских.[360] 3-жды.[361]

Святыи боже, святыи крепкии, святыи безсмертныи, помилуи нас. (Ч.)

Слава отцу и матере их и сыну, что родили такова сына, охоч до пьяна пити вчера и ныне [пьет] [362] с нами и во веки аминь. Хмель обовладе им [363] гораздо,[364] помилуи нас гольянских, хотящих пити.[365] 3-жды.[366]

Слава отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веком. (Ч.)

[367] Слава и ныне: [368] Таже: Отче наш, иже еси седиш [369] ныне [370] дома, да славитца имя твое [371] нами, да прииди (об.) [372] ныне [373] и ты к нам, да будет воля твоя [374] яко [375] на дому, тако и на кабаке на пече. Хлеб наш будет. Даи же тебя, господи, и сего дни, и оставите должники долги наша,[376] яко же и мы оставляем животы своя на кабаке, и не ведите нас на правеж, нечего нам дати,[377] но избавите нас [378] от тюрмы.

Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя твое, да приидет царствие твое, да будет воля твоя, яко на небеси и на земли, хлеб наш насущьный даждь нам днесь и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. (Ч.)

[379] Таже [380] тропарь кабаку. Глас [381] 11.[382] Иже манием содержа [383] и глупостию [384] и безумием без меры привлачая множества народа на безумное торжество, [385] созывая[386] множество искусных [387] в разуме [388] во тму прела(304)гая,[389] в не же [390] множество принырая [391] во глубину пьянства, износят безумныя[392] класы,[393] рубахам и порткам и верхним одежам [пременение,

---

[360—361] *проп.* Р, И. [362] *доб.* Р, И. [363—364] *проп.* Р, И. [365—366] *проп.* Р, И. [367—368] *проп.* Р, И. [369—370] *проп.* Р, И. [371] *доб.* с Р, И. [372—373] *проп.* Р, И. [374—375] *проп.* Р, И. [376] *доб.* и не просите у нас Р, И. [377—378] *проп.* Р, И. [379—380] *проп.* Р, И. [381—382] пустошны Р; пустосмешны И. [383—384] пьяных и в голод Р, И. [385—386] *проп.* Р, И. [387—388] *проп.* Р, И. [389—390] иже Р, И. [391] понуряя Р, И. [392] безумному Р, И. [393] *доб.* нищеты Р, И.

и пиву и меду [394] истощание, и с похмелья оханью наставниче, кабаче неподобне,[395] очистил до нага чтущих тя.

Глас 5. Песнь I. Ирмос: Манием ти на земен образ преложися... (Треф.)

И отпуст на полати [396] спати.[397] На утрени с похмелья став, седален, по 2 [398] чарке на 2 алтына пива, по 2 чарке на 4 алтына меду запити.

По сем полиелеос: [399] Понесли целым ведром. Припев: Ушат вам певцем (об.) пивца.[400]

Таже: Хвалите имя пропоицыно,[401] аллилуия.[402] Хвалите ярыжные его стоящеи пред ним, трубите ему во всю пору и на подворье ему пиво и мед носите. Хвалите его выше [403] меры, поитеему, яко дурному шалну, и вся неподобная ему[404] в очи лезет. Исповедатися ему ласткою и приветкою ярыжные и гольянские, яко в век обычаи пьяных.[405] Ведаете не потакати, ино с ним и не пити. Припев тоже: [406] Исповедаитеся ему приветкою [407] и ласткою [408] выше меры. (305)[409] Лож ся не выводит,[410] а правдою жити на кабаке пьющему — ни ковша не видати, яко на кого пьянои розкручинитца, вы его и пьяные прощаитеся, толко охота с ним и лохом пити. Подаваися по рукам, ино легче волосам, толко собою нечем купити, а на людех пити, ино побои [411] терпети.[412] Говорят[413] без дениг вода пити, яко хто [414] на корчме бытен[415] пьет, всяк его хвалит, в те поры[416] кое у него видят и пьют,[417] а жити [418] про собя [419] на кабаке [420] пити, яко в век скупому лают и хотят вси с одного ограбити, (об.)[421] яко [422] век около корчмы воры держатца, а хто [423] без ума [424] на кабаке пропився деретца,[425] яко в век на дурака тюрма уготована. Хто по мере изопьет в славу божию,[426] яко в век [427] доброму добрая и слава, а которои без ума живет,[428] а впред не промышляет, как ему жити,[429] яко в век живет с позоры. Мы про людеи говорим, а про нас люди не молчат же,[430] яко в век [431] каково кликну в лес, тако и отклик-

---

[394] вину Р, И. [395] непотребне Р, И. [396—397] голым гузном лежати Р, И. [398] первои Р, И. [399—400] таже целым ведром и приспел кушать всем певцем. Р. И. [401—402] и воздуряитеся его Р, И. [403] лишше Р, И. [404] *доб.* и несоставная Р, И. [405—406] *проп.* Р, И. [407—408] *проп.* Р, И. [409—410] *проп.* Р, И. [411] любо Р, И. [412—413] *проп.* Р, И. [414—415] весь день Р, И. [416—417] и отечество его знают Р, И. [418—419] ему Р, И. [420] *доб.* и не Р, И. [421—422] *проп.* Р, И. [423—424] *проп.* Р, И. [425] держится Р, И. [426—427] *проп.* Р. И. [428—429] *проп.* Р, И. [430—431] аще Р, И.

нется. Хто пьян, то всяк сказывается богат велми, а как проспится, ино перекусить нечево, а в мошне (306) ни пула, яко в век пьяному не ими веры. Хто людеи [432] добрых [433] слушает, и во всяких мерах сам пребывал, яко благ сам все знает, таковыи милостивыи искусныи во всех [434] будет.

Полиелеос. Хвалите имя господне; алилуиа. Хвалите, раби господа, алилуиа. Хвалите господа яко благ господь наш над всеми боги. Благословен господь от Сиона, живыи во Иеросалиме. Псалом. Исповедаитеся господеви, яко благ, алилуиа, яко в век милость его, алилуиа. Сотворшему светила велия и единому. И избавил есть от враг наших. Исповедаитеся богу небесному. (Треф.)

Таже величание [435] кабаку: Величаем [436] тя, кабаче веселыи [и безкручинны], [437] и чтем [438] [дурость твою и со глупостию, ты бо купишь собины наша и] [439] велиш нам по миру скитатися.

Величаем тя, пророче божии, и чтем святую память твою, ты бо молиши за нас Христа бога нашего. (М.) Величаем тя, апостоле Христов, и чтем болезни и труды твоя... (М.)

По сем псалом избраннои. Терпя потерпех на кабаке живучи и протчее.

Псалом избраннои. Терпя потерпех господа. (М.)

По сем молитва пред каноном [440] остолоп глаголет:

Спаси боже [441] наготою с пропою люди своя (об.) и [442] благослови дом [443] достоиныя воры своя, [444] молитвами закладу и собины нашея честнаго [445] и славнаго пропою нашего иже во клятых [446] костарци [447] кабацких, [448] иже ненадобных ростовщиков богомерских, [449] иже неподобных воров [450] великих Кокорку и Мариловца. Слона поем, иже безумию их подражател, Михаила Труса и Илеику Чернаго и всех головных воров, молящихся бити их кнутьем и в тюрму сажати их не надобно щадити, рцем им вси. [451]

Спаси, господи, люди своя и благослови достояние свое, победы благоверному... (Ч.)

---

[432—433] *проп.* Р, И. [434] век Р, И. [435—436] пьяных. Возрадуем Р, И. [437] *доб.* Р, И. [438—439] *так* Р, И; П собину свою, ты бо лупиши с нас. [440] кабаком Р. [441] боже Р. [442] *доб.* не Р, И. [443—444] недостоиные и дворы их Р, И. [445] нечестнаго Р, И. [446] проклятых Р, И. [447] костареи Р, И. [448] *доб.* зернщиков Р, И. [448—449] *проп.* Р, И. [450—451] величавых и гордых и безумных голянских кабацких, кои кому последуют, и лупителей христианских и неподобных обманщиков и костареи и всех проклятых воровских людеи, молимся вам, судии, пощадите их, бив кнутом, в тюрму оковав покидайте их, рцем вси Р, И.

[Канон[452] по накрам[453] по краегранесию: Величаю умное во крепости стояние непоколебимо да будет. Иеремии глаголет: престанем пити; мы же глаголем: зевается с похмелья, изпитися хощет, взять негде, а в стары (24) заклад не верит. Сущую з гущею воздуряем пропоицу.

Канон преподобному ему же краегранесие сицево (М.)

Канон бражником. Глас пустошной, песнь 1, тормос: Воду прошед, болото перебрел, из двора вышел, от жены злой жюрбы убежал, на кабак зашел, три выпил чарки винца, хватился за мошну, мошны не сыскал, песнь победную воспел, одва и платишком пролез.

Воду прошед яко по суху, из египетска зла избежав израильтянин вопияше: избавителю богу нашему поем. (Ч.)

Запев: Слава бывает всякому человеку по делом его.

Лютыя напасти нося, кабаче злословны, всем еси приходящим пианицам неистощимая нищета, егда же пьян, тогда же и весело, (об.) а как проспится, лакомаго хватится, ажно и хлеба нет.

Лютыми недуги и болезнеными страстьми истязаему... (Ч.)

Запев: Во скорби мя сущеи и в тузе велией сотворил мя еси.

Собранное мною богатство разточил еси и наготы ярем до конца носити сотворил еси. Проклинаю тя, дому разорителя.

Кондак глас 2. Богатство свое расточил еси убогим и небесное богатство ныне восприял еси... (Ч.)

Слава отцу Иванцу и сыну Селиванцу.

Всяк, иже к тебе прикоснется, не изыдет, не имея похвалы во устех своих глаголаше: вчера был пьян, денег было в мошне много, утре встал, хватился за мошну, ничего не сыскал.

И ныне и завтра и на всяком веку человеческом бывает. (25)

С похмелья встав, дуростию и шаловством држим, пить хочется, а взять негде, на кабак поити не с чем, даром не дадут, заложить нечего.

От сна встав, благодарю тя, всесвятая троице, яко многия ради благости и долготерпения не прогневася на мя... (Ч.)

---

[452—453] *проп.* И; *в* П *отсюда большой пропуск дополняю текст по сп.* Р, И.

Песнь 7 тормос: Ты еси, кабаче, утверждение с похмелья притекающим к тебе, ты же пьяным тма омрачение и пьющи[454] даруют стоя на тебе.

Песнь 3 ирмос: Ты еси утверждение притекающим ти, господи, ты же свет омраченым и поет тя дух мои (Минея, канон мученице единой).

Многими и великими язвами с похмелья уязвляемся на кабаке, вси есмы страждем от своего неистовства; сего ради кленем тя, а не можем лишитися.

Многими одержим напастьми к тебе прибегаю, спасения искии... (Ч.)

Весь обнажися, не имея на себе одеяния ризнаго, вопиющи к полатем, но и тия глаголют: отиди проч, яко и без тебе много голянских валяются зде, а твоего (об.) ради безумия, злыи рабе самоволнои,[455] бешенству работати изволил еси, и от всех человек посрамлен был еси, не можеши лишитися, в песнех поносных воздуряем тя.[456]

И ныне: Многие добрые люди, человече, тебе глаголют, яко престани упиватися вином, ты же им отвеща глаголя: дайте ми оправитися, уже бо к тому не стану пити, но не можеши лишитися.

Седален глас пустошны: Злым делом, кабаче, сокровище бываеши, и нас приходящих к тебе обнажаеши, но силою никого не призываеши, а кто приидет, безо всего имения отпущаеши, (об.) да того ради зовем ти: радуйся, радуйся кабаче веселы, скорбию.]

[457]По сем (307) канун, творение хто без ума и без памяти пьет, не крестиянски скончаетца.[458]

Канон творение кир Андрея Критскаго. (М.)

[459]Седален глас 18 подобен: О болезненошен.[460]

Иже на кабаке пропився,[461] во своем помышлении[462] глаголаше: егда аз без ума пропився до нага, и не видех выкупующаго [мене],[463] ни другов [моих][464] ко мне бывающих, но молю ти ся,[465] кабаче, даи же ми[466] с похмелья[467] оправитися.

---

[454] пьющим И. [455] самоволному И. [456] *здесь в* Р. И *читается текст* — «В терпении твоем смирил еси...», *который в сп.* П *читаем выше.* [457] *Отсюда возобновляется сп.* П. [457—458] *проп.* Р, И. [459—460] други седален глас той же Р, И. [461—462] иже своим промышлением Р, И. [463] *доб.* Р, И [464] *доб.* Р, И. [465—466] *проп.* Р, И. [467] *доб.* дабы мне Р, И.

[468] [Слава: Глас пустошной. Хвосливо живет всякои браженик, пьет з басы, проспится с позоры. Свинское житие изволил себе восприяти, где найдет, тут рылом нюхает. Слава недобрая про бражников всегда на тебе, кабаче неправедны, и любовь лицемерная составляется; как видит у нас, так и любит нас и отечество наше почитают тя. У пива и у меду все друшки напьемся, хвалимся,[469] а проспимся хватимся, в руке[470] тоще, а в другой ничево, в кои (об.) поры пили, тогда и хвалили, а как обнажился, так и всяк отлучился, и всяк ненавидит, что в руку у него нет ничего.

И ныне: Кто может изрещи бесование твое, кабаче веселыи и пронырливы, множество к себе привлачая на безстудие, в ров погибелны поревая, всякая неправда в тебе содевается, и злоба обнажается, и бесования мечты обявляются, и всякое плясание и песни и играние и иная бесования и высокоречие, нищета и лжа с неправдою, сопелное гудение и [с][471] бубны биение, скакание бесовское, самоволное грехов умножение, души погубление и благодати умаление, гласовом возвышение, гневу умножение, брани и драки воздвизание, (28) с повелением возми, да убеи его до полусмерти. Резать повелеваеши, яко люты зверь всех снедаяи, бедам великим и блудному греху учитель, душевному дому разорение, скаредным рукам грязнение, грабежю наставниче, костем ломание падающих о землю и не можащих в себе пианства утаити. Мнози же[472] не часто [на тебе бывают, а часто][473] поминают, чюдеса твоя гнилая и непотребная поведают, а нечистоту проклинают. Беззакония еси исполнен, дурости совершен, во вся страны дурость твоя, корчма, с неправдою славится.

Кто изрещи может подвиги твоя, отче, или кто изочте множество трудов и чюдес твоих дивных... (Треф.)

Таже чтение на тюремном дворе, в соборнике до денег, как выкупитися, ему же начало не знает, как выкупитися, и никто не верит. (28 об.)

---

[468] *Здесь в сп.* Р, И *вставлен вторично светилен, который во всех списках читается и выше — см.* П. л. 309, — *возможно, что это вариант, по ошибке переписанный дважды*: «Яко злодеям пристанище, кабаче, к тебе притекающим, явися, шед на подворье, сотворим наготе терпение, голоду умножение, наготы босоты изнавешены шесты, голоду и холоду погребы навалены, радуися пропившися, а пропився плачися, своим неистовством мучися, и сконча (27) житие свое за собаки место; иногда ел, а иногда нет». Р. И. *Отсюда в* П *большой пропуск*; *дополняю по сп.* Р, И. [469—470] в рибе И. [471] *доб.* И. [472] *проп.* же И. [473] *доб.* И.

Песнь 9 тормос: Ты ми, кабаче, злыи учителю, ты ми нагота и босота, ты ми сетование, не оставил еси в дому моем, чем одрятися,[474] несытством своим все приобрел еси, тем з гольянскими вопию ти: слава дурости твоей, человеконенавистниче.

Песнь 4 ирмос: Ты ми христе, господь, ты же и сила ми, ты ми бог, ты ми радование, не оставль недра отча, но милостию си нашю нищету посетив, тем с пророком Аввакумом зову: силе твоеи слава, человеколюбче. (Треф.)

Хотя с похмелья оправитися, человечество свое и славу ни во что же вменив, и работав диаволу и злосмрадным своим похотем и всегда к тебе, кабаче, приходя, упиваяся и с блудницами расточих все свое имение, и ныне плачуся своего неразумия, наг пребываю, но даждь ми опохмелитися.

(29) Воровству, кабаче, наставниче, отца и матери лишился еси,[475] и друзи возненавидеша мя, и ныне к кому прибегну, понеже ради моего безделья род ители мене отвергошася и вмениша мя аки пса смердящаго.

Слава: Явихся аз сквернен тобою, кабаче, всем в посмеяние и ныне великою бедою одержим есмь. Егда пил, тогда и весел был, ныне же великою скорбию уязвляюся с плачем, но никто может ми помощи, но и паче злословят мя.

И ныне: Ярыжным кабацким подражател явихся, но и те отревают мя глаголюще: отиди от нас прочь, не умеешь у добрых людей хлеба (об.) выпрошать, и с похмелья чарки вина никто не даст тебе, кабаче, священником еси омрачение, иноком посмех, а простым людям нечестная смерть.

Песнь 5 тормос: В бездне кабацкой одержим похмелями неизбытныя пропасти твоея, призываю людей добрых, кто бы меня опохмелил и с кабака свел.

Песнь 6 ирмос: В бездне греховней одержим, неиследную милосердия твоего призываю бездну, от тли, боже, мя возведи. (Треф.)

Обнажил мя еси, кабаче, злыдням наставниче, от срама толко чюжая сторона спознати. Тебе ради и сущии родители возненавидеша мя и отревают мя от себе, глаголюще и проклинающе.

Слава: С похмелья востав, скорбию одержим, к тебе, кабаче, обявитися не с чем, но молюся знаемым и ближним моим, (30) да бы мя опохмелили, они же вси отрицаются, глаголюще: пропади от нас, не свой ты нам.

---

[474] одеятися И. [475] лишил еси мя И.

И ныне: От похмелныя болезни каявся и клятву налагах, яко не учну пити; егда же обзатохся, бываю таков же, яко же и вчера, или паки и дурнее того творюся.

От сна востав — см. выше.

Песнь 6. Очистил мя еси, кабаче, до нага, много было имения, из дому все выносил, и на тебе пропил, и к жене прибрел,[476] и наг и бос, борже спать повалился, а в нощи пробудился, и слышах жену и детей злословящих мя: ты пьешь и бражничаешь, а мы с голоду помираем. (30 об.)

Песнь 6 ирмосы. Очистил мя еси, спасе, многа бо беззакония моя и из глубины зол возведи мя, молюся к тебе: бо воззвах и услыши мя, боже спасения моего. (Треф.)

Тебе ради, кабаче, вся сия претерпех, и друзи мои и ближнии мои далече от[477] мене сташа и гнушахуся мя,[478] и бегающе аки пса смердящаго. Ты, кабаче, дому моему разоритель и ближним моим разлучитель.

Слава: Несытством и слабостию одержим, к тебе прибегаю,[479] кабаче непотребны, наготою одеяхся, яко щитом неподобным, нелицемерно и непостыдно вооружен есмь на восхищение чюжаго имения.

И ныне: Понурихся во глубину пропасти своим нерадением,[480] собацкое скитание изволих, безместно житие возлюбих, о кабаче не (31) потребне, токмо срамотою побеждаем и знающим и в глаза появитися немощно.]

[481] Кондак[482] кабаку[483] глас 10.[484] Избранному[485] кабаку безумныя песни принесем, вкупе пьюще,[486] а на утре день весь оханьем (об.) провожающе, но яко имея к наготе дерзновение, житию поруха, голоду величание, о всех нас пьющих кабацкая пазуха веселися, а[487] целовалники неправым богатством возбогатеша; с веселием ждет вас дно адово, а ярыжные на криве[488] божбою своею[489] души свои ломаите, вам бо невозбранно адова врата отворяются, и во аде болшое место готовится, да вси, кабаче неблагодарне, зовем тебе: бесованию наставниче [радуися глупости велики учителю.][490]

Взбранному и дивному чудотворцу нашея земли днесь притецем любовию, тебе плетуще песнь, богоносне Петре, но яко имея

[476] пришел И. [477] *проп.* от И. [478] *проп.* мя И. [479] прибегох И. [480] неразумием И. [481] *Отсюда возобновляется сп.* П; *доб.* та же Р, И. [482—483] *проп.* Р, И. [484] плошнои Р, И. [485] Взбранному Р, И. [486] *доб.* радующеся Р, И. [487] *доб.* кабацкие Р, И. [488—489] *проп.* Р, И. [490] *доб.* Р, И.

дерзновение ко господу, многообразных нас избави обстояний, да зовем ти: радуйся, утверждение граду нашему. (Час.)

[491] Икос (308). Кто ли пропився до нага не воспомянет тебя, кабаче неподобне? Како ли хто не воздохнет во многие дни собираемо богатство, а во един час все погибе? Каяты много, а воротить нелзе. Пил еси, после будет тебе о сермяге воздыхати. Три дни испил еси, с похмелья оханья на три дни залезл еси, рукоделия заложил еси, около кабака часто ходити изволил еси, глядети часто ис чюжих рук извыкл еси; глядение лихое пуще прошения бывает.

Бубенная стукота созывает (об.) пьющих на шалное воровство, велит нам нищеты ярем восприяти и глаголет винопиицам: приидете, возвеселимся вмале, а опосле заплачем, сотворим возношение платью нашему всякому на вине пропивание. Тому почюдимся, как вмале был разумен, а в мегновении ока стал безо всего, крепок безумен видящим на смех, а себе на великую срамоту с поношением. Кто ли про тебя молвит, кабаче непотребне, да лишитися не мотчи тя, тем же злословим тя, кабаче неблагодарне, бесованию наставниче.[492] (309)

[Микос: Восхвалим ныне людем вино пиющим, да пивом на оправку возвеселимся.

Кто явится от вина весь шумен и безумен, да пивом он обзадорится, по мале же нищетою болит,[493] яко разцвел душею, обнажен до нага, неподобен: тем же, яко дурень, явися пианица на пакость видящим на смех, а себе на убогую нищету; тем же аз малоумныи не возмогу изрещи про[494] пианство: поле пекелное, но како возмогу, толико и возглаголю, тем же от юз содрогнувся, от многия печали малодушне изреку, зане глупостию покровен и недоумением содержим есмь и ужасаюся рещи. Како возмогу глупы аз козни твоя изрещи? (32)

Кто ли возшед в избу кабацкую, изпив вина гораздо, не шален отидет?[495] Кто ли от земнородных изрещи возможет глупость твою, хмель высокоумны? Кто ли не похвалит вино, данное нам на веселие, и мед во сладость гортани нашеи и пиво беседа наша добрая? Кто ли не воспомянет частыя твоя ковши? Кому ли

---

[491—492] *этого отрывка в* Р, И *на данном месте нет, но, как и в сп.* П, *эти песнопения встречаются выше—возможно, что здесь они по ошибке переписаны второй раз. Дальше в сп.* П *также вторично читаем:* «Яко злодеем пристанище...» *Отсюда в сп.* П *пропуск; дополняю по сп.* Р, И. [493] болим И. [494] *проп.* про И. [495] будет И.

не воспомянути ниския твоя поклоны, и како ли не ублажатся на завтрое из ковшев сладкия ти пития? Кто ли не воздыхает пропився до нага? Тем же умилно подшибши руки к сердцу зовем: богатства истощителю, прият власть над всеми пьяными и всех в мир пущаеши.

Како не дивимся житию твоему или не похвалим, преподобне, житие твое равноангельное, помысла целомудрие и кротость твою... (Мин.)

Песнь 6. Дивно и ужасно и студа исполнено трезвому слушать, яко про пианого глаголют, (32 об.) токмо оханием и частым воздыханием усугубляя, да вси от сердечныя болезни тя злословим и похуляем.

Странна и ужасна содеваеши чудеса... (Сл. св. Николаю, ирмос.)

Погубих бесчисленное имение, в кою пору у нас пили, в то время нас и величали, а ныне у нас в руках не видят, и они нас же осмехают и дураками называют.

[496]Слава: Радуйся, кабаче, аду сопрестолниче, сатане собеседниче, диаволу спутниче, душам губителю, имению истощителю.

И ныне: Ин никто же таков[497] явися, яко же ты, кабаче, всякому человеку неложная пустоха,[498] гневу водворителю, нищета пребедная еси всем.

Песнь 8. Вскую мя, хмель, отринул от лица людей добрых, и света не [заходимого][499] с похмелья (33) видети не могу, покрыла мя есть чюжая тма от похмелья,[500] но обрати к свету, от похмелья[501] пити давай, молюся.

Вскую мя отрину от лица твоего, свете незаходяи, покрыла мя есть чужа тма окаянного, но обрати мя и к свету заповедей ти пути моя направи, молюся ти. (М.)

Вскую валяюся с похмелья, жадает ми душа пития, а взять негде; умилно к целовалнику вопию: помилуи мя похмелнаго, как будет, хотя вдвое возми, не умори мене напрасно, молюся.

Легок есмь и добро течение сотворю кабацкому двору, вшед в ызбу быстро зрение содеваю, кто чарку оплошно держит или пред собою поставит, аз же не устрашихся поушника, взашеи пхания, елико возмогох, скочих, взях (об.) и востах,

---

[496—497] *проп.* И. [498] питоха И. [499] *так* И; Р заходимы. [500—501] *проп.* Р, И.

и на [полати][502] текох, и реку ему: на твоем жалованье челом бью; тебе нелюбо,[503] да мне[504] за- честь.

Слава: Сокровище некрадомое нашему имению, кабаче несыты, яко в пропасти поныряюще сами нищетою одержими, а твоея несытыя утробы наполнити не можем.

Песнь 4 ирмос. Богатство почерп от сокровища некрадомого божественнаго благодетелю копием прободеннаго ти ребра премудрости и разума наполняет мир близнец. (Т. Цв.)

И ныне: Ныне мы вси от безделья вопием ти: нищета еси сказуемая, поругание иноческому чину, а мирским людем обнищание и одолжение и всего добра лишение.

Песнь 9. Всяк хмелен да взыграется (34) [дуростию][505] озарен, ликовствует же и бесовские полки; бесовство бо[506] на кабаке почитаемо и в бубны биение и песнеи воспевание; радуися, кабаче, чистоха и лупитель пианицам.

Всяк земнородный да взыграется духомь просвещаемь, да торжествует же безплотных умов естество, почитающе священное торжество богоматере, и да вопиет: радуйся, всеблаженная, богородице чистая приснодево. (Сл.)

По сем: Достойно есть яко вора батоги бити приставом велети и проспався да на правеж имати; в те поры пить любо было, а теперево платить нечем; честнее было бы скоро отдати и славнее бы было, чтобы с платежем сам пришел, [а ныне][507] без всего имения стал скован и изувечен, а опохмелится нечем.]

Достойно есть яко воистину блажити тя богородицу, присноблаженную и пренепорочную и матерь бога нашего. Честнейшую херувим и славнейшую во истину серафим, без истления бога слова рождьшую сущую богородицу тя величаем. (Ч.)

Таже светилник.[508] Светелен глас пустошной.[509]

Яко злодеем[510] пристанище, кабаче, к тебе притекающим, явил, сошедшеся на подворье, сотворим пестом возношение,[511] ступам воздвизание,[512] овсянои[513] соломе извождение, наготы, босоты[514] и гладу[515] изнавешано шесты. Радуися с пропивающими, а просыпаяся плачися, своим неистовством мучися, житие скончевая за собаки место.

---

[502] *так* И; Р полатку. [503—504] даст И. [505] *так* И; Р дোростию. [506] *проп.* бо И. [507] *так* И; Р к мне. [508] *Отсюда возобновляется сп.* П. [508—509] *проп.* Р, И. [510] злодеи Р, И. [511—512] *проп.* Р, И. [513] всякои Р, И. [514—515] *проп.* Р, И.

На хвалите стихиры глас пустошныи, подобен: терпящи нужу.

Терпяще томления гладная (об.) крепко радующеся надеемых, коего дни сыту быти, друг ко другу глаголюще: ярыжные кабацкие, егда убо пьянои[516] из мошны денег выимет,[517] и от дурнаго обычая не оставляем, [восприимем ярость][518] з голоду, терпение, не добро с молотцы пропивати, но добро[519] у мужиков[520] у пьяных напиватися, не убоимся, о голенские, мало[521] поворуем, да с кнутьем по торгу [водими будем, от судеи в тюрму ввержемся][522] [и тамо мы с голоду не умрем.

Терпяще зубом искоренение и руку отрезание и ногу и сосцу, раздробление удом от беззаконных судей, в доброты женихов взирающи болезни претерпевающи паче естества, многострадальная, невеста нетленная христова, моли еже спасти душа наша. (М.)

Мечюще одеяние свое, ходяще безпрестани на корчму, друг ко другу глаголаху с похмелья попы и дияконы, склад чиняху и на мед посылаху на ведро глаголюще: пропьем[523] однорядку темнозеленую да повеселимся, не пощадим кафтана зеленаго, сорокоустными денгами окупимся; сице попы помышляюще пьяные, коего бы мертвеца с зубов одрать, (35 об.) черными сермягами оболчемся и у мужиков во братчинах изопьем и от попадеи жюрбы убежим и опять по старому жити почнем. Видяще наготу кабацкую, текуще яко[524] к убытку великому, друг ко другу служивые люди глаголаху: немножко меду возмем для уныния, посидим, никако с себя ничево не заложим, и как хмель силу возмет, пропита будет и однорядка; поживем на кабаке, не спустим и кафтану своему, не пощадить пианица платья своего.][525] Хощет до нага пропитися з басы, пред собою стояти ярыжным повелевая, да скоморохами[526] [вострубит, без всего живота станет, да с похмелья кручиною увязется и от добрых людеи отлучится, и без всего имения станет.

Ины стихиры пустошные: Самозван еси, человече, прииди на кабак, видя на суши тонущих без воды, а ты хочешь сух выйти, мечты творишь во уме: немножко посижю для уныния, ажно в долгое время пройдет, веселие твое в печаль обращается, болезнь умножается, стонота и охание с похмелья.

---

[516] у пьяного Р, И. [517] выимем Р, И. [518] *так* Р, И; П яро. [519—520] *проп.* Р, И. [521] убо о голенские тако Р. [522] *так* Р, И; П увяземся и оттуде и в тюрму; *с этих слов в* П *большой пропуск.* [523] И. *доб.* одеяние сиречь. [524] *доб.* слепи И. [525—526] *эти слова есть и в* П.

На хвалу на кабак потекл (36 об.) еси, малоумне человече, и тои тя прославит до нага пропитися и во временней сей жизни скитатися по миру, с мешком под окошками просити и собак кнутом дразнити, тем же дерзновение и пропасть стяжал еси.

Глас 8. На хвалу потекл еси господню, Николае, во временней жизни и той тя прослави на небесней и истинней жизни, тем же дерзновение стяжав к нему, моли спасти душы наша.

Изучился красти по миру ходя, малоумны рабе, и непослушливы делателю бесования, ты наготу кабацкую понесл еси, ты живот свои пропил еси, и пришедшим по тебе не завидел еси, тем же и на полати гузном сажю уготовался терти, выиди за печь в пробойную улицу, чтобы тя з голоду не уморили.

Иже прежде зовема и в древняя (37) наша лета, корчмо, ныне же тайно глаголем и умилно взываем: радуися, кабаче, отемнение Вычеготскому Усолию, и ныне не токмо тя Усолие почитает, но и в далных языческих странах слышат твое обнажение, еже во окрестных волостях, еже есть на Вычеге и на Виледе и на Лале[527] и в протчих волостях сердечное воздыхание и в перси биение.

Кто твоя гнилая чудеса изочтет, кому ли тя потребна нареку? Беснующему ли тя уподоблю, но беснующии неволею страждет, ты же самоволно скакати и плясати повелеваеши, да того ради зовем ти: радуися, кабаче, ярыгам и дьячком и прочим християнам самоволное[528] (об.) бесование, злосмердение и злоневерие, маломожное житие,[529] многое воздыхание, кабаче веселы, мучися своим неистовством.

Слава и ныне пустая, глас шестопятой.

Егда приидет от кабака на подворье к жене своей, мирная глаголаху; сего дни видевши подворницы его непрестанно кленяху, ови же укоряху его глаголюще: яко ясти нечего, а пьеш; гневно жена его злословяще вопиющи: сего дни з детми не ела, о владыко, чего для долго не завернешь ему шею на сторону, о чем долго не бросиш о землю, но убо з горем тако глаголется, яко не мощи терпети, (38)[530] всегда муж тои пьян приходит, дом наш разорился, с ним бы разошлася, а дети бы же чюжюю сторону спознаша.

На стих[овне] стихиры. Глас пулной. Подобен: что тя наречем.

---

527—528 *проп.* И. 529 *отсюда проп.* И. 530 *возобн. сп.* И.

Что тя ныне, кабаче, нареку, дурна ли или безумна, разбойника ли тя нареку, но манием о землю бросаешь, купца ли тя нареку, ибо не даром даеши многое твое бесование и болше истощание. Кабаче мои, моли о пиющих на тебе з голянскими своими.

[Стих].[531] Многия скорби с похмелья бывают.

Како тя ныне, кабаче, призовем, умна ли или безумна, всякие беды от тебя приходят, но мы от тебя откупаемся и заклады емлем, иные переменяем к тебе, (об.) безчестия не хочем; кабаче, моли з голянскими своими.

Стих: пианица яко теля наготою и убожеством процвете.

Что тя наречем, кабаче, река ли еси быстрая, но понеже бе на тебе время нощное, и быстрины твоего течения престанут, целовалники учнут; корчмо несытая утробо, моли с голянскими своими о недостатках наших.

> Что тя наречем, обрадованная, небо яко восияла еси, солнце правды рай, яко возрастила еси цвет нетления, деву, яко пребыла еси нетленна чистая... моли спастися душам нашим. (Ч.)
>
> Стихиры глас 8 подобен: что вас наречем. Что тя именуем, апостоле, небо ли, яко славу исповедал еси божию, реку ли, яко тварь напояеши тайно... моли о спасении душ наших. (М.)

Слава недобрая пианицам. Глас пулной.

Вооружився крепко на пиющих, кабаче недостоины, веселы, яко неки зверь при горах, такожде и ты, кабаче погибелны, по вся дни привлачая к себе на веселие и на пропитие платья и денег, всяким неправдам крепки воевода, наипаче воеводы, занеже и самого воеводу (39) обидишь, понеже ты молча уловляеши человеки, яко же и всего им лишитися имения, иже долго время привлачаеши к себе на веселие, долго быти повелеваеши у себе, премудрая суета, голое сиротство, з басы говоришь не то: понеси, размахни, почерпни, наливай, потащи, закладываи, выкупаи, а после отходяще[532] и воздыхающе.[533]

О великое чудо, кто на тя безделное не пронесет, но мы про тебе говорим и злобою кленем тя, а не тешим. Тем же присно с воздыханием.[534]

И ныне глас остаточной.

Что ти принесем, веселая корчмо? Кажды человек различныя[535] дары тебе приносит со усердием сердца своего: поп и дьякон —

---

[531] *проп.* Р. [532] отходят И. [533] воздыхают И. [534] *доб.* поминаем И. [535] *доб.* всякия И.

скуфьи и шапки, (об.) однорятки и служебники; чернцы — манатьи, рясы, клобуки и свитки и вся вещи келейныя; дьячки — книги и переводы и чернилы и всякое платье и бумажники пропивают, а мудрые философы — мудрость свою на глупость пременяют; служилые люди — хребтом своим на печи служат; князе и боляре и воеводы за меду место величаются; пушкари и салдаты тоску на себя купили, пухнут, на печи лежа, сабелни[ки][536] саблю себе на шею готовят; лекари и обманщики[537] напастья на тебе[538] величаются; тати и разбойницы веселятся, а холопии спасаются, кости ношя][539] (310) в приполе, говорят быстро, плюют далече, з басы на погибель бросаютца, басливые батоги на тебе освящаются, жонки блуд и скаредство приносят, мужни жены добрые срамоту себе улучают, зер[н]щики и костари и такалщики усовую болесть себе получают, ставают, охают, ложася стонут, ростовщики ворогушу себе выростили, тружает их сухотою по вся часы; скупщики всякие стонут на тебе; купцы, десятники и довотчики (об.) кнутом венчают, пономари туды ж, что люди, в стадо бредут, воск и свечи приносят, что былные ж люди туды же пьют, и всякии человек рукоделны и простыи искуснии всякими дуростми тебе веселяя, корчмо, величают, мы же вси любящеи тя и отцов и матери оставихомся, чужую сторону с позоры познавахом; всякии тя человек проклинает, толко тебя не лишатся, повары всякия мудрости свои на винную чарку предают, лесники (311) куницы и соболи и векши на пече ище имавают лежа, тот соболь ведра другово суден. Кузнецы топоры и ножи и наковална, молоты и клещи и косы себе на шею готовят. Хмелю, проломил еси нас, всякому вежству з басы научил еси нас, веселие нашему веку и сухоту, славим тя болезнено во веки.

Что ти принесем, Христе, яко явися на земли человек нас ради. Каяждо бо тобою бывших тварей благодарение ти приносит, аггели пение, небеса звезду, волсви дары, пастырие чюдо, земля вертеп, пустыни ясли, мы же матерь деву иже преже век, боже помилуи нас. (Т.)

Припев: Нападает помышление на чтущих соборов, в сердцы ж советующих пребывает свет чреву и скорбящу смирится сердце, ботеющу телу (об.) сверепеют помышления.

---

[536] *доб.* И. [537—538] на И. [539] *возобновляется сп.* П, *отсюда проп. до жития* в Р, И.

[540]Житие и позоры и горкое терпение и о любящих многое питие[541]без меры бла[го]словите мя плутати.[542]

Сии убо родишася от многих стран различных от неподобну родителю безумну и з горестию хлебом воспитани быша. Друзии же от добру и богату родителю быша рождени, воспитани же нескорбно и безпечално. Егда же достигоша юношескаго возраста[543] и не изволиша по отеческому наказанию жити (312), но[544] изволиша по своеи воли ходити, родителие же здержавше их и не возмогоша и предаша воли их. Они же приложишася[545] ко онем наказным[546] и начаша ходити на вечери и на вино многое; [547]родителие же их не возмогоша здержати никакими наказанми и предаша воли их. Они же быша буяви и храбри, не быша же не древоделцы, ни земледелцы,[548] взяша же некую часть имения ото отец своих, и приидоша на корчмицу, разточиша же (об.) имение свое не бога ради, после же обнищаша и взалкаша, телеса же своя наготою одеяша, срамные уды обявиша, не срамляху бо ся лица человеча, не пекущеся о житеиских, но чрево имуще несытно, пьянства желая всегда упиватися и яко болван валятися и досаждати человеком нелепыми глаголы, приемлюще побои и ударения[549] и сокрушения[550] костем,[551] в ню же нужу[552] терпеша глад и наготу и скорбь всяку, не имеяху ни под(313)стилания мягкаго, ни одеяния[553] тепла, ни [554]под главою[555] зголовья,[556] но яко пси[557] свернувся[558] искаху себе запечна места,[559] телеса же их обагрени быша сажею,[560] дым же и жар терпяху, вся та не бога ради, но[561] для своего бешеня.[562]

Аще бы такия беды бога ради терпели, воистину бы были[563] новые[564] мученики, их же бы достоино память их хвалити. Ныне же кто не подивится безумию их, без ума бо сами себе исказиша; не довлеет бо им (об.) милостыни даяти,[565] но вместо даяния сами восхищаху, вместо коленнаго поклонения плескания предлежит, вместо же молитвы к богу сатанинския песни совершаху, вместо бдения нощнаго всенощно спяху, и инех опиваху, друзии же обыгрываху, вместо поста безмерное питие и пьянство,

---

[540] *отсюда возобн. сп.* Р. И. *доб.* Чтение по 3 песни Р, И. [541—542] *проп.* Р, И. [543—544] *проп.* Р. И [545—546] к невоздержанию Р, И. [547—548] *проп.* Р, И. [549—550] *проп.* Р, И. [551—552] *проп.* Р, И. [553] одеяла Р. И. [554—555] *проп.* Р, И. [556] *доб.* высокого Р, И. [557—558] скверны всегда Р, И. [559—560] телом же беша почернели, аки арапи сини Р, И. [561—562] но являя свое бешенство, на все горкое отлучишася житие: зернию бо и карты безстыдно забавляющеся напивахуся Р, И. [563—564] *проп.* Р, И. [565] *проп.* Р, И.

вместо фимиянного обоняния смрадяху бо телеса их, от афендров их исхожаху лютыи (314) безмерныи смрад, вместо понахиды родитель своих всегда поминающе матерным словом,[566] [от юнаго][567] возраста достигше до средовечия, никако же первых обычаев отлучишася, но на горшая простирошася и заблудишася,[568] [от истины впадоша в ров погибели, (40 об.) в нощи убо не усыпаху и не почиваху, но обидяще чюжие дома призирающе, дабы нечто украсти; аще же что украдут, то все в несытую свою вливающе утробу, аще ли стрегущии изымают, то многия раны возлагают на тело их, последи же и узами железными свяжут и уранят и в темницу отдадут. Егда же ко злой смерти влекоми будут, тогда воспомянут родители своя и наказание их, и ничто же им поможет, не достигли бо суть добра возраста, ни красныя зрения, ни седин процветения.]

### *ПРИЛОЖЕНИЕ II*

В списке Библ. им. Ленина, № 1565, половины XVIII в., тексту «Службы кабаку», предшествует новое предисловие, к сожалению, сохранившееся без начала и в сильно испорченном виде. В этом предисловии рассказывается о том, как некто, «по божию милосердию отторгшийся» от пьяниц, возвестил об их «скаредном житии», а другой и «письменно издаде» его рассказ. Далее идет описание того впечатления, какое у слушателей вызывало это сочинение. Поэтому совершенно ошибочно Викторов, описывая этот список «службы кабаку», счел данное предисловие принадлежащим его автору (см. Описание рукописей И. Д. Беляева, М., 1881, стр. 33). В стиле этого предисловия и последующих статей нет ничего общего с языком пародии, притом же в нем совершенно ясно говорится о «службе кабаку», как о готовой, уже «прежде положенной», к которой лишь добавляются теперь для большей убедительности ссылки на авторитетные источники. Имея в виду, что эти «выписки из божественного писания о тех же пианицах» встречаются в списках уже конца XVII в., мы должны к тому же времени, во всяком случае не более позднему, отнести и самое предисловие, хотя список его имеется лишь от половины

---

[566] *проп.* Р, И. [567] *так* Р, И; П отгонях. [568] *отсюда* в П *пропуск, доп. по сп.* Р, И. В П *по лл. 291—295 внизу запись:* «Сіи кабак Никиты Петрова сына Новоселцова а подписал по его велению Прилуцкого монастыря диякон Юрье Попов назвищем Удачиных лета ҂ѕрωд҃ году марта в въ 9 день».

XVIII в. (Викторов ошибочно датирует его концом XVII в.: ни почерк, ни водяные знаки не дают на то оснований.) Издаем это предисловие полностью по единственному сохранившемуся списку.

Дополнительные статьи или, как их называет автор предисловия, «выписки из божественного писания о тех же пианицах», сохранились в трех списках: б. Архива Мин. ин. дел, № 250—455 (подробное описание этой рукописи см. П. К. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Вып. первый, СПб., 1899, стр. 1—68) на лл. 278 об. — 295, конца XVII в.; Гос. Историч. музея, № 3859, нач. XVIII в., лл. 31—58; Библ. им. Ленина № 1565, половины XVIII в., лл. 40—62. Ниже даем перечень этих статей с указанием их главных источников.

## [Предисловие.]

Библ. им. Ленина, № 1565, XVIII в.

(л. 1) а вместо славословия божия всегдашнее сквернословие з драки, бои и мятеж; и толико быша скаредни и мерски всякому, яко и худши и бедственнейшии их в человецех не обретается. Сего ради ни поведания каковаго чинословнаго быша достоини,[1] не бо хощет кто от них слышати или разглагольствовати, на... по некоему божию милосердию отторгшеся от них, возвещааи мало от... про их скаредное житие. Ин же некто от обретшихся и писменно издаде, но да удобее привлечет коегождо к слышаню, сотвори повесть аллигореею их чином, сии есть глаголяи и иная изьявляя. Сотвори убо то... (об.) от них во образе торжествен начало их праздника, подобно яко бы вечерню и утреню, понеже они обыкли от вечера даже до утра в пустошных беседах упраздившися; того ради вящие обличая их шаловество, состави яко бы праздник кабацких ярыжек, но им толико сотвори сеи праздниче не ненавистен, елико единаго слова они ярыжные слышати не могут, и не токмо же они, но и елицы в доме клитвсострех живущих и сико любящи, и сии такожде слышати ненавидят, и яко нечистым духом одержими, бесятся, и не престанут (л. 2) от молвы, дондеже преминется сей праздник читати.

---

[1] *Рук.* достоити.

Сей праздник разсуждается от неких не без прибытка быти человеческаго пребывания, и явно суть в нем приувеляющих и возбраняюще, аще кто имеет таковую страсть к запойству, да останется неимущии слышав и возгнушався опасен будет от нея, увеселителное аще и возмнит кто применити кощунству, и от сего совесть его, немощна сущи, смущается, таковыи да не понуждает[ся] к читанию, но да оставит могущему и читати и ползоватися. Всякое доброе, аще не добре творит, добро побеждает, яко же и при враческом (об.) художестве в зелиях бывает потребно и ядовие в мерном разстворении ко здравию, сице и зде, аще благоискусныи читатель, иже весть предложити и ко времени и к лицу и к потребе сотворити по намерению своему ползу добрую, яко же и от протчих святых писании, по злому своему намерению приводя, кощунствует, и сему определения несть, яко же восхощет, тако и сотворит, и от благаго злое и от зла благое по коегождо, яко же рехом, намерению, но зде, аще и начинается смехотворным образом, но напоследок положены (3) суть многия выписки из божественнаго писания о тех же пианицах, согласна прежде положенному кабацкому празднику, которыи вкупе с божественным писанием обличает и гаждает пианиц, да тем устрашают прочих, видевших такое злосмрадное их житие, и да воздержатца не токмо сами, но и домашних своих да научают всякому целомудрию и трезвости. И по сему не есть порочно сие изложение кабацкого праздника, но и полезно по вышепоказанному и[з]явлению,[1] его же начало полагается зде сицевым образом.

[Перечень дополнительных статей.]

1. «Пишу ти от недомыслия моего и малоумия моего...» — обращение автора последующей повести к «возлюбленному о Христе брату моему имя рек многосогрешивый и непотребный имя рек много челом бию и писанием сицемь беседую...»

2. «Притча. Бе некий человек невоздержно пианственное питиа пиаше и повсегда упиваяся...» — повесть о пьянстве, составленная на основе главным образом интерполированной редакции Откровения Мефодия Патарского (см. В. М. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения

---

[1] *Рук.* и явлению.

Даниила в византийской и славянорусской литературе. Москва, 1897, стр. 116. То же см. Кушелев-Безбородко. Памятники старинной русской литературы, вып. III, стр. 17) и отчасти Слова о высокоумном хмелю и о пьянице (см. рук. собрания Погодина, № 1594, XVI в.). Повесть оканчивается нравоучением, «блажен той иже весма хмелному питию не прикасаяися, поминая реченное Иоанном Златоустом...» и затем следует ряд выписок[1] из Иоанна Златоустого, Василия Великого, Тропника, ап. Павла, Соломона, Илариона Великого, пророка Исаии, Иисуса сына Сираха, Варнавы, из патерика, папы Иннокентия; за этими цитатами следуют ссылки на примеры из библейской и византийской истории, свидетельствующие о губительном действии пьянства. Эти ссылки заканчиваются рассказом о том, как во время войны нач. XVII в. поляки подвезли вина на Ходынку, московские люди перепились и были посечены поляками: «все сие от пианства учинилось, толико телес под меч подклонилось, сами они себе погубили, что велми много вина пили, толко им вина немного пити и такои бы силе потраченои не быти» — таким рифмованным нравоучением заканчивается этот эпизод.

3. «Двоестрочием о безмерном питии и о злом запойстве». Нач.: «Егда человек много вина испивает, Тогда он все свое домовное радение забывает...» — вирши о пьянстве, составленные на основе «Слова св. Кирилла Философа о хмельном питии ко всем людем» (см. Е. Петухов. К вопросу о Кириллах-авторах в древнерусск. литературе, с. 25), Слова о высокоумном хмелю и о пьянице (рук. Погодина, № 1594), проложного поучения «к царем и князем и епископом и попом и ко всем христианом, еже не упиватися» (см. Пролог 7 апреля; Пономарев. Памятники церк.-учит. литературы, вып. IV, стр. 141—142). Здесь в новой форме собрана вся старая, давно знакомая русскому читателю аргументация против пьянства, частью взятая из византийских образцов, частью из русских подражаний им. Вирши неравносложные, сбивающиеся еще сильно на рифмованную прозу.

4. Послесловие, представляющее вместе с введением к притче о пьянстве рамку, объединяющую все предшествующее, снова обращается к «честнейшему отцу, великому господину, дражайшему брату, богом любимой душе», к какому-то анонимному корреспонденту, судя по титулу, духовному лицу, представителю

---

[1] Об этих выписках см. П. К. Симони, назв. соч., стр. 19.

высшей иерархии. Кто именно это был, точнее установить трудно за неимением данных. Благодаря этой рамке весь набор старых обличений пьянства получил здесь вид послания к неизвестному лицу, формы, хорошо знакомой московской литературе XVII в. Эта форма вместе с добросовестно использованными источниками определили и язык автора: он не имеет ничего общего с живой образной речью «Кабацкого праздника», возвращая нас назад к старой славянорусской литературной речи, лишь украшенной, сообразно с мóдой XVII в., рифмой. Рифмованные отрывки встречаются и среди прозаического текста.

5. В списке Библ. им. Ленина, № 1564, вслед за этим текстом помещено еще виршами изложенное «слово о пианстве сотворено и о злом запоистве учинено трезвым на утверждение, а пианицам на посрамление», нач.: «первы стих о(т) пианых крик. Дивну траву с прелестию лукавого являем и ведения ради пианицам обявляем...». Часть этих вирш попала в лубочные картинки (см. о них: В. Перетц, Из старинной сатирической литературы о пьянстве и пьяницах, СПб., 1911, стр. 4—5); здесь они явно добавлены по сходству темы к предшествующей вполне законченной части.

## 2. КАЛЯЗИНСКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

«Калязинская челобитная» — памятник, интересный и с точки зрения отражения в нем быта и нравов Московского государства накануне петровской реформы, и с точки зрения чисто литературной, как один из образцов широко развертывающегося во второй половине XVII в. пародирования старых литературных форм.

Еще в 1873 г. «Калязинская челобитная» была издана по одному из старших списков (Ундольского № 1073), правда, с ошибками и пропусками, и кратко прокомментирована. Издатель[1] заинтересовался челобитной только как «памятником древнерусского монастырского быта». Приведя исторические справки об упоминаемых в «Калязинской челобитной» лицах, издатель замечает: «Если эти лица не подставные, то она писана в 70-х годах XVII ст. Челобитная приносится от имени крылошан,

---

[1] Л. П. Два памятника древнерусского монастырского быта XVII в. Русск. архив, 1878, № 9, стр. 1771—1773, 1776—1778.

очевидно потому, что крылошане (певчие) исстари пользовались в наших монастырях разного рода льготами, а потому дозволяли себе и отступлений от монастырского устава больше, чем другие иноки, как это продолжается и до нашего времени». Издатель замечает, к сожалению, без ссылки на документы, что «впоследствии Калязинский монастырь получил невыгодную репутацию по распущенности своих обитателей, так что в этом отношении дал даже материал для народных песен».

Эта характеристика среды, в которой якобы возникла «Калязинская челобитная», мало соответствует исторической действительности XVII в. Как показывают сохранившиеся документы, «отступлений от монастырского устава» допускали в это время больше не крылошане, а как раз те, кому надлежало особенно усердно блюсти этот устав, — руководящая верхушка монастыря. Мы увидим ниже, что в жалобах на бесчинства в монастырях фигурируют обычно архимандрит, игумен, старец-казначей, строители. Они расхищали монастырскую казну и зачастую пропивали ее, доводя монастыри до полного запустения, а не монашеская масса, не имевшая прямого доступа к монастырскому имуществу. Таким образом вопрос о том, какие явления монастырского быта разоблачает «Калязинская челобитная», не решается заметкой издателя ее рукописного текста.

Трудно согласиться также и с категорическим утверждением Д. Ровинского,[1] обратившего внимание на лубочное издание «Калязинской челобитной»: «Наша картинка была пущена в народ в то время, когда Екатерина II только что составила свой план об отобрании у монастырей недвижимых имений, и, без сомнения, с высочайшего соизволения, без которого издатели картинки, в виду пикантности сюжета, могли бы подвергнуться обвинению не только в кощунстве, но и в богохульстве». Но борьба у Екатерины шла в этом деле не с монастырскими низами, пьянство которых рисует «Калязинская челобитная», а с высшими иерархами; поэтому, как предварительное агитационное средство, вряд ли эта картинка была для нее необходимой. Во всяком случае вопрос о причинах появления лубочного издания требует внимательного рассмотрения.

Таким образом, при наличии двух изданий — рукописного текста и лубочного — «Калязинской челобитной», вопрос о ее

[1] Русские народные картинки, т. I, СПб., 1881, стр. 405, и т. IV, стр. 285.

происхождении и дальнейшей судьбе нельзя считать решенным двумя указанными статьями. Необходимо, с одной стороны, расширить исторический комментарий и заново поставить вопрос об авторе сатиры, с другой стороны — охарактеризовать ее как памятник словесного искусства, отведя ему соответствующее место в ряду других пародийных произведений второй половины XVII в.

Рукописных текстов «Калязинской челобитной» сохранилось немало: ее можно найти даже в сборниках полуучебного характера среди образцов разного рода писем, «кому и как писать». Большинство текстов падает на XVIII в., но все же есть два списка конца XVII — начала XVIII в., т. е. близких по времени к созданию самого памятника.

1. Библ. им. Ленина, собр. Ундольского № 1073, конца XVII — нач. XVIII в., лл. 9—19 об.[1]

2. Библ. им. Ленина, № 2432, первой пол. XVIII в., лл. 1—7 (ниже издается).

3. Библ. им. Ленина, собр. Тихонравова № 472, конца XVII— нач. XVIII в., лл. 139—141.

4. Библ. им. Ленина, собр. Тихонравова № 486, второй пол. XVIII в., лл. 95—98.

5. Гос. Публ. Библ. им. Салтыкова-Щедрина, собр. Буслаева О. XVII. 57, петровского времени, лл. 266—272 об., без начала. Первые слова: «колотовок избили. Да он же архимандрит приказал старцу Иору».

6. Гос. Публ. Библ. им. Салтыкова-Щедрина (собр. Толстого). Q. XVII. 17 (V. 62), второй пол. XVIII в. (с записью 1768 г.), лл. 35 об. — 38.

7. Гос. Публ. Библ. им. Салтыкова-Щедрина Q. XVII. 4, XVIII в.

8. Гос. Историч. музея, собр. Забелина № 536, XVIII в., лл. 14—17 об.

9. Там же, лл. 55—57.

10. Гос. Историч. музея, собр. Барсова № 2411, 1792 г.

11. Рукоп. отделения Библ. Академии Наук СССР 16. 4. 39, первой пол. XVIII в. (с записью 1744 г.), лл. 2—6 об.

12. Собр. Мазурина (б. Архива Минист. иностр. дел) № 755, пол. XVIII в., лл. 15—18.

---

[1] Не привожу заглавий и начальных слов, так как они повторяются во всех списках без существенных изменений.

13. Собр. В. Н. Перетца Q. 77, второй пол. XVIII в., лл. 5 об. — 7.

14. Лубочный текст, изд. Д. Ровинским (Русские народные картинки, т. I, СПб., 1881, стр. 406—409).

Текст Калязинской челобитной в рукописях мало меняется: небольшие пропуски и сокращения совершенно не изменяют характера памятника, который и идеологически и стилистически сохраняет свой первоначальный вид. В XVIII в. появляются лишь списки, в которых текст делится на пункты — признак, что эта разновидность создалась не раньше 1723 г., когда последовал указ Петра I об обязательном изложении донесений и челобитных по пунктам. Таким образом, говорить о сознательной редакторской работе над «Калязинской челобитной» в ее поздних списках не приходится. Тема и в XVIII в., как увидим, была достаточно актуальна, а изложение настолько живо и ярко, что не потребовалось вносить никаких изменений в текст XVII в.

Все списки согласно изображают монастырскую жизнь под управлением архимандрита Гавриила одинаково. Приехав в Калязин монастырь, он «почал монастырской чин разарять, старых пьяных всех разогнал, дошло до того, чуть и монастырь не запустел, некому стало впредь заводу заводить, чтоб пива наварить да медом подсытить, а на денги вина прикупить». Какими мерами он «разорял монастырский чин»? Челобитная обстоятельно описывает это, изображая в виде преступления возобновление обычаев монастырского устава: «плутам панамарям» он велел с утра «в колокола звонить, в доски колатить», старцу Уару «подле келей з дубиною ходить, в келейныя двери калатить, нашу братью будить, велит нам скоро в церковь ходить и нас богомолцев твоих томить». По его приказу «кривой Фалалей» «за ворота не пускает», на скотном дворе «коровницам благословения подать». Архимандрит «казны не бережет, ладану и свеч много зжет, церковь запылил, кадилы закаптил, а нам, богомолцем твоим, выела очи, засадила горлы». Но, не довольствуясь восстановлением общего порядка поведения в монастыре, архимандрит строго наказывает ослушников: «нашей братьи в праздники и в будни на шеи большия чепи кладет, да об нас же ботоги приломал». Когда монахи свили из уродившейся хорошо пеньки толстые веревки, чтобы из «погреба бочки с пивом волочить», архимандрит велел их «на кароткия палки везать», «шелепами называть», «а на нас, богомолцев твоих, тяжело опускать».

В великий пост он «завел вновь чин земныя поклоны», кормит их «репой пареной да ретькой вяленой», «во братины квас наливают». Сам он «хлеб сухой жует, мед весь перекис, а он воду пьет».

Параллельно этой картине, идет описание привычного для монахов образа жизни. Когда звонят в церковь, они «без порток в одних свитках» в келиях сидят, «не поспеть им ночью в девять ковшей келейного правила исправить»: «по нашему уставу с утра бы рано до дни часа за три в чеснаковики звонить, а за блюдом над старыми остатками часы говарить, а блаженны в ведрах нада вчерашним пивом поем на шесть ковшей „слава и ныне" говорить, а к свету на печь и спать ляжем». По этому же уставу «для посных дней» следовало подавать «везига бы да икра, белая рыбица телное, да две паровые тешки во штях, да ушка стерляжья» и т. д., идет длинный перечень лакомых постных блюд, за которыми вместо квасу следует «пиво мартовское подделное». «До полночи» они трудятся «у пивного ведра», «поутру встать» не могут, «где клобук с мантией», того не помнят.

Монахам рисуется раздолье, которое наступило бы, если бы по их просьбе убрали непокорного архимандрита: «А в онбарах просто же прибавим: рожь да ячмень в солод изростим, да пива наварим, овсяные брашки поставим, а на деньги вина прикупим... прикажем колокола отвезать, велим в Кашин сослать и на вино променять... ладану да свеч не станем жечь... ризы да книги в сушило вынесем, церковь замкнем». Если же архимандрита не уберут, то монахи угрожают — «в руки возмем посошки, да ступим по дорошки в ыной монастырь, а где пиво да вино найдем, тут и поживем». «Добрый» архимандрит рисуется этим обиженным пьяницам таким, который «с нами горазд лежа вино да пива пить, а в церковь не ходить, а нас бы не томить».

Отдельные детали этих двух параллельных картин некоторыми списками пропускаются, так как среди них немало повторений. Но эти пропуски нисколько не изменяют общей физиономии памятника. В лубочном издании как будто улавливается некоторая тенденция — пропустить то, что относится к изображению монахами «доброго архимандрита»: их обращение к Гаврилу, чтобы он «почащей пива варил, да нашу братию до пьяна поил, а в церковь бы пореже ходил», угроза уйти в другой мона-

стырь, если порядки не переменятся. Может быть издатель избегал намеков на то, что подобный архимандрит вообще возможен? Если действительно этот пропуск не случаен, то издатель, вероятно, хотел ограничить сатиру и отвести ее совершенно от представителей старшего монашеского чина. Но противопоставление обычной распущенной монастырской жизни строгим уставным порядкам сохраняется полностью и в лубочном тексте, так же как сохраняется в нем и вся стилистическая окраска. Поэтому комментировать тему «Калязинской челобитной» и ее стилистическое оформление можно применительно ко всем ее текстам — и рукописным и лубочным.

Ввиду такой устойчивости ее текста, история «Калязинской челобитной» сводится к вопросам: почему она появилась, почему для читателя XVIII в. сохраняла свою актуальность и почему, наконец, не взирая на цензурные строгости, она была пропущена в лубочные издания, гораздо более доступные широким читательским массам, чем рукописные сборники.

Троицкий Калязин монастырь, — место, где происходят события, рассказанные в «Калязинской челобитной», расположен на левом берегу Волги, против города Калязина в посаде. Он был основан в 1444 г. Макарием Калязинским.[1] Уже в XVI в. этот монастырь не пользовался особым почетом: Вассиан Патрикеев-Косой, по словам обличавшего его митрополита Даниила, так отозвался об основателе монастыря, только что перед этим канонизованном: «Господи, что ся за чудотворцы, сказывают, в Калязине Макар чудеса творит, а мужик был сельской» (см. В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 216. Потомка бояр Макария Вассиан назвал так за необразованность). Упоминаемый в челобитной Симеон, архиепископ Тверской и Кашинский, бывший архимандрит Юрьева монастыря, известен как архиепископ с 16 апреля 1676 г. до июля 1681 г.[2] В те же годы управлял Калязиным монастырем архимандрит Гавриил.[3] Таким образом, упомянутый в заглавии «Калязинской челобитной», в списках Мазурина № 755 и библ. им. Ленина № 2432 — 7185

---

[1] Л. Денисов. Православные монастыри Российской империи. М., 1908, стр. 826—829.

[2] Иерархи российской церкви от учреждения Киевской митрополии до настоящего времени. Без года, стр. 56.

[3] П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви. СПб., 1877, стр. 448.

(1677) год, повидимому, существовал в заглавии оригинала ее: указание этих списков, что именно в 1677 г. была подана челобитная на архимандрита Гавриила, не противоречит обращению ее к архиепископу Симеону. Можно ли считать этот год действительным годом составления самого памятника? Думаю, что он во всяком случае очень близок к настоящей дате. И Симеон и Гавриил одновременно потеряли свою непосредственную связь с Калязиным монастырем в 1681 г., поэтому назвать их рядом и притом верно пометить 1677 г. мог только человек, близкий ко времени, когда оба эти лица управляли монастырем. Наличие списков конца XVII в. показывает, что нет оснований считать этих лиц «подставными», как скептически заметил первый издатель «Калязинской челобитной». Автор ее помнит события середины XVII в.: иронически говоря о большой казне Калязина монастыря, он вспоминает «мор старых лет» — видимо, моровую язву 1654 г., особенно памятную Калязину монастырю тем, что в это время там жила царская семья (см. Д. Ровинский, IV, стр. 282). Даже при самой осторожной датировке, мы должны признать, что «Калязинская челобитная» появилась в последней четверти XVII в. — не раньше 1676 г. и не позже конца века, к которому относятся старшие списки.

К сожалению, мы не имеем никаких сведений о лицах, упомянутых в челобитной, кроме указания на время их деятельности в Калязине монастыре. Соответствует ли действительности образ архимандрита Гавриила, ревнителя строгих порядков в монастыре, каким он рисуется в челобитной, или автор, не рискуя прямо говорить о распущенности монастырского начальства, обычной в его время, намеренно переносит свое осуждение на младшую братию, этого мы сказать не можем. Никаких следов деятельности архимандрита Гавриила в Калязине монастыре не сохранилось. Но зато можно сказать прямо, что сам Калязин монастырь выбран для изображения монастырского пьянства не случайно и весьма удачно. Правда, тех «народных песен», о которых говорил первый издатель «Калязинской челобитной», и которые будто бы были прикреплены именно к этому монастырю, мы не знаем в записях, но зато есть сведения от близкого к событиям «Калязинской челобитной» времени — от первой четверти XVIII в., которые показывают весьма невысокий нравственный уровень калязинских монахов. Между 1718 и 1725 гг. иеромонах Калязина монастыря Маркелл Поморцев доносил угличскому

воеводе о найденных им в монастыре глиняных формах для делания фальшивых бумаг.[1]

Однако, тема «Калязинской челобитной» имеет интерес далеко не только местный: нравы Калязинского монастыря в отношении пьянства не были единственными в своем роде в ту эпоху. Документы конца XVII в. раскрывают перед нами картину полного разложения монастырской жизни, и эта картина многими деталями совпадает с нарисованной в «Калязинской челобитной». Разница лишь в том, что расхищение монастырской казны и имущества, о котором мечтают калязинские монахи и которое станет для них возможным, если уберут «лихого архимандрита» и дадут им «доброго», в подлинных челобитных описывается в тех же подробностях, но производят его не «крылошане», а сама монастырская верхушка, начиная с архимандритов. Очевидно, в это время, выражаясь языком «Калязинской челобитной», было больше «доброго», чем «лихого» монастырского начальства. Эта историческая действительность, отраженная в документах, и наводит на догадку, не́ замаскировал ли автор нашей сатиры свой настоящий замысел: ограничивалось ли его намерение тем, чтобы осудить беспутных «крылошан», или он через их голову посылал упрек тем многочисленным архимандритам, игуменам, строителям и прочему монастырскому начальству, которое в это время своим «безчинством» «запустошило» не один монастырь.

Особенно близко к «Калязинской челобитной» монастырские нравы второй половины XVII в. описаны в челобитной, поданной Стефаном Наумовым, которому, по указу Алексея Михайловича, «велено» было «быть у ево великого государя дела в Ферапонтове монастыре». Этот надзиратель, посланный из Москвы для наблюдения над монастырским хозяйством, во всех подробностях описывает поведение игумена Афанасия и его ближайших сотоварищей по управлению монастырем. Вот что доносит Наумов: «Игумен Афонасеи, покинув монастырь и братию и всех вотчинных крестьян... выехал из монастыря, живет того же монастыря в вотчине в селе Ситке с советники с казначеем старцем Аврамием да с конюшим старцем Лаврентием и с служками... монастырь и всю монастырскую вотчину запустошили и пропили без остатку и многое время бывает церковь божия без пения...

---

[1] См. рукопись собрания Вахрамеева № 703, XVIII в. — А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. II, М., 1892, стр. 494.

пьют и бражничают безобразно и напився пьяни дерутца до крови и в монастыре у них смертное убоиство от их безчинства и безмерного пьянства чинитца... из монастырского хлеба пива варят и вино курят и на монастырские казенные деньги про них вино покупают безпрестанно. И тем они безчинством своим монастырь пропили и разорили и монастырскую вотчину всю запустошили».[1] Все эти поступки игумена Афанасия и его сотоварищей почти дословно совпадают с мечтами монахов «Калязинской челобитной» о том, как после ухода «лихого» архимандрита Гавриила они из монастырского хлеба «пива наварят, овсяные брашки поставят, а на деньги вина прикупят... церковь замкнут» — ср. «церковь божия без пения» в жалобе Стефана Наумова.

Совершенно та же картина сохранилась в любопытном деле Сарской и Подонской митрополии «о безчинствах и неистовствах Вяземского Предтечева монастыря архимандрита Феодосия» в 1686—1690 гг. На этот раз челобитную подают сами монахи: «Архимандрит Феодосий всегда пьет, ездя по гостям, и в своей келье, в день и в ночь» (ср. в «Калязинской челобитной» описание ночного времяпрепровождения в кельях — «круг ведра без порток в одних свитках сидим... к свету на печь и спать ляжем»), «и напився пьян нас бьет напрасно своими руками и в чепь всегда сажает безвинно» (ср. в «Калязинской челобитной» — «нашей братии в праздники и в будни на шеи большия чепи кладет, да об нас же ботоги приломал и шелепы прирвал» и т. д.), и «бранит неподобными словами всячески...» «Приехав из гостей пьяной или напився в своей кельи пришод в церковь во время божественного пения стоит на своем месте немирно, на братию кричит и бранит напрасно, и сшед с своего места иных бьет и тем чинит церкви мятеж... Да он же архимандрит Феодосий посылает во Ильинский девич монастырь ко игуменье крупы гречневые и овсяные, и муку оржаную и пшеничную, и масло конопляное и коровье, и яйцы и рыбу, вино, и пиво и солод и овес и хмел почасту. И отослав и сам ездит в тот Ильинский девич монастырь ко игуменье почасту ж и приезжает после вечерни поздно и в ночном часу пьян...»[2] Романические похождения монахов в «Калязинской челобитной» изображены гораздо скромнее: они просятся

---

[1] В И. Срезневский. Отчет ОРЯС АН о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губ., июнь 1902 г., СПб., 1904, стр. 295—297 — по рукописи Библиотеки АН 45. 7. 155.

[2] А. Викторов. Описание рукописей Беляева, М., 1881, стр. 95.

только в слободы «коровницам благословения подать». Хорошую параллель к угрозе монахов «Калязинской челобитной»: «возмем в руки посошки, да ступим по дорошки в ыной монастырь, а где пиво да вино найдем, тут и поживем. А когда тут допьем, в ыной монастырь пойдем, а с похмелья да с тоски да с третьей бродни да с великия кручины назад в Колязин пойдем и в житницах и в онбарех все пересмотрим» — дают челобитные монахов Вепревой пустыни на ее «строителей» 1680-х годов: «в той пустыне строители были часто переменные, пьющие, и братья была схожая и жили самовольственно не по монастырскому чину и иночеству, пили и бражничали, и церковь божия стояла у них без пения и от того их самовольственного жительства монастырь истощился и разорился... да те же строители и схожая братья пропився бродили по миру с иконами и деньги собирали обманом, будто на церковное строение, и те деньги пропивали на кабацех, и от того пьянства многие строители и старцы померли».[1]

Память об этом монастыре и его пьющих монахах сохранилась в народной песне, записанной в окрестностях монастыря еще в 60-х годах XIX века, — видимо, репутация его за двести лет не изменилась:

Вечор девки пивоварничали,
Пришел к девушкам незваный гость,
Монах с пустыни Вепревой.
Стали девки перешептываться,
С глазу на глаз перемигиваться,
Чем гостя потчивать.
Коя в щеку, коя за косу,
Через стол тащат, волоса трещат,
Через скамью дали тасканину,
А по полу дали топанину.
А по сеничкам веничком метут,
А по двору кубарем, кубарем,
Под воротнею борзым кобелем,
А по улице честным иноком.[2]

Если XVII век дает богатый исторический материал, подтверждающий глубокую правдивость изображения монастырских

[1] А. А. Титов. Успенская Вепрева пустынь, М., 1902, стр. 19—20.

[2] А. А. Титов. Успенская Вепрева пустынь, М., 1902, стр. 25. Та же песня, но без стиха «монах с пустыни Вепревой» записана во Владимирской и Костромской губ.: А. Смирнов. Песни крестьян Владимирской и Костромской губ., М., 1847, стр. 57.

нравов в «Калязинской челобитной», то и XVIII в. сохранил немало сведений о тех же порядках, поэтому наличие списков «Калязинской челобитной», и в XVIII в. точно повторяющих старый текст, вполне понятно.

Монастырское пьянство и в XVIII в. было совершенно заурядным явлением, но теперь создается желание скрыть его от посторонних глаз. Так, совет монастырских старцев в 1754 г. выносит любопытное постановление по поводу уличенного в пьянстве иеромонаха: «Иеромонаха Паисия за то, что он пьяный волочился и ночевал в монастырском дворе мимо монастыря, при братьи наказать плетьми, дабы другим монахам пьянствовать и в мирские домы, где не подлежит, ходить не повадно было; а когда монах где напился, то б и шел в монастырь, а за монастырем нигде бы не ночевал и не спал».[1]

Сами монахи, видимо, не считали пьянство особенно большим грехом. В начале XVIII в. один монах Александро-невской лавры был привлечен к суду за то, что пришел в церковь «в пьяном образе» и оправдывался тем, что он «был де малое число под хмель, а не совершенно пьян».[2]

Как жили в это время в крупных монастырях, мы достаточно знаем по историческим материалам. Как дополнение к ним, большой интерес представляют созданные в той же Александро-невской лавре вирши «о орачах, которые в чернцах». Автор — защитник своеобразного аристократизма, который считает привольную монастырскую жизнь подходящей только для «людей честных и разумных»: в его понимании это люди, которые и в миру жили чужим трудом. Но «орач» — крестьянин не должен уходить от «рала», он «свинья неразумная», а потому все прелести монашеского быта для него окажутся искушением сатаны, и он, благодаря им, попадет прямо в ад, тогда как у «рала» его не настигнет демон. Несмотря на свою ясно выраженную классовую физиономию, автор вирш совершенно откровенно описывает ту обстановку, в которой спасаются «разумные и честные» души в монастыре: «романея и ренское», «сосуды златые», которые можно и красть, табак, и наконец «отрочата»... Нетрудно увидеть, что «Калязинская челобитная», пожалуй, даже слишком скромна

[1] А. С. Лебедев. Сведения о некоторых архивах духовного ведомства в губ. Курской и Харьковской, Харьков, 1902, стр. 13.

[2] Описание архива Александро-невской лавры за время царствования Петра Великого, 1713—1716 гг., т. I, СПб., 1903.

в своих обличениях монастырской распущенности, сравнительно с тем размахом ее, какой она приняла в XVIII в.

Привожу текст этих неизвестных в печати вирш по рукописи собр. Мазурина № 755, XVIII в. Составитель сборника внес эти вирши рядом с «Калязинской челобитной».

Л. 13 об.

### О ОРАЧАХ, КОТОРЫЕ В ЧЕРНЦАХ

Мужик глупои, кинув свое орачество,
И бежит на погибель в монашество.
Первое орачь в рясу пострижется,
За то от умных жуком назовется.
Егда же орачь в мантию пострижется,
За то от умных вороном прозовется.
А егда орачь в схиму облечется,
То от премудрых мышью наречется.
З жука, с вороны и мыши нет добра,
Разве от них зломерскаго дерма.
Для того постригся мужик от рала,
Чтоб в монашестве губа его лгала,
Яко из начала диавол ложь есть,
И всякая лжа в людех от него есть.
Для того стрижется мужик от рала,
Чтоб рука его в монастыре крала.
Украл сосуды златые мужик сохар,
И дал ту кражу сатане в дар.
Он для того и воспріял монашество,
Чтоб им получить себе богатство.
Во оковах тяжко двизать,
Так и богатому рая достизать.
Тесен вход ужу в ыглине ушеса,
Не широк путь и богатому в небеса.
(Л. 14) Орачь он стрижется не на святость,
Но на самую глупую праздность.
Птиц убо, парящих по воздуху высоко,
Аще и зрит хитра стрельца око,
Не может их парящих уязвити,
Ждет, даже сядут на древо почити.
Так и демон сущих в трудех не стреляет,
Разве коих праздных обретает.
Орачь он стрижется не на святость,
Но на самую глупую леность.
Ибо велии есть корень злому,
Всяк ленивец непотребен никому.
Всяк ленивец есть древо неплодное,

Сечению и огневи годное.
Чернец орачь породы свинскои
Любит пить романею и ренско.
Аще кто даст свини в ноздри колцо злато,
Обаче начнет рыти кал и смрадно блато.
Кто бы гладил свинию ублатнену,
Нося на себе ризу узлатнену,
Всяк ее от себе прочь отгоняет,
Зане обоняние зело воняет.
Так и орача негодно постригать,
Годно его от лавры прочь отгонять.
В белцах орачь бо просит, яко рыба сом,
А в чернцах орачь является злым псом.
(Об.) Аще кто тя во храм свои водворит,
И таковым псом весь храм свои осмрадит,
Для того господа близ врат псов берегут,
Что они господина домы стерегут.
Так кто и орача мнихом сотворит,
Не плоше пса им лавру осмрадит.
Он стрижется для вина и табаку,
Чтоб на чужем хлебе лежать на боку.
Не так муха летит на мед сладак,
Как чернец орачь на вино падак.
Не так злыи волк падет на овчата,
Как чернец орачь лстив на уныя отрочата.
На иноки — отрочата и вино
Злеише оружие сатанино.
От орача мужика глупца мниха
Нет в нем добра всякого лиха.
Многих монахов мужиков орачеи
Бес в чернецах учиняет богачеи.
Тем богатством накупаются на власть,
Чем бы было душам их во ад попасть.
Не толко с древ листву на землю падоша,
Сколко в России людеи глупых погибоша,
Ныне же тех людей много погибает,
А орачь ту гибель в святость вменяет.
(Л. 15). Мнишеск путь свят, я ево не поношаю,
А орачам не благ, то вам внушаю.
Мнишеск путь свят честным людем разумным,
А не орачам свиньям неразумным.

Ряд устных песен, бытовавших в течение всего XIX в., а частично дошедших и до нашего времени, отражают эту «пьяную» репутацию монастырей, уходящую в их отдаленное прошлое. Так, напр., в старых записях П. В. Киреевского есть песня под заглавием «Монашеская на глас тебе бога хвалим» — явный про-

дукт творчества самих обиженных монахов, где речь идет, как в исторических документах, о пьянице-строителе:

Дал нам бог строителя, строителя разорителя
И бражника пьяницу, хлебодара скупого.
Он мало по малу нам хлеба дае,
Нам этого хлеба на обед не стае.
Рассердимся, братие, на отца на игумена,
Не пойдем ни к обедни, ни к заутрени,
Ни к его честному молебну.
Открою нам погреба холодные,
Опустя черпала медные.
Различхнем, почерпнем, по компаньи разнесем,
Слава тебе, холодному погребу
И гебе архимандриту новому. [1]

Монах, пьющий в кабаке, — герой и другой песни, записанной Семевским в Торопце в 1860-х годах:

В одной келье монах бедный спасается,
По три разика в день напивается.
Как к обедне зазвонят, так монах идет в кабак,
С себя рясу пропивает и каблук он закладает,
А целовальник не принимает, чернеца в шею толкает:
— Поди прочь, не докучай, не в теперешний случай!
Поди в келейку, пора, не заперты ворота. —
— Чем мне в келейку итти, лучше в рощицу зайти. —
В роще девки грибы брали, а чернеца в глаз не видали.

---

[1] Песни, собр. П. В. Киреевским. Новая серия, вып. II, часть вторая, М., 1929, стр. 326. Продолжение этой песни не имеет отношения к монастырской жизни. Близкий вариант этой песни под заглавием «Глас 6 пение без канонарха» записан еще в 1926 г. от монахов б. Клименецкого монастыря в Заонежьи, дер. Конда (Архив фольклорной секции Академии Наук).

Братия, братия, рассердимся мы на отца нашего игумена.
Ни пойдем мы ни к вечерни ни к утрени,
Ни к великому подвечерию.
А скажем, чтоб открыл он нам погреба глубокие,
И вынести бочки толстобокие.
А мы, любая братия бедная, возьмем черпала медные,
Выпьем по одной и помолимся...

От тех же монахов записана хвала водке под заглавием: «Глас 4 пение с канонархом»:

Достойная ты перцовка, многочтимая ты сивуха,
Мы тебя ублажаем, каждый день по бутылочке выпиваем.
Прошла еси ты огни и воды и медные трубы,
Попала ты монахам в зубы, натерпелася великие муки.

Доходили до конца, увидали чернеца.
Девки песенки запели, чернецу плясать велели.
Как начал же наш чернец, чернец бедный поплясывать,
Про свое житье Машеньке рассказывать:
Не роди, боже. на свете молодым монахом быть,
Не велят монаху во царев кабак ходить,
Зеленое вино пить,
И еще того тошнее — красных девушек любить.[1]

Таким образом, тема «Калязинской челобитной» подводит нас непосредственно к подлинному быту монастырей, каким его знают исторические документы и второй половины XVII в. и гораздо более позднего времени, пока вообще существовали монастыри. Но если мы сравним самую манеру изображения этого пьянства автором «Калязинской челобитной» и его современниками — авторами челобитных-жалоб, то преимущество останется на стороне первого. Все они говорят об одних и тех же фактах, но то, что в челобитных передается однообразными застывшими жалобами — «пьют и бражничают безобразно», «церковь божия стоит без пения», «монастырь запустошили» и т. д., — у автора «Калязинской челобитной» развертывается в живой и образной картине. Взяв схему челобитной, как она закрепилась к его времени, наш автор заполнил ее рядом умело схваченных моментов монастырской жизни, показал типы, которые надолго сохранили для читателя свою правдивость — и в этом, конечно, разгадка такой длительной популярности памятника, говорящего о старой и привычной в русском быту теме. Реализм изображения в «Калязинской челобитной» доведен до высокого мастерства. «Понамари-плуты», которые «из колоколов много меди вызвонили, железные языки перебили, три доски исколатили», «старец Уар», который «подле келей з дубиной» ходит, в келейные двери колотит, «кривой Фалалей», «с шелепом» стоящий у монастырских ворот и непускающий «богомольцев» в слободу «коровницам благословения подать», наконец сами монахи, сидящие «круг ведра без порток в одних свитках», которые к утру от этого занятия так «утрудятся», что не помнят «где клобук с мантией», — все это типы, оживающие перед нами, благодаря нескольким удачно набросанным штрихам. Образность языка проходит через все изложение в «Калязинской челобитной». Автор не говорит просто

[1] А. И. Соболевский. Великорусские песни, т. VII, СПб., 1902, стр. 309—310.

о строгости архимандрита, о том, что он подает пример умеренной жизни, а иронически пишет, что у него «смыслу не стало», «вдрух ума не стало», «сухой хлеб жует, мед весь перекис, а он воду пьет, мыши с хлеба опухли, а мы з голоду мрем». Автор подробно перечисляет, чем кормил по постным дням монахов Гавриил, и чем, по их мнению, следовало бы их угощать. Этот перечень точно списан с «книг во весь год в столы еству подают», какие в XVI—XVII вв. существовали и для царского и для монастырского обихода.[1]

Неудовольствие монахов на восстановление длительных служб в церкви автор изображает, как их заботу о сохранности монастырской казны: архимандрит де «казны не бережет, ладану и свеч много зжет, церковь запылил, кадилы закаптил»; монахи просят, чтобы архимандрит «в утерной убыточной казне отчет бы дал» — надо «счесть колакала да чепи весом, а уголья мерою, доски и с колотовки числом». Прямо из быта взяты те «мастера старые питухи», которых калязинские монахи вызывают себе на помощь, чтобы после разгона Гавриилом «старых пьяных» было бы кому «впредь заводу заводить, пива наварить, да медом подсытить». Этим «мастерам», «старым бражникам» начальство дает инструкцию, «чтобы они делом не плошали, кавтаны бы лутчие с плеч сложили... иных бы пить научили». Один из них — «без грамоты поп Колотила с Покровки» — точно списан с тех буйных безместных попов, с которыми тщетно боролось в Москве начальство, старавшееся прекратить их сборища у Спасского моста, нередко переходившие в драки и всякого рода «безчинства великие». У церкви Покрова богородицы в XVII в. была устроена «поповская изба», которая стремилась взять в свои руки распределение этих безместных попов по церквам. Эта поповская изба была в ведении патриарха, оттого и в «Калязинской челобитной» один из списков добавляет к обычному чтению: «явно стало на Москве началным людем пьяным» — «в патриаршем приказе» — о бедствиях Калязина монастыря, и они распорядились, в числе других опытных пьяниц, послать туда «с Покровки без грамоты (т. е. без грамоты о поставлении. *В. А.*) попа Колотила».[2]

---

[1] См. И. Забелин. Домашний быт русских царей, ч. II, М., 1915, стр. 686 и сл.; его же. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII ст., СПб., 1887, стр. 122—124.

[2] О безместных попах и поповской избе см. И. Забелин. История города Москвы, ч. I. М., 1905, стр. 630—634. В 1604 г. боярский сын Чортов так

Таким образом не выходя из рамок современного ему быта, автор «Калязинской челобитной» мастерски оформляет свой материал, создавая типичные образы, актуальность которых благодаря этой типизации надолго пережила породившую их эпоху: в течение всего XVIII в. «Калязинская челобитная» старательно переписывается и наконец в середине века доходит до лубочного издания.

Сличая «Калязинскую челобитную» с современными ей историческими документами, мы убедились, что характерная черта ее изложения — реализм. Форма, в какую облек автор свой сюжет, вполне соответствует его основному заданию — показать резкое расхождение между монастырской практикой его времени и уставом монастырской жизни. Пародия на челобитную жалобу создает требуемое впечатление контраста между назначением всякой челобитной — восстановить справедливость — и жалобами калязинских монахов на «лихого» архимандрита, наказывающего их за распущенность. Контрастирующий прием, избранный автором, для второй половины XVII в. следует признать удачным. К этому времени форму челобитной знали хорошо не только специалисты — приказные служащие. Трафарет челобитной встречается в рукописных азбуках конца XVII—XVIII вв. рядом со всевозможными образцами писем.[1] Таким образом схема челобитной уже была отделена от ее конкретного наполнения, и читателю нетрудно было схватить замысел автора.

Пародирование челобитных, доведенное до карикатурности, встречается в рукописях и помимо «Калязинской челобитной». Таковы две челобитные из сборника Буслаева (Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина) О. XVII. 57, первой четверти XVIII в. Судя по испорченности текста их, они списаны с более раннего оригинала, таким образом они по времени близки к «Калязинской челобитной».

---

писал о них патриарху Иову: «А садятся безместные попы и диаконы у Фроловского моста и стоят у Покрова богородицы, пред божественною литургиею правила не правят и безчинства чинят великия, межь себя бранятся и укоризны чинят скаредные и смехотворные, а иные межь себя играют и борются и кулачки бьются». Улица от этой церкви до Варварских ворот называлась в XVII в. Большой Покровской (И. Снегирев. Москва, т. I, М. 1865, стр. 178, 186).

[1] Примерная челобитная издана Н. Калачовым: Азбуки-прописи, Архив ист.-юрид. сведений, относящ. до России, М., 1859, отд. 3, стр. 13.

(Лл. 273—274 об.)

### Список с челобитной

Господину моему судье свинье бьет челом и плачетца и за печь прячетца. Ис поля вышел, из лесу выполз, из болота выбрел, а неведомо кто. Жалоба нам господам на такова же человека, каков ты сам. Ни ниже, ни выше, в твой же образ нос, на рожу сполс. Глаза нависли, во лбу звезда, борода у нево в три волоса широка и окладиста, кавтан...ной, пуговицы тверския, в три молота збиты. Господарь судья свинья, возми на колачи, а делом не волочи.

(Л. 287—288.)

### Челобитная

Господа бояря, судите, рядите в божию правду, в кресное целование. Дело у вас в месице саврасе, в серую суботу, в соловой четверк, в желтой пяток. День шел де я Сергунка в судне по подледью в зиме на свинье, сам стоял на петах, а .... вес в тороках, по четыре чяса на день, а руки держал за пазухою, а ногами правил, а головою в седле сидел. Как буду я де Сергунька против Симонова лицем, Воробьева задом, тут де мои недруги стоят, ниже меня ростом и глупея меня разумом, именем он долог. И тут де они меня били и грабили, однорятку сняли не тем цветом, чиреи наряднои Данилу Бархотичу, татоур вяземских лык. Возми на колачи, а делом не волочи, аминь хлопочи. Конец сей тетрати свершися аминь.

*

Эти шуточные пародии-челобитные, с одной стороны, несомненно, примыкают к деловому языку XVII в. — ср. начало первой челобитной с обычным обращением челобитчика: «бьет челом и плачется»,[1] и начало второй пародии с формулой допроса, повторяющейся в следственных делах XVII в.: «Уличаю, господине, их божьею правдою, целовав крест».[2] С другой стороны, вся манера этих двух пародий-челобитных целиком совпадает с теми скоморошьими небылицами, которые до сих пор бытуют

[1] Акты юридические. Изд. Археогр. комиссии, СПб., 1838, стр. 84 и др.

[2] Там же, стр. 47—49.

в устной традиции.[1] Здесь то же нагромождение невероятностей, как в наших пародиях; напр.: «руки держал за пазухою, а ногами правил, а головою в седле сидел» — ср. в «прибалутке»: «на босу ногу топор надевал, топорищем подпоясывался, кушаком дрова рубил» (стр. 508); или: «борода в три волоса широка и окладиста» — в «прибалутке» так описывает муж красоту своей жены: «жона была раскрасавица, из лохани брана, помелом наресована» и т. д. (там же). В пародиях, как и в небылицах-прибалутках, та же наклонность к рифмованной речи.

В отличие от «Калязинской челобитной», эти шутливые пародии-челобитные не имеют такого ясно выраженного сатирического духа: единственным выпадом по адресу судей можно в них считать заключительные слова — «возми на колачи, а делом не волочи». Они сближаются с «Калязинской челобитной» лишь своим литературным замыслом, свидетельствуя лишний раз о вкусе XVII в. к пародированию старых форм не только литературного в тесном смысле слова, но и делового языка. Роднит их с «Калязинской челобитной» и рифмованная речь. Следует отметить и то, что обе шуточные челобитные возникли, видимо, где-то или в Москве или вблизи нее, судя по упоминанию Симонова монастыря и Воробьевых гор, как и «Калязинская челобитная», знающая пьяного попа «с Покровки». Можно думать, что все три памятника создались в какой-то однородной среде с близкими литературными вкусами.[2]

«Калязинская челобитная», в отличие от обеих указанных челобитных-небылиц, выдержана в тоне серьезной пародии. Она с начала до конца повторяет трафарет челобитной, совершенно серьезно излагает жалобу монахов на «лихого» архимандрита и обстоятельно описывает все подробности его столкновений с братией, как это и надлежало бы в настоящей челобитной — жалобе. Пародирование начинается здесь с самого заглавия: «список с челобитной» либо «челобитная» — оба названия известны подлинным документам. В XVIII в. слово «список» заме-

---

[1] Н. Е. Ончуков. Северные сказки, СПб., 1908, стр. 46, 72—73, 143, 507, 508.

[2] Возможно, к той же старой традиции пародий на челобитные примыкает сохранившееся на Севере «челобитье птиц», где летоисчисление идет по старому — «во восьмой было тысяче», являются пристав и подьячий — см. С. Шейн, Великорусс в своих песнях, обрядах.., т. I, вып. I. СПб., 1898, стр. 285.

няется иногда более привычным для того времени названием «копия». Обращение — «Великому господину преосвященному Симеону архиепископу тверскому и кашенскому бьют челом богомольцы твои Калязина монастыря крылошане» — повторяет обычный тип обращений всех челобитных, независимо от титула лица, которому подается прошение, напр.: «Господину преосвященному Симону, архиепископу Вологоцкому и белозерскому Стефан Наумов челом бьет»[1] или — «... бьют челом богомольцы твои Богоявленского Островского монастыря казначей старец Иларион с братией...»[2] Формулу «Калязинской челобитной» — «жалоба государь, нам, богомолцем твоим, того же Колязина монастыря на архимандрита на Гавриила» — встречаем постоянно в челобитных XVII в., напр.: «Жалоба мне, государь, того же села Высока на Прокофьевых детей на Семена меньшова да на Федора» (Титов, стр. 44). В подлинных челобитных истцы духовного звания именуют себя «богомольцы твои», повторяя эти слова каждый раз, как им приходится говорить о себе (там же, стр. 16—18, 24, 37 и др.). Нанизывание фактов, на которые жалуются монахи в «Калязинской челобитной», производится при помощи переходных формул: «да он же архимандрит», «да по ево ж приказу», — ср. в челобитных «да он же», «да тот же» (там же, стр. 7, 14, 23). Окончание «Калязинской челобитной» — «господин, смилуйся» — вполне соответствует обычному заключению челобитных на царское имя: «Царь государь, смилуйся» (там же, стр. 5, 6, 10—14 и др.). В документах иногда указывается, кто писал их, напр.: «выпись писал ярославской площади подьячий Оська Федоров» (там же, стр. 155). Эта формула, облеченная в рифмованную речь, у автора «Калязинской челобитной» принимает шутливый оттенок, благодаря подбору имен писавших: «А подлинную челобитную писали и складывали Лука Мозгов да Антон Дроздов, Кирила Мельник, да Роман Бердник, да Фома Веретенник».[3] Отзвуки подлинных челобитных слышны не только в общей схеме нашего памятника, но иногда и отдельные выра-

---

[1] В. И. Срезневский. Отчет ОРЯС АН о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губ., июнь 1902 г., СПб., 1904. стр. 295.

[2] А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, в. IV, Серг. Посад. 1897, стр. 16.

[3] Бердник — болховской крестьянин, см. Н. Тупиков, Словарь древне-русских личных собственных имен, СПб., 1903, стр. 47. Фома Беренников — герой сказки, см. Афанасьев, II, стр. 386.

жения жалоб монахов повторяют язык документов. Утомленные строгостью Гавриила, напр., монахи жалуются, что он «старых пьяных всех разогнал, дошло до того, чуть и монастырь не запустел», и эта жалоба точно повторяет характерное выражение челобитных вообще, определяющее в них степень нанесенного вреда. В челобитной Богоявленского Островского монастыря игумена Авраамия с братией рассказ о «насильствах крестьян» над монастырским имуществом заключается теми же словами: «дошло до того, чуть и монастырь не запустел», и дальше — «чтоб от такова их насильства твое царское богомолье не запустело» (Титов, назв. соч., стр. 38).

«Калязинская челобитная» иронически обещает от лица монахов такой способ обогатить монастырь: «рожь да ячмень в солод изростим, овсяные брашки поставим, а на денги вина прикупим» — почти теми же словами изображается в челобитной, как игумен Ферапонтова монастыря тратит монастырскую казну: «из монастырского хлеба пива варят и вино курят и на монастырские казенные денги про них вино покупают безпрестанно» (Срезневский, назв. соч., стр. 297).

Но для автора «Калязинской челобитной» характерно не только хорошее знание современного ему делового языка. Он, как и авторы других сатир второй половины XVII в., все время сбивается на рифмованную прозу. Это не та виршевая манера, которую культивируют в это же время на верхах московского литературного мира: рифмованная речь «Калязинской челобитной» скорее ведет нас к остаткам скоморошьего языка, сохранившимся в устной традиции — в небылицах, в «скоморошьем ясаке» сказок, прибаутках, свадебных приговорах дружек и, наконец, в пословицах. С последними сближаются некоторые выражения «Калязинской челобитной» и текстуально, а не только рифмой. Так, жалуясь на скудную пищу, монахи говорят, что у них «репа да хрен, да черной чашник Ефрем» — как в пословице «Ефрем любит хрен» (Симони. Старинные сборники русских пословиц..., СПб., 1899, стр. 99, № 849); «крылоски люди живут небогато, нажитку не имеют, только у них плошки да лошки», рассказывает «Калязинская челобитная», вслед за пословицей: «Животы у старца толка плошка да лошка» (там же № 938); архимандрит Гавриил, по словам челобитной, «сам во нраве своем един живет да з горя сухой хлеб жует, мед весь перекис, а он воду пьет», ср. пословицу: «Разорение монастырю — квас густ, а игумен воду пьет» (там же

№ 620). Возможно, что поп «с Покровки» назван в челобитной «Колотило» не без воздействия пословицы — «Живи Колотило за рекою, а к нам ни ногою» (№ 1005). В том же пословичном стиле построен и еще ряд выражений в «Калязинской челобитной», как, напр.: «за плечами тело нужно, а под шелепами лежать душно», «за плечами кожа вертитца, от того и ночью не спитца», «честь нам у него была добра, во всю спину ровна» и т. д.

Вся челобитная написана просторечием, ничем не напоминающим обычный книжный литературный язык московской литературы второй половины XVII в. Этот язык, без славянизмов, живой и образный, с простым синтаксисом, роднит «Калязинскую челобитную» с группой памятников того же времени, объединенных, кроме стиля, и своим критическим отношением к разным сторонам тогдашнего быта и государственного строя, в том числе и к пьянству. Если в языке «Калязинской челобитной» и можно найти какую-либо профессиональную окраску, то это скорее всего отголоски языка деловых документов, которым должен был хорошо владеть автор. Возможно, что среди приказных служащих, откуда между прочим направлялись и надзиратели за монастырским хозяйством в некоторые монастыри, зародилась сатира, обнаруживающая близкое знакомство автора со всеми секретами монастырского быта. В частности, автор знает и подробности, касающиеся собственно Калязина монастыря, имена его архимандрита и современного ему архиепископа, даты их управления монастырем, помнит моровую язву 1654 г., памятную этому монастырю. Видимо, в этом монастыре он жил. Знает он и Москву. Может быть, он действительно был одним из таких надзирателей, вроде Стефана Наумова, жаловавшегося на порядки в Ферапонтовом монастыре. Но, несомненно, его сатира выходит далеко из рамок узко местных: картина пьянства, набросанная им по своим наблюдениям, оказалась такой яркой, что весь следующий век читает и переписывает «Калязинскую челобитную», не ощущая ее устарелой. Мало того — в середине века появляется ее лубочное издание.

Есть ли необходимость связывать это издание, как сделал Ровинский, с приказом Екатерины II, вызванным подготовкой отнятия у монастырей земель? Думаю, что нет. Правительство могло ожидать протеста против секуляризации только со стороны материально заинтересованного высшего духовенства. Между тем «Калязинская челобитная», изображающая пьянство мона-

стырской братии, совершенно не трогала образа жизни этих церковных феодалов, и в этом смысле вряд ли могла быть выгодна для Екатерины, как предварительное агитационное средство в пользу отнятия земель. Никаких данных, что запротестуют против него монастырские крестьяне, у правительства не было; им и под монастырской рукой жилось несладко, как показывают их жалобы на «насильства» со стороны этих хозяев и крестьянские волнения, охватившие и церковные вотчины. Точно также и городское население, которое, наравне с крестьянством, было главным потребителем лубочных изданий, было мало заинтересовано в предстоящей реформе, и Екатерина вряд ли стала бы заботиться о пропаганде своих идей по этому вопросу среди этих общественных слоев. Скорее всего можно предположить другое. Указы и запрещения касались в это время, главным образом, лубочных священных изображений, в которых было заинтересовано духовное ведомство. Листы же светского содержания, по наблюдениям Забелина,[1] «предоставлены были полнейшему произволу их сочинителей и свободно распространяли в народе свои остроумные шутовские, а иногда и очень цинические рисунки и тексты». Либо «Калязинская челобитная» прошла в числе таких бесцензурных изданий, либо ее издание совпало с тем временем, когда легкий налет либерализма первых лет царствования Екатерины II мог отразиться и на цензурных правилах. Памятник, не затрагивающий прямо церковную администрацию, мог и не вызвать никаких возражений со стороны цензурного начальства. Что же касается читателей XVIII века, то для них и тема «Калязинской челобитной», и ее живой образный язык сохранили всю свежесть: быт поддерживал те впечатления, какими она была вызвана в XVII в.

*ПРИЛОЖЕНИЕ*

*Список с челобитные какова подана вь рпе году Калязина манастыря от крылошан на архимандрита Гавриила вь его неисправном житии слово в слово преосвященному Симеону архиепископу Тверскому и Кашинскому.

Великому господину преосвященному архиепископу Симеону Тверскому и Кашинскому бьют челом богомольцы твои Колязина

[1] История города Москвы, т. I, изд. 2, М., 1905, стр. 642.

* Текст приготовлен к печати Н. П. Поповым и любезно предоставлен им в мое распоряжение, за что приношу ему глубокую признательность.

монастыря крылошаня черной дьякон Дамаско с товарыщами. Жалоба, государь, нам, богомольцам твоим, того же Колязина монастыря на архимарита Гавриила: живет он, архимарит, не гораздо, забыл страх божий и иноческое обещание и досаждает нам, богомольцам твоим. Научил он, архимарит, понамарей плутов в колокола не во время звонить и в доски колотить, и оне плуты понамари ис колокол меди много вызвонили и железные языки перебили и три доски исколотили, шесть колокол[1] розбили, в день и ночью нам, богомольцом твоим, покою нет.

Да он же архимарит приказал старцу Умору [2] в полночь з дубиною по кельям ходить, в двери колотить, нашу братью (л. 1 об.) будить, велит часто к церкве ходить. А мы, богомольцы твои, в то время круг ведра с пивом без порток в кельях сидим, около ведра ходя правило говорим, не успеть нам, богомольцам твоим, келейного правила исправить, из ведра пива испорознить, не то, что к церкве часто ходить и в книги говорить. А как он архимарит старца к нам присылает, и мы, богомольцы твои, то все покидаем, ис келей вон выбегаем.

Да он же архимарит монастырскую казну не бережет, ладану да свечь много прижог. А монастырские слуги, теша обычай архимаричей, на уголье сожгли четыре овина. И он архимарит во уголье ладан насыпает и по церкви иконы кадит, и тем он иконы запылил [3] и нам, богомольцам твоим, от то[го] очи выело, горло засадило.

Да он же архимарит приказал в воротах с шелепом стоять кривому старцу Фалелею, нас, богомольцев твоих, за ворота не пустить, и в слободу сходить не велит, и скотья двора присмотрить, чтоб телят в хлев загнать и кур в подполье посажает,[4] благословение коровнице подать.

(Л. 2) Да он же архимарит, приехав в Колязин, почал монастырской чин разорять, пьяных старых всех разганял, и чють он архимарит монастырь не запустошил, некому впредь [5] заводу заводить, чтоб пива наварить и медом насытить, и на достальные деньги вина прикупить и помянуть умерших старых пьяных. И про то, государь, разорение известно стало на Москве начал-

---

[1] калатовак Заб.

[2] Уару У; Иору Заб.

[3] *На полях другой рукой добавлено*: «и кадило закоптил».

[4] посажать Заб.

[5] *доб.* стала Заб., У.

ным людям, и скоро по всем монастырем и кружалом смотр учинили и после смотру лучших бражников сыскали, стараго подьячего Сулима,[1] да с Покровки без грамоты попа Колотилу, и в Колязин монастырь для образца их наскоро послали, и начальныя люди им приказали, чтобы они делом не плошалися,[2] а лучшия бы кавтаны с плечь сложили, а монастырского бы чину не теряли, а ремесла своего не скрывали, иных бы пить научали и нашу бы братью крылошан с любовию в монастырь к себе примали, и едину б мысль смышляли, как бы казне прибыль учинить, а себе в мошну не копить и рубашки б с себя пропить, потому что легче будет ходить. А если бы нам, богомольцам тво:м, власти не мешали и волю бы нам подали, и мы[3] колокола отвязали (л. 2 об.), да в Кашин на вино променяли: лутче бы спать не мешали.

Да он же архимарит проторно живет, в празник и в будень нашу братью кует. Да он же об нас батоги приламал и шелепы прирвал, и тем казне поруху[4] учинил, а себе он корысти не учинил.

Да в прошлом, государь, годе весна была красна, пенка росла толста. И мы, богомольцы твои, радев дому святому, меж собою присоветовали, что и[с][5] тое пенки свить веревки долги да толсты, чем ис погребов ночью бочки с пивом волочить, да по крылоским кельям возить, а у келей бы двери завалить, чтоб будильника не пустить, не мешали б нам пива пить, а к церкве б нам не ходить; а как мы пиво допьем, так и к церкве скоро пойдем. И он архимарит догадался, нашего челобитья[6] убоялся, приказал пенку в веревки свивать, да вчетверо загибать, да на короткие палки навязать, а велел их шелепами называть, а слугам приказал высоко подымать, а на нас [богомольцев твоих тежело опущать, а сам стоя конархает и нам],[7] богомольцам твоим, лежа и кричать не поспеть, потому что за плечми телу нужно, а под шелепами лежать душно. И мы, богомольцы твои, от тое его архимаритовы налоги поневоле в церковь ходим и по книгам

---

[1] певчего Селуяна Заб.
[2] плошали Заб., У.
[3] *доб.* б У.
[4] *в ркп.* поругуху.
[5] ис Заб., *здесь* и.
[6] *доб.* не Заб., У..
[7] *приписано на полях другой рукой*

чтем и поем. И за то он нам ясти не дает, а заутреню и обедню не едчи поем,[1] и от тое мы изморы (л. 3) скоро помрем.

Да он же архимарит великой пост вновь завел земныя поклоны, а в наших крылоских уставах того не написано. Написано сице: по утру рано за три часа до дни в чесноковик звонить, за старыми остатки часы говорить, а «блаженна» ведре[2] над вчерашним пивом на шесть ковшов «слава и ныне», до свету на печь спать.[3]

Да он же архимарит нам, богомольцам твоим, изгоню чинит: когда ясти прикажет, а на стол поставят репу пареную, да ретку вяленую, кисель з братом да посконная каша на вязовой лошке, шти мартовские, а в братины квас налевают, да на стол поставляют. А нам, богомольцам твоим, и так не сладко: ретка да хрен, да чашник старец Ефрем. По нашему слову ходил, лучши бы было для постных же дней вязига да икра, белая рыбица телное, да две паровые, тиошка б во штях, да ушка стерляжья, трои бы пироги да двои блины, одне бы с маслом, а другие с медом, пшонная бы каша да кисель с патокою, да пиво б подделное мартовское да переварной бы мед. И у него архимарита на то и смыслу нет, у нас знающих людей не спросится, сам во нраве своем один жи (л. 3 об.) вет, а з горя один хлеб жует, весь мед перекис, а сам воду пьет. И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что у нашего архимарита вдруг ума не стало: мыши с хлеба опухли, а мы с голоду мрем. И мы, богомольцы твои, архимариту говорили и добра доводили, и к пиву приводили и часто ему говорили: будет, архимарит, хочешь у нас в Колязине подоле побыть и с нами крылошаны в совете пожить, и себе большую честь получить, и ты б почаще пива варил,[4] да святую братию почаще поил, пореже бы в церковь ходил, а нас бы не томил. И он архимарит родом ростовец, а нравом поморец, умом колмогорец, на хлеб на соль каргополец, нас, богомольцев твоих, ни в чем не слушает, а сам не смыслит, мало с нами пьет, да долго нас бьет, а с похмелья нас оправливает метиолными комлями да ременными плетями, и та нам у него была честь ведра во всю спину ровна, и кожа с плечь сползла.

А коли мы, богомольцы твои, за правилом в вечеру утрудимся, до полуночи у пивнового ведора засидимся, и на утро встать не

[1] *в ркп.* тем, *исправлено по* Заб.
[2] в ведрах Заб.
[3] *в ркп.* стать.
[4] *в ркп.* варили.

можем, где клобук с мантиею не вспомним, и тогда мы немножко умедлим (л. 4) и к девятой песни поспеем, а иные к росходному началу. И он архимарит монашескому житию не навычен, крылоское правило и всенощное пиво ни во что вменяет, за то нас не смысля крепко смиряет. А Колязина обитель немалая: после мору осталося старых лет запасов по подлавечью в хлебне стулья да чепи, в мукосейне по спицам шелепы да плети да сита частыя, в караулне подлавки[1] снопы батогов, в кузнице по грядкам кандалы да замки. У нас, богомольцев твоих, от слез очи мятутся, а за плечами кожи вертятся, и ночью не спится. И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что он, архимарит, по се время в Колязине живет, а по нашему пить не учится, а нашу братью бить горазд. Не лучше ли ему плыть от нас на его место: у нас много будет охочих великого смыслу. И на пусте жить не станем, и в анбаре простору прибавим,[2] рожь да ячмень в солоды обростим, да пива наварим, брашки насидим, а чево не станет, и мы вина накупим, учнем крестьяны нарежать колокола отвязать, и велим в Кашин провозжать, да на вино (л. 4 об.) променять, а так они ж нам много зла учинили, от пива отлучили и нищими всех нарядили. А как мы архимандрита избудем и доброго добудем, которой горазд лежа вино да пиво пить, а к церкве бы пореже ходил и нас бы, богомольцев твоих, почаще на погреб посылал, учнем радеть, а ему, архимариту, добра хотеть, а монастырю прибыль чинить, вино в чарки наливать, да старое пиво допивать, а молодое затирать, и иное станем на дрожжи наливать, да тогда и к церкви пойдем, когда вино да пиво допьем, в колокола не будем звонить, а на погреб и без звону в полночь готовы ходить, ладану да свечь не будем жечь, пиво да вино и с лучиною пьем,[3] уголью и смети не будут, ризы да книги вынесем в сушило, церковь замкнем, а печать в лупки обогнем, пономарей вышлем в слободу жить, а прикажем им почаще ходить, да вино нам подносить, да велим им звонить с недели на неделю в год по одножды.

Милостивый великий господин преосвященный Семион архиепископ Тверской и Кашинский, пожалуй нас, богомольцев своих, вели, государь, архимарита счесть в колоколах (л. 5) да в чепях весом, что он ис колокол много меди иззвонил и с чепей много железа перебил, кладучи на нас, богомольцев твоих, а в уголье

[1] по подлавичью. У.
[2] *так* У, *в ркп.* прибадим.
[3] станем пить У.

мерою, колоты да доски числом, и в той утерной казне отчот дать и свой милостивой указ учинить, чтоб наши виновати не были, потому что ему архимариту безчестье немалое, а платить нам нечем, крылоские люди живут небогато, а нажитку у себя имеют только лошка да плошка. А буде ему архимариту впред мы надобны не будем, и мы, богомольцы твои, ударим об угол плошку да покладем в мешок лошки, да возмем в руки посошки, пойдем из монастыря по дорожке в ыной монастырь, где вино да пиво найдем, тут и жить начнем, пиво да вино допьем, и вь иной монастырь пойдем и поживем по разсмотрению с похмелья да с тоски [1] да с третьей брани [2] и великия кручины в Калязин монастырь зайдем погулять в житницах и в погребах и во всех монастырских службах в правду совершенно до смерти, буде есть у чего быть, по прежнему в Колязине монастыре жить неотходно начнем. Смилуйся, пожалуй.

---

[1] *так* У; *здесь* токии.

[2] бродни У.

## IV. ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

### 1

Изданная впервые в 1832 г.[1] повесть о ерше уже с «Очерка литературной истории старинных повестей и сказок русских» А. Пыпина вошла в научный оборот в качестве сатирического произведения, время происхождения и основная идея которого толковались, однако, различно.[2]

Большинство исследователей, введенных в заблуждение поддельным текстом И. Сахарова, терминология которого явно

---

[1] Изд.: Моск. Телеграф, 1832, № 18, стр. 291—293; И. Сахаров. Русские народные сказки, СПб., 1841, стр. 154; Пермский сборник повременных изданий, кн. I, М., 1859, отд. II, стр. 125—126; А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, изд. 3, т. I, М., 1897, стр. 56—63; Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. I, СПб., 1881, стр. 402—405; В. И. Срезневский, Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение библиотеки Академии Наук в 1902 г. Изв. АН, 1903, т. XIX, стр. 103—106; И. А. Шляпкин. Сказка о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове. ЖМНП., 1904, авг., стр. 396—400.; В. Н. Перетц. Из истории старинной русской повести. Унив. Изв., Киев, 1907, № 9, стр. 84—87; Тяжба и суд ерша с лещем, СПб., 1789. Устные вар.: Н. Е. Ончуков. Северные сказки, СПб., 1908, стр. 2; А. М. Смирнов. Великорусские сказки Архива Русского Географического общества, т. II, П., 1917, стр. 165—166, 352—353, т. II, стр. 618, 749—750.

[2] А. Пыпин. Очерк..., СПб., 1857, стр. 299—300; И. М. Снегирев. Лубочные картинки русского народа в московском мире, М., 1681, стр. 59—56; Ф. Буслаев. Лекции по истории русской литературы. Летоп. русск. лит. и древн., т. III, ч. I, М., 1861, стр. 65; А. Н. Веселовский. История русской словесности А. Галахова, т. I, изд. 2, СПб., 1880, стр. 508—511; Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. IV, СПб., 1881, стр. 271—280; кн. V, стр. 148, 151—154; Арх. Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. IV, М., 1894; А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. I, изд. 3, М., 1897, стр. 62; И. Шляпкин. Сказка о Ерше... ЖМНП, 1904, август, стр. 380—396; Ф. Сушицкий. Из литературы эпохи Петра Великого. Повесть о Ерше и челобитная царю Петру Алексеевичу. Филол. Записки, 1913, IV, стр. 534—646; С. Савченко. Русская народная сказка, Киев, 1914, стр. 104; Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть, М. и П., 1923, стр. 69.

выправлена по Судебнику Грозного, склонны были относить повесть о ерше к XVI в., А. Пыпин (в «Очерке») осторожно датировал ее «XVI—XVII в.», и только И. А. Шляпкин подробно мотивирует свое мнение, что повесть возникла после Уложения Алексея Михайловича: ее стилистика возводится Шляпкиным непосредственно к Уложению, а отдельные архаизмы считаются вставками переписчиков.

Осталась невыясненной до сих пор и идейная направленность повести о ерше. Ее сатирический характер признавали все, но для Пыпина, например, это была «чисто литературная сатира... на старинное делопроизводство», для Снегирева «образ древнего судопроизводства на Руси и соблюдения судебных обычаев и формул»; Д. Ровинский, называя повесть «забавной пародией на древнее судопроизводство», уже подчеркивает направленность ее против взяточничества судей; А. Н. Афанасьев характеризовал повесть как сатиру на «старинное сутяжничество и ябедническую изворотливость». Начиная с Снегирева, был поставлен вопрос об отражении в повести о ерше определенных исторических фактов. Для Снегирева — повесть берет начало «в политических отношениях Ростова к Москве, которая некогда скупала его по частям»; с Ф. Буслаева повторяется мнение, что автор повести помнил «о тяжбе за Ростовское озеро князей Ростовских с потомками Петра Ордынского»; И. Шляпкин, признавая роль этих воспоминаний в процессе сложения повести, переносит центр тяжести в иную плоскость. По его мнению, повесть обличает не суд — «судопроизводство в старшем изводе, пишет он, ведется правильно, берет посул лишь пристав, и в конце концов правда торжествует: ершу выносится обвинительный приговор», — «сюжет повести связан с теми тяжбами, которые возникли после смуты, когда права на владение являются наиболее спорными в виду потери старых памятей, и когда процветают разбои». Она осуждает «нахального бродягу, насильно завладевшего чужой землей» (стр. 393). Оригинально и мнение Шляпкина о том, что в основе повести лежат «наблюдения над жизнью рыб, произведенные где-то на северо-востоке России, в области Кубенского и Ростовского озера».

Как видно из этого краткого обзора, относительно происхождения повести о ерше все неясно: XVI или XVII столетия этот памятник, осуждает он или нет судебные порядки Московской Руси, какие политические события нашли себе в нем отражение.

Ни в какой мере нельзя считать удовлетворительными и краткие замечания об истории текста повести. И. А. Шляпкин лишь начерно разбил все тексты повести на две группы, назвав их редакциями, — «судное дело» и «сказание о тяжбе». При ближайшем рассмотрении эта характеристика не оправдывается: так называемое «судное дело» дает три совершенно различных и стилистически и композиционно и отчастии деологически редакции, причем к одной из них примыкает «сказание о тяжбе».

Все сказанное дает мне право пересмотреть заново все вопросы, касающиеся как происхождения повести о ерше, так и ее истории в читательской среде.

## 2

Известные мне 21 рукописный текст повести и 5 записей устной сказки о ерше могут быть распределены по таким группам-редакциям.

### Группа первая

1) Сп. Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина (собр. Буслаева) 0. XVII. 57, петровского времени: «Список судънаго дела, как тягался лещь с ершем о ростовском озере и о реках». Нач.: «Суд судил большеи боярин и воевода осетр» (изд. И. А. Шляпкин, ЖМНП, 1904, август, стр. 396—399).[1] (Б).

2) Сп. Гос. Историч. музея, собр. Забелина № 536/855 (л. 57—60 об.), XVIII в. «Сказание и описание о ерше и о леще, как у них была поперечина про Ростовское озеро». Нач.: «Был муш израильтянин Ростовского озера по имени ерш щетинник и ябедник». (З).[1]

3) Там же, л. 61—62 об. «Ещо повесть вторая о ерше». Нач.: «Бился плакался ершишка из Волги реки» — свободный пересказ, по-новому комбинирующий отдельные отрывки повести первой редакции. Приближаясь местами к сказочным вариантам, этот список все же сохраняет схему старшей редакции.

4) Сп. Забелина № 67 (по терминологии А. Пыпина, Очерк, стр. 300), XVIII в. «Список с суднаго дела слово в слово как был

---

[1] В той же рукописи под заглавие повести о ерше стилизовано заглавие басни о больном льве и лисице: «список суднаго дела, как тягался волк с лисицей».В соответствии с повестью, в басне за лисицей (л. 283) посылают «пристава косова заеца», которому лисица дает «откуп велик».

суд у леща с ершем». Нач.: «Рыбам господам великому осетру и белуге и белой рыбице бьет челом» (изд. А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, изд. 3, М., 1897, т. I, стр. 61—62) ($З^2$).

5) Сп. Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина Q. XV. 35, конца XVII в., очень ветхий, большая часть текста оборвана. Сохранившиеся отрывки показывают, что текст почти дословно совпадает с сп. $З^1$, дополняя его там, где в последнем пропущен листок — о свидетелях сиге и ладоге. В этой части сп. Q .XV. 35 идет за сп. Б, повторяя и важную деталь его: «немецкой области река Нарова, Ивангород». От заглавия сохранились лишь следующие слова: «Суд ростовс... боярской лещь... ерша с товары... пишется...» Нач.: «Великим господам великому о[сетру] и белуге и белой рыбице бьет челом» (Д).

6) Сп. Ляликова, изд. Моск. Телеграф, 1832, № 18, стр. 291—293. Издатель ошибочно относит свою рукопись к XVII в., между тем форма текста в ней ясно указывает на время не раньше 5 ноября 1723 г., когда указом Петра I было предписано составлять челобитные и донесения по пунктам. Текст повести о ерше начинается с пункта 12: «12. И судьи спрашали исца леща с товарыщи: ты, лещ, на ково шлесься в том, что то Ростовское озеро ваша, а не ершово с товарыщи». Текст кратко пересказывает первую редакцию и кончается, как старший тип ее, обвинительным приговором.

7) Сп. Библ. им. Ленина № 1194 (собр. Лукашевича № 46), 1720-х гг. «Список с судного дела как тягался лещ с ершем о ростовском озере и о реках». Нач.: «И подал лещ челобитную, а в челобитной ево пишет: Господам моим новгородским судьям великому осетру и белуге и белой рыбице бьет челом» (изд. В. Н. Перетц. Из истории старинной русской повести, Унив. изв., Киев, 1907, № 9, стр. 84—87) (Л.).

8) Сп. Гос. Историч. музея, собр. Вахрамеева № 704, XVIII в. «Повесть о ерше с лещем». Нач.: «Был суд у ерша с лещем о ростовском озере и о реках» (В).

9) Сп. Библиотеки Академии Наук СССР 19. 2. 38, второй пол. XVIII в., лл. 126—128. «Список суднаго дела, слово в слово, как был суд у леща с ершем». Нач.: «Рыбам господам великим осетру и белуге».

10) Лубочный текст (примыкает по составу к сп. Л): «Повесть о ерше ершове сыне щетинникове». Нач.: «Пришел лещ, на

ерша подал челобитну, а в челобитнои пишет тако: Господам моим от рыб великому осетру и белуге и белои рыбице бьет челом» (изд. Д. Ровинский. Русский народные картинки, кн. I, СПб., 1881, стр. 402—405) (Р).

## Группа вторая

1) Сп. Гос. Историч. музея, собр. Уварова, № 1926 (135), нач. XVIII в., без конца. «В море перед большими рыбами сказание о ерше и о ершове сыне о щетине о ябеднике о воре о разбойнике о лихом человеке, как с ним тягались рыбы лещ да головель.» Нач.: «Бысть в некотором граде Ростовского уезда суд судил боярин осетр» (изд. с ошибками отрывок И. Сахаровым. Русские народные сказки, СПб., 1841, стр. 154) (У).

2) Сп. собрания В. Н. Перетца 0.98, конца XVIII в., без начала и конца, с оборванными листами. Первые слова: «Ерша Ершова сына щетину на ябедника вора, разбойника, на лихую образину, на раковыя глаза, на вострыя щетины». Очень близок к сп. У (П).

3) Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 17, второй пол. XVIII в. (до 1768 г.): «Список с челобитной кресьян Ростовского озера леща да головля да плотицы с товарищи писана сице». Нач.: «Великому государю рыбе киту всего великаго и черного моря и студенаго си есть севернаго и хвалынскаго и гнилого морей». Распространенный вариант 2-й редакции (Я).

4. Сп. Гос. Историч. музея, собр. Барсова № 2407, XIX в., небольшой отрывок.

## Группа третья

1) Сп. Гос. Историч. музея, собр. Забелина № 546, XVIII в. «Гистория о ерше и о протчих рыбах, в сей истории означенных». Нач.: «Лета а̃ з̃ сл̃д го месяца июня 15 дня [случи]лось в болшем озере ростовском съежалися судии всех земель и всех градов». (З[3]).

2) Сп. Гос. Публ. Библ. им. Салтыкова-Щедрина Q. XVII. 37, нач. XVIII в., без заглавия, небольшой отрывок нач.: «... сентября в г̃ день ... в большом озере ростовском съежжалися судии всех земель и всех градов». (О).

## Группа четвертая

1) Сп. Библиотеки Академии Наук СССР 45. 8.137 (Автономовский сборник), кон. XVIII в., лл. 2—10. «Повесть о ерше». Нач.: «Ехал ершишко на осиновых дровнишках, и прошался ершишко в славное Ростовское озерышко» (изд. В. И. Срезневский. Сведения о рукописях, печ. изданиях, поступивших в рукоп. отд. Библ. АН в 1902 г., СПб., 1903, стр. 103—106).(А).

2) Неизвестная рукопись, нач.: «1729 года месяца сентября 16 числа. Зародился ершишко плутишко, худая головишка, шиловатый хвост» (изд. А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, т. I, стр. 58—61) (С).

3) Неизвестная рукопись, нач.: «Ершишко кропачишко, ершишко пагубнишко, склался на дровнишки» (изд. Афанасьев, там же, стр. 56—57) ($C^1$).

4) Сп. Библиотеки Академии Наук СССР № 45. 8. 216, второй пол. XVIII в., лл. 76—79 об. Без заглавия, нач.: «В лето осморичныя тысящы сто тритцать пятаго году сентября в 9 де». Конца недостает, обрывается среди рассказа сома. Последние слова: «в три палки бить, а он вор, ябедник учал».

5) Устные варианты изд. А. Н. Афанасьев, назв. соч., стр. 57—58; Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, стр. 2; А. Смирнов. Сборник великорусских сказок Архива Русского Географического общества, т. I, стр. 165—166, 352—353, т. II, стр. 718.

Все эти редакции, при общей основе, настолько серьезно разнятся между собой, что не могут быть представлены в виде вариантов к одному какому-либо тексту. Их приходится рассматривать как самостоятельные моменты в жизни одного и того же по существу памятника.

Древнейший тип повести следует искать в первой и частично во второй редакциях. Полностью он не покрывается ни одним из сохранившихся списков, отдельные чтения второй редакции, возможно, корректируют изменившиеся при переписке в текстах первой редакции черты протографа, но все же есть основание, по которому мы имеем право из всех разновидностей повести о ерше считать наиболее близкой к авторскому тексту именно первую редакцию. Для древнейшего типа повести характерна сохранившаяся наиболее четко в первой редакции близость ее схемы к «правым грамотам» и «судным спискам», излагавшим

тяжбы из-за насильственного захвата одной стороной чьей-нибудь земли. Самый сюжет повести определил эту схему, неотделимую от авторского замысла. В основном она сохраняется во всех трех редакциях «судного дела», но первая редакция дает оформление, особенно близкое к приказному языку.

Схема старшей редакции такова. Новгородским судьям — осетру, белуге и белой рыбице — бьет челом «кормовой сынчишко боярской лещишко с товарищи», который жалуется на ерша, насильно отнявшего у них Ростовское озеро. Ерш в ответе называет Ростовское озеро «вотчиной» своих дедов и отцов, леща именует «крестьянином», жившим у него на дне озера. Он ссылается на свою добрую славу на Москве, где все знатные люди покупают его «дорогою ценою», варят уху и опохмеляются им. Лещ шлется на двух свидетелей — сига из Волхова и ладогу из Нарвы «в немецкой области под Ивангородом». Ерш отводит этих свидетелей как «соплеменников» леща. Тот шлется на сельдь переславскую. Ерш отводит и этого свидетеля, но за ним все же посылают пристава-окуня (возможно, что в авторском тексте не было последнего отвода, иначе непонятно, почему во всех текстах сельдь именуется «общая правда», т. е. свидетель обеих сторон. Отголоском этого первоначального чтения, возможно, является среди текстов первой редакции лубочный текст, где ерш признает сельдь и своим свидетелем). Пристав-окунь приглашает в понятые мня, но тот «посулами великими» освобождается, и в понятые берут головля (иногда и язя). Они приводят «общую правду», сельдь переславскую, которая подтверждает показание леща. За ней обвиняет ерша осетр, который рассказывает, как ерш обманом не пустил его «жировать» в Ростовское озеро, а позже обманом же заманил в невод. Судьи обвиняют ерша и приговаривают «казнить ево торговой казнью, против солнца повесить в жаркие дни за ево воровство и ябедничество». Этим приговором, видимо, заканчивался текст в его первоначальном виде.

Но уже часть текстов первой редакции либо заменяет этот конец новым — ерш, выслушав приговор судей, обвиняет их — «судили не по правде, судили по мзде» и, вильнув хвостом, уходит в хворост, — либо писец приписывает к старому окончанию это новое. Замена прежнего исхода благополучным для ерша выдает иное к нему отношение некоторых читателей. Ловкий ерш, заманивающий осетра в невод, смело отвечающий судьям, отводящий всех свидетелей, был расценен не только как достойный

порицания «вор, обманщик и ябедник», но он понравился именно своей смелостью, как в то же приблизительно время привлек сочувствие читателей Фрол Скобеев, обманом похитивший дочь стольника. Отдельные переписчики не удовольствовались заменой старого окончания повести благополучным для ерша исходом. Сочувствие к нему проглядывает и там, где ерш по-новому мотивирует отвод свидетелей. Вместо обычной ссылки на то, что свидетели леща «пьют и едят с ним вместе, да сверх того соплемянились», в списке З [1] ерш в своем отводе противопоставляет себя «маломочного» — сигу, ладоге и лещу— «людям великим, богатым, животами прожиточным», которые хотят его «испродать напрасно». Неприязнь к тем же «людям великим» побуждает писца этой рукописи сравнить невод с боярским двором с помощью пословицы «боярской двор — итти ворота широки, а вытти узки». Вероятно, этим же настроением объясняется то, что взамен обычного в новом конце повести выражения «ерш вильнул хвостом» — здесь переписчик дает более сильное — «плюнул судьям в глаза».

Во всех рукописных текстах первой редакции мы видим одно и то же распределение действующих лиц по классам: судьи, красные рыбы — бояре и воеводы, лещ — «сынчишко боярской». Неясно лишь, кто такой по своему социальному происхождению ерш: сам он склонен считать себя выше леща, иногда даже объявляет его своим крестьянином, хвалится своей широкой известностью в Москве. Свидетели же обычно говорят, что ерш жил у леща «в соседех», а о московских его знакомствах отзываются с пренебрежением — знает его там лишь одна беднота.

Итак, повесть в первой редакции рисует тяжбу «боярского сынчишки лещишки» с ершем, его соседом, который насильственно завладел вотчиной леща.

Во второй редакции, текст которой сохранился лишь частично, ситуация меняется: другая группа читателей, выдвигающая на первый план мысль о несправедливости тяжбы, делает леща «крестьянином ростовского уезду», а его обидчика ерша выводит из рода «детишек боярских мелких бояр». Ерш объявляет, что лещ да головль были у отца его «в холопах» и после смерти отца отпущены на волю «на помин души». Челобитные леща и ерша сохраняют из старой повести лишь самую основу — лещ бьет челом на насилие, а ерш отстаивает свои исконные права на Ростовское озеро. Но содержание жалобы и ответа состоит из

совершенно новых подробностей, не известных первой редакции. Изменено все, начиная с состава суда и его места: вместо новгородских судей — здесь суд «в некотором граде Ростовского уезду», кроме обычного «боярина осетра», заседают «воевода сом Хвалынского моря», «судные мужики судаки», «щука трепетуха». Жалоба леща подробно описывает, как ерш «пришел из Волги реки из Ветлуска поместья ис Козмодемьянского уезду Вырскою рекою»; чрезвычайно наглядно рисуется, как голодный, замерзший, грязный ерш в зимнюю пору просится переночевать у крестьянина, обогреться и покормиться со всей своей семьей, затем остается в Ростовском озере, выдает дочь свою замуж за «вандышина расплевина сына», вместе со своим племенем выживает вон лещей. Ерш, отвечая судьям, отвергает все обвинения и обещает «искать бесчестия болшого». Ростовское озеро исстари принадлежало его роду, боярским детям мелких бояр; лещ и головль — истцы — его отпущенные на волю холопы, остались жить за ним, а частью их племя до сих пор у него «в холопах»; в голодное лето они сами «сволоклись» на Волгу реку, теперь хотят его «испродать напрасно». Затем повторяется, как в первой редакции, ссылка на то, что ерш добрый человек, живет своей силой, а не чужой, что его все знают, покупают и «кушают чесно и с похмелья животы оправливают». Согласно старшей редакции, называются свидетели, но ерш, отводя их, выдвигает новый довод: «езды ему платить нечим, а путь дальней». Судьи приговаривают свидетелей привести, «а езд взять на виноватом». Свидетели по-новому рассказывают о насилиях ерша, который «что змий ис куста кусает» и, «выходя на устье, обмановает большую рыбу в невод, а сам выверитца» — это явное сокращение рассказа осетра о том, как ерш обманом заманил его в невод. Свидетели опровергают, что ерш — боярский сын, с насмешкой говорят, как и в первой редакции, о его известности в Москве. Рассказом о том, как ершей купят, «половину размечут, а другую расплюют, а достол выльют под ноги да есть собакам» — кончается список У, а другой список той же редакции (П) обрывается еще раньше, на речи мня, который отказывается итти понятым. Предположительно можно восстановить конец второй редакции по списку Гос. Публ. библ. Q. XVII. 17, дающему распространенную переделку именно этой редакции. Ерш в допросе показывает здесь, что «грамоты» на владение Ростовским озером унесло у него «вешней половой водой» (ср. в сп. Заб.

546, третьей редакции — грамоты сгорели, «когда озеро горело»). В основном последняя часть повести, насколько о ней можно судить по этому распространенному тексту, идет за первой редакцией, не давая таких резких отступлений от нее, как первая часть. Даже конец повести следует за тем типом ее, в котором ерш убегал от наказания.

Во второй редакции борьба между лещем и ершем представляется читателю, как борьба младших с сильными старшими: крестьяне жалуются на боярского сына, а не наоборот, как было в первой редакции. Эту мысль особенно подчеркнул распространитель этой редакции (сп. Q. XVII. 17). Он не раз с осуждением говорит о «сильных», «толстосумах», разумея под ними не одного ерша: самого ерша он заставляет так высмеять поддавшегося на обман сома: «я завел тебя в невод, пусть-де бы меня ерша и другие толстосумы ваша братия в том знали, и при мне бы хвастать и заплескиваться ни в чем не дерзали. Понеже вы люди глупыя и неразсудныя, только де вы надеетесь на свою спесь и богатство, а нас малых людей во всем уничтожаете, и нас умных людей за дураков исчисляете, и ни во что вменяете, того ради вы от своей спеси и глупаго высокоумия и погибаете». В заключении повести в этом списке толстосумы уподобляются обидчику-ершу: «Аще кто сей суд ершев поволит читати, токгда ясно может обиду кресьян ростовских леща с товарищи от ерша и раззорение познати, а ево ершевы ябеды разсуждати, а себе от того воздержати, и в ево ябеды (опасаяся шуих случаев) не вступатися, понеже что он ерш был лукав и речист, и на увертки ловнив, и во ответех скор и смышлен, и на все готовыя в суде ответы имел, а по делу и по ясным свидетельством весма по суду обвинен и бит кнутом по всем омутом нещадно, а обижденныя от него прославились и над ним вознеслися и честны явились. Так же и нынешния ябедники в обидах и тяжбах ерша подражают и погибель другим и пагубу учинити смышляют, а сами скоряя погибают. И тая ж яко же и ерш возмездия принимая страждут, ров другим честным и достойным так же и своей братии умышленно изрывает, а первее сам в него и попадает». Из этой концовки ясно, что повесть в данном ее оформлении была воспринята, с одной стороны, как сатира, направленная на защиту крестьян, обиженных боярским сыном — ябедником, с другой стороны, редактор ее отчетливо выразил протест против «толстосумов», которые «ни во что вменяют» «малых людей». Увлекшись этой

обличительной тенденцией, он даже не заметил, что так резко осужденный им ерш-ябедник выступает в роли обличителя «толстосума» сома.

Вторая редакция, переработавшая старый текст в сторону усиления в нем обличительной тенденции и сохранившаяся в списке начала XVIII в. уже в сильно испорченном и неполном виде, возникла, видимо, раньше, когда старые судебные порядки были еще в полной силе, не замененные новой процедурой суда, введенной петровской реформой. Судя по географическим именам, эта редакция создалась где-то на Волге, в районе Ветлуги и ее притоков. Распространенный ее список (Q. XVII. 17), как видно из записи, идущий из Якутска, в своем тексте отразил сибирские воспоминания: здесь есть и «студеное си есть северное море», и среди свидетелей «язь обский», и подробное описание того, как беднота питается дешевой рыбой, заготовляет ее на зиму, как эта рыба гниет и «велик смрад в народ пускает» — все эти детали живо напоминают картину заготовки на севере так называемой квашеной рыбы.

При всех, весьма значительных, по сравнению с первой редакцией, изменениях, вторая редакция сохраняет прежнее изложение порядка судопроизводства. Третья редакция не только стилистически иначе излагает тяжбу, но меняет и самый порядок судоговорения. Рассказ начинается с поручения понятым с приставом «дать ерша на крепкую поруку». Обычная отговорка мня, не желающего итти понятым, снабжена выпадом против дворян: «рыба я крестьянин, с ершем заедатся не хочу, возмите харьюся», он «з дворяны говорить горазд». В «господском дому» находят ерша и приводят в суд. Здесь лещ выступает со своей челобитной, содержание которой ближе ко второй редакции, хотя и не имеет географических ее имен. В дальнейшем допросе ерша выступает совершенно новый момент: на вопрос, «почему ты владееш озером Ростовским», он ссылается на «купчую, закладную и платежницы», «что я на Москве государю дань плачю». «Кажи ерш пути, и мы тебе по путям озеро отведем». Ерш отвечает, что «пути» спрятаны в Переславском озере, и предлагает вызвать свидетелем с его стороны сельдь переславскую — ситуация совершенно новая. Следует опять новая сцена — допрос сельди, которая отвечает, что и путей у нее нет, и ерша она впервые видит. Ерш отвечает бранью и заявляет, что пути сгорели, когда озеро сгорело. Конец этой сцены двусмысленный: на вопрос судей

сельди — «Скажи ты, сельдя, тако», — она отвечает уклончиво: «Слышали и вы, государевы судии, когда езеро горело, но и пути сгорели». Как будто убежденные этим, судьи говорят ершу: «Исполать тебе, ерш», а затем снова обращаются к лещу за уликами. Тот называет нового свидетеля — осетра волховского (в первой редакции осетр — судья, рассказывающий на суде о своей обиде). Несмотря на отвод со стороны ерша, приводят осетра, и тот повторяет перед судом обычный рассказ о том, как ерш обманом не пустил его в Ростовское озеро жировать. Опять появляется новый момент: судьи предлагают тяжущимся мириться. Ерш отказывается, а лещ называет свидетеля сома. Ерш отводит его, но сом, вызванный на суд, повторяет рассказ, в старшей редакции относящийся также к осетру, о том, как ерш заманил его в невод. За этим следует приговор: ерша обвинили, кнутом и батогами стегали, из Ростовского озера выжили вон «с родом и племенем».

Эта редакция, как видим, существенно отличающаяся по составу от двух предыдущих, интересна тем, что она через посредствующие рукописные тексты связывается с устными пересказами. Эти посредствующие тексты, представленные Автономовским сборником и текстом 1729 г., изд. Афанасьевым, резко отличающиеся стилистически, ведут рассказ по схеме третьей редакции: ерш просится переночевать у «рыб» Ростовского озера, затем остается, плодится, выгоняет всех рыб. Они подают челобитную. Секретарь суда осетр вспоминает, тот ли это ерш, который когда-то его «брата в невод завел». Посылают искать ерша. После долгих поисков его приводят в суд. В оправдательной речи ерш прежде всего подробно описывает свою встречу с осетром на Волге, изображая осетра наказанным за похвальбу: «русский бог похвалнова слова не любит», за то осетр и в невод попал. Отстаивая свои права, ерш повторяет, как в третьей редакции, рассказ о том, что грамоты и крепости у него сгорели, когда горело четыре года Ростовское озеро. Судьи велели ершу «итти на прежнее жилище, на свое пепелище, где было дворище». К этому концу добавлена та рифмованная прибаутка, бытующая и отдельно, где рассказывается, как ловили ерша («Пришол Перша» и т. д.). Связь этого варианта повести с третьей редакцией несомненна, но своеобразная переработка схемы этой редакции и совершенно иное стилистическое оформление позволяют выделить данные тексты в самостоятельную четвертую редакцию.

Уже в Автономовском сборнике конца XVIII в. тексты этой четвертой редакции обнаруживают тенденцию к переходу повести в рассказ прибауточного типа, который окончательно формируется в устных пересказах. Рифмованная манера видна с самого начала повести: «Ехал ершишко на осиновых дровнишках и прошался ершишко в славное Ростовское озерышко». Как и устная сказка, этот вариант знает приемы эпического повторения, утраивая ряд эпизодов («первые рыбы говорят... вторые рыбы говорят... третьи рыбы говорят...» трижды елец-стрелец допрашивает рыб, где искать ерша), всегда одними и теми же словами излагаются сходные эпизоды — допросные речи, советы рыб. В этих рукописных вариантах намечен переход повести о ерше в комическую сказку, какой она окончательно становится в устных пересказах.

В устах отдельных рассказчиков повесть о ерше целиком обращается в рифмованную прибаутку. Таков, например, вариант, записанный в б. Вологодской губ. (Смирнов, I, стр. 165—166). Он весь выдержан в стиле «скоморошьего ясака»: «В Белом море жив-быв рыба кит, рыбий царь и государь. Все водяные дела знает и рыбьи ссоры разбирает. С общего совета весь рыбий народ задумал сделать на ерша поход» и т. д.

Совсем особо от перечисленных редакций повести о ерше стоит рифмованная повестушка, имеющаяся уже в рукописных текстах с начала XVIII в. В кратком виде она присоединена к повести в Автономовском сборнике, отдельно же, как особое повествование о ерше, находится в списках Забелина № 536/855 и Вахрамеева № 704, и в устных пересказах. Эта повестушка продолжает рассказ, начиная с того момента, когда ерш, недовольный приговором, уходит в хворост. Она изображает поиски ерша, и вся построена на игре собственных имен с созвучными им словами, подобранными в рифму. Концовка этой повестушки в сп. Вахрамеева № 704 примыкает к скоморошьим прибауткам и повторяет окончание повести о куре и лисице и юмористической челобитной в списке Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина Q. XVII. 57: «А сия повесть писана в серую суботу, в рябой четверк, в соловую пятницу, канун Серпуховского заговенья. Ершу слава и попу Демиду коровай сала да братина пива, а прочитальщику чарка вина, а слушалщикам бадья меду».

Подбор имен в отдельных рукописных и устных вариантах изменяется, но самый принцип построения на игре слов сохраняется. Самая повестушка либо рассказывается отдельно, либо идет как продолжение основной повести о ерше.

3

Краткая характеристика редакций повести о ерше и отдельных ее списков показывает, что часть читателей уже с XVII в. делала акцент на тех местах повести, которые могли быть истолкованы как изображение борьбы слабых, угнетенных — в данном случае тяглых сословий — с сильными — привилегированными землевладельцами — боярскими детьми; другие читатели — в образе ерша «вора, разбойника, ябедника» отметили ловкость, смелость, независимость в обращении с судьями-боярами и подчеркнули положительную оценку этих качеств тем, что дали ершу возможность уйти от обвинительного приговора. Какие же стороны сюжета выдвигал на первый план авторский замысел, кого задевала сатира в старшей ее редакции?

Как мы видели выше, в старшей редакции истец — боярский сын, ответчик — не имеет ясной социальной окраски. Не то он — сосед леща — такой же боярский сын, не то — деклассированный «гулящий», каких немало было в XVII в. в Московской Руси. Среди них были и посадские и крестьяне, уходившие от тягла, были и беглые холопы, побывавшие иногда на военной службе, смелые и предприимчивые, были, возможно, и разорившиеся помещики. Повесть изображает захват чужой земли. Почва для таких земельных тяжб в XVII в. была в запутанных земельных отношениях, когда после войны оказалось много брошенных земель, с одной стороны, с другой — многие владельцы потеряли свои документы на право владения. Тяжбы относительно таких захватов пустых мест или споры за право владения, которого нельзя было доказать грамотами, тянутся через весь XVII в. Их вели между собой все, кто только владел в московском государстве землей: помещики захватывали дворцовые земли, из-за границ спорили монастырские и дворцовые вотчины, посадские люди тягались с пришлыми за захваченные последними пустые дворовые места, крестьяне постоянно жаловались на помещиков, крупных вотчинников и монастыри, которые отнимали у них земли. Но что же именно подало ближайший повод автору повести о ерше изобразить суд над ним?

Вряд ли особо действенную силу могли в этом случае иметь отдаленные воспоминания о тяжбе за Ростовское озеро Ростовских князей с наследниками Петра Ордынского. Подбор собственных имен и названий рыб в первоначальном тексте повести заставляет нас искать ее корни не в Ростовской области, а скорее в Новгороде или даже Москве. Все лучшие тексты первой редакции, а за ними и часть списков второй, сохранивших черты оригинала, повторяют неизменно следующие собственные имена: Ростовское озеро, откуда родом не только главный герой — лещ, но и судьи — линь и щука; Переславское озеро — родина главной свидетельницы — сельди; река Волхов, где живет сиг, и наконец река Нарва «в немецкой области под Иваном городом», где водится ладога. Все эти географические имена ведут нас, кроме Переславля (Залесского), к Новгородской области, подсудной новгородскому судному приказу. Отсюда, видимо, в оригинале повести о ерше — судят новгородские судьи — боярин и окольничей, т. е. как раз те лица, которые разбирали разного рода земельные тяжбы. Все рыбы, выведенные и в качестве тяжущихся, и в роли свидетелей, это рыбы из тех местностей, откуда поставлялась рыба в царский дворец. Часть мест, названных здесь, имела свои дворцовые рыбные слободы, другие известны были управлявшему ими Приказу Большого Дворца, потому что оттуда шла рыбная дань. Так, главный свидетель истца — сельдь переславская — из знаменитой Переславской рыбной слободы у озера Плещеева, которая уже с начала XVI в. известна как владение московских князей. С этого времени озеро Плещеево именуется обычно в царских грамотах Переславским. Рыболовы ловили на этом озере «на царя и великого князя селди безурочно». Отсюда на царский обиход еженедельно шли преимущественно сельди паровые и свежие, лещи и щуки.[1] Это озеро, как и рыбная слобода при нем, были в ведении Приказа Большого Дворца. Ему же было подведомственно Ростовское озеро, откуда шли «на государской обиход на Кормовой дворец» — щуки, окуни,

---

[1] О ловле сельдей на озере Плещееве. Вестн. Русск. Географич. общества, 1853, ч. 7, СПб., 1853, стр. 11—28, отд. IV. Очевидно, сельди из этого озера ценились особенно высоко, так как в 1674 г. издаются царские указы о том, чтобы рыбу берегли, приказано было в течение двух лет совсем не ловить их, затем из Москвы прислали образцы неводов, которыми разрешалось ловить сельдь. Рыболовы еще вплоть до царствования Петра I пользовались здесь большими привилегиями.

лини, плотицы; на первом месте среди них стояли щуки — ср. в повести о ерше «щука озера ростовского».[1] По словам Котошихина, в Приказ Большого Дворца везут «из Великаго Новагорода и из Ладоги рыбных же запасов сигов и лодоги».[2]

Таким образом географическая номенклатура повести о ерше и имена рыб, упоминаемых в старшей ее редакции, все приводит нас в Новгородский приказ, с одной стороны, и в Приказ Большого Дворца—с другой. По словам Котошихина (стр. 108), приказ «Новгородцкая четверть» ведал города «Великий Новгород, Псков, Нижний Новгород, Архангельский город, Вологда и иные Поморские и пограничные городы Свейскою границею». Здесь «судили и росправу чинили» по всем более или менее крупным тяжебным делам, которые, касались дворцовых земель Новгородских пятин. По всем этим делам поддерживалась постоянная связь с Приказом Большого Дворца.

После 1617 г., когда Ивангород надолго перешел в «немецкую область», количество таких земельных тяжб резко увеличилось. Немало проходило их, разумеется, и через приказы Большого Дворца и Новгородский, к которым подводит нас содержание повести о ерше. Автор повести, видимо, был как-то связан своими интересами с этими двумя приказами.

Однако, хотя содержание повести о ерше и может быть объяснено из обстановки первой половины XVII в., но форма пародии заставляет отодвинуть время создания повести ко второй половине века, когда, судя по документам, земельные тяжбы не прекращаются.

Но вряд ли намерение автора можно исчерпать, как это думает проф. Шляпкин, изображением земельной тяжбы, по которой суд выносит «справедливый обвинительный приговор». Мне думается, что автор не собирался создавать апофеоз справедливости московского суда, пристрастность которого обличал еще в XVI в. Максим Грек. При внешней лойальности автора по отношению к обиженному «боярскому сыну», к суду, обвиняющему ерша, он самым подбором образов для судей и тяжущихся выдает свой замысел — представить в смешном виде и бояр-судей и истца-леща. Явно комическое впечатление производит фигура

---

[1] А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. IV, Серг. Посад, 1897, стр. 60—63 и сл.

[2] О России в царствование Алексея Михайловича. Соч. Григория Котошихина, изд. 4, СПб., 1906, стр. 79.

толстого жирного леща — рыбы крупной, обиженного маленьким, хоть и юрким ершом, так же, как откровенной насмешкой звучит жалоба «великого осетра», которого погубил тот же ерш. Этот умный, изворотливый и находчивый ерш не только обманывает «большего боярина и воеводу» осетра, но еще и издевается над ним вместе с автором повести. Самый приговор суда диктуется не только жалобой леща, но, конечно, и рассказом одураченного ершом осетра: тяжба сводится не только к вопросу о правах на захваченную ершем землю; вина ерша усугубляется для суда издевательством над «великим» человеком-осетром. Автор повести о ерше с большой осторожностью постарался замаскировать свое одобрение смелости ерша: захватчик наказан судом, автор даже с некоторым оттенком презрения говорит и о самом ерше, и о его «маломочных» покупателях, у которых весь капитал «одна деньга». Но по дороге он больно задевает и бояр, делая из осетра такую комическую фигуру.

Оформление тяжбы в повести о ерше выдает в авторе человека в совершенстве владеющего профессиональным приказным языком. Первые исследователи повести, опиравшиеся на поддельный текст Сахарова, на этом основании переоценивали его архаичность и сближали повесть непосредственно с терминологией Судебника Грозного; Д. Ровинский осторожно говорит о близости этой терминологии к «правым грамотам», а проф. Шляпкин считает невозможным объяснить форму повести вне Уложения Алексея Михайловича. Кто же из них прав?

Следя за схемой повести о ерше в первой редакции, мы замечаем, что образующие ее судебные формулы в большинстве своем — очень старые. Их знают уже «судные» и «правые» грамоты XV в. и отчасти Судебник Грозного. Таким образом, ошибочно, как это делает проф. Шляпкин, сопоставлять повесть лишь с некоторыми статьями Уложения, так как, во-первых, само Уложение во многом идет за старыми судебными традициями, а во-вторых, в нем нет именно того, что для изучения повести особенно важно — оформления судебного процесса. Уложение дает процессуальные правила, но письменное изложение процесса и после него следовало установившимся ранее обычным приемам. В поисках образца для этого изложения мы и доходим до судных списков и правых грамот еще с XV в., формулы которых сохранялись иногда в неприкосновенности и в более поздних документах. Проследим за схемой повести о ерше в старшей ее

редакции, сопоставляя ее именно с этими видами юридических памятников, как наиболее близкими к замыслу автора.

Заглавие повести (в сп. Б, З², Л) — «список с суднаго дела» (в З² доб. «слово в слово») — ср. «судный список» (1503 г., Акты юридические, СПб., 1838, стр. 17); начало повести по сп. Б (= П) — «суд судил» — ср. «сии суд судил» (грамоты 1503 и 1541 гг., там же, стр. 17, 47—49); челобитная леща начинается обычным обращением всех челобитных с XV до XVII в. включительно к судьям или к тому лицу, чьей защиты просит челобитчик: «Господам моим новгородским судьям бьет челом.. сынчишко боярской лещишко» (Б), или сходная формула в начале сп. У: «бьют челом и плачются божьи сироты а ваши крестьяня... рабишки». Это же начало сохраняет челобитная и в третьей редакции: «Царю государю и великому князю и его государевым воеводам бьет челом и плачется сирота твой государев ростовского озера жилец» (Заб. 546); такой же шаблонной формулой документов начинается изложение самой челобитной леща: «Жалоба, господа, нам на...» (З¹, З², Д, Л, У, Заб. 546). Пропуск этой формулы в сп. Б явно случаен, в оригинале она, несомненно, была, как видно из сохранения ее во всех разновидностях повести. Ср. в судных списках XVI в.: «жалоба ми, господине, на...» (стр. 17, 47). Самая суть жалобы на насильство ерша начинается ссылкой на давность владения озером родом леща: «В прошлых, господа, годех было» (Б, З¹, Д, З ²) — ср. в челобитных XVII в. обычное начало изложения жалоб: «В прошлом государь, во...году» (см. А. Титов, назв. соч., стр. 2, 3, 14 и сл.). Списки второй редакции заменяют это выражение не менее древним определением давности владения: «изстари, господа.. дано было в вотчину» (V, II) — ср. уже в XV в. этот термин при заявлении о праве на владение землей: «изстарины» (Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. I, СПб., 1857, стр. 164 и др.). В большинстве списков первой редакции челобитная-жалоба леща заканчивается одной и той же формулой: «Хотим в обороне жить вами праведными судьями», но 2-я и 3-я редакции дают более близкую к подлинным челобитным концовку: «Смилуйтеся, государи бояря судьи, дайте праведный суд» (У), или «Праведнии судьи и нелукавии, дайте на его ерша суд» (Заб. 546) — ср. в челобитных наиболее употребительный конец: «Государи, смилуйтеся, пожалуйте» (см. А. Титов, назв. соч., все челобитные имеют этот конец), но в XVII в. встре-

чаем и другую формулу: «дай нам свой царьской суд и управу» (челобитная 1680 г., Акты, относящиеся до юридического быта, стр. 569). Надо думать, что старая формула, сохранившаяся в первой редакции, под пером переписчиков заменилась более привычной концовкой челобитных на царское имя.

Вслед за челобитной леща начинается в повести, как и в «судных списках», допрос ответчика: в 1-й и 2-й редакциях судьи спрашивают его: «И судьи спрашивали ответчика ерша: Ты, ерш, отвечаешь ли? И ответчик сказал: Отвечаю, господа, за себя и за товарищей своих в том, что (он подтверждает свои права на владение Ростовским озером и затем устойчивой формулой рекомендует свою честность)... вслед ко мне не прихаживали и полишнова у меня не вынимали (Б, З[1]; З[2] доб. «в приводе нигде не бывал») — ср. «поличное у них выняли» (челобитная 1671 г., Титов, стр. 16). Затем начинается в повести вызов свидетелей: «И судьи спросили исца: чем ты ево уличаешь? Истец сказал: Уличаю ево, господа, божиею правдою и кресным целованием и вами праведными судьями» (Б, З[1], З[2] проп. «кресным целованием»; Д; в сп. У осталось только «всею правдою»; П сохраняет всю старую формулу, но по непониманию вместо «кресным целованием» ставит «женским»). Формула «божья правда, крестное целование» в старых судных списках XVI в. фигурирует в вопросе судей: «Скажите в божью правду, по крестному целованью» (Акты юридические, стр. 17), либо в ответе истца: «Уличаю, господине, их божьею правдою, целовав крест» (там же, стр. 47—49). Следующий вопрос — «сверх кресного целования, чем ты ево уличаешь» (Б, З[1], Д, П) — ср. в документах: «да сверх креснаго целованья истец подал» или «сверх крестнаго целованья шлюсь на» (Акты, относящиеся до юридического быта, стр. 647). Самый вызов свидетелей в повести начинается традиционным вопросом: «Кому то ведомо про то Ростовское озеро» (Б, З[2]) — ср. уже с XVI в. формулу: «кому то ведомо» (1503 г., Акты юридические стр. 17) или «кому то у вас ведомо» (там же).

Ссылку на свидетелей истец начинает в повести словами: «Есть люди добрые... на тех из виноватых шлюся» (Б, З[1], З[2], Д, У; в сп. Л «знающие люди») — ср. «а ведомо людем добрым» (1503 г., Акты юридические, стр. 17), или «шлюся, господине, в послушество» (1547 г., там же). Уже в Судебнике Грозного есть оба вида ссылки, как и в повести — «в послу-

шество» и «из виноватых»; их сохранило и Уложение. На вопрос судей — «Ты, ерш, шлешься ли из виноватых на те общие правды» — ерш отводит свидетелей: «пьют и едят вместе, да сверх того соплемянились, по мне они не молвят» (Б); в сп. З[1] вместо «соплемянились» читаем: «с ним во племени и в свойстве»; в сп. З[2] он отводит свидетелей, так как они «люди великие», и шлется на них только «в послушество» (так же и в сп. Д); в З[2] судья спрашивает ерша: «какая у тебя с ними недружба». Уже по Судебнику Грозного и судей и свидетелей могли отводить обе стороны по причине дружбы или родства с противной стороной. Уложение сохранило отвод «по какой-нибудь недружбе». Ср. в документах: «ино, господине, мне на них как слатися, а им по мне не молвити» (1534 г., Акты, относящиеся до юридического быта, стр. 177); «на тех ся, господине, не шлем, те, господине, Тимофею племя ж» (там же).

Согласно терминологии Уложения, в повести о ерше имеется «общая правда» (во всех списках); в Судебнике она обычно называется «общая ссылка». За «общей правдой» в повести посылают пристава с понятыми. Такая процедура привода свидетелей известна и в XVI в.: «И пристав обоих... пред судью поставил» (1503 г.); в следственном деле 1613 г. есть «понятые люди» (Акты юридические). Таким образом эта терминология сложилась задолго до Уложения, где тоже пристав с понятыми отправляется и за ответчиком и за свидетелями.

Во второй редакции ерш, отводя свидетелей, ссылается на то, что он человек небогатый — «езды платить мне нечим, а путь дальней», судьи же постановляют: «езд возьметца на виноватом» (У). В Судебнике «езд» имеется, Уложение подробно разъясняет, как и с кого он взимается: когда брали свидетелей издалека и посылали за ними понятых и приставов, «езд» «доправляли без суда», причем за доставку «общей правды» платили пополам истец и ответчик. Вторая редакция вводит это понятие «езд» именно в том смысле, как его знает Уложение.

Отдельные выражения в речах свидетелей и тяжущихся в повести находят себе также параллели в деловом языке. Например, отстаивая свои права на владение Ростовским озером, и лещ и ерш употребляют выражения «старая вотчина дед наших и отцов наших» (Б), «было старина дед» (З[2]), «дано было в век прочно» (У) и т. д. Ср. в грамоте 1503 г.: «называет те деревни государя своего отчиною» (Акты юридические, стр. 17);

или в повести «мое исстари, дано в вотчину» (П) — ср. «изстарины земли митрополичьи» (там же). Характерный для третьей редакции (Заб. 546) допрос ерша о «путях» на владение и его ответ, что «пути сгорели», когда горело Ростовское озеро, находит себе параллель не только в грамотах в Ростов в XVII в., но ссылки на сгоревшие документы знают еще XV и XVI в. Так, в документах XV в. читаем: «а грамоты (на владение) погорели в пожар», или «были да погорели в пожар» (Акты, относящиеся до юридического быта, стр. 164, 170).

Приговор повести — «И судьи приговорили... леща оправдали, ерша обвинили... и выдали исцу головой, велели казнить торговою казнию» (Б, З[1], З[2]; в Л опущено «выдали исцу головой»; часть списков описывает и самое наказание: «бити ево кнутом» З[1], З[2]; иногда даже, как в сп. З[2], точнее: «водить ево по торгам, да по всем редам»). Торговая казнь — наказание, известное уже судебнику Грозного. Характерно, что в лучшем списке упоминанием торговой казни и кончается приговор, в других же мы находим добавления, которые ведут нас к тексту Уложения, где есть и наказ «бити кнутом нещадно» и, «бив кнутом, послать на торг, по рядам» (третье наказание за неправый иск), и «отдать истцу головою», если ответчик несостоятелен. Формула «исца оправити, а ответчика обвинить» сохраняется в Уложении, но мы встречаем ее еще в правых грамотах XV в.

Перечень судей в конце повести — «А у суднаго дела сидели дьяк... судный список писал... печатал... у печати сидел... справил» (Б; в З[1] и З[2] к перечню должностных лиц добавлен доводчик, в З[1] кроме него еще добавлено: «а правила... а биричь был и кликал») — соответствует составу приказного суда. Как выше указано, дела по размежеванию земель решались в присутствии воеводы и окольничего — ср. в сп. Б «суд судил большеи боярин и воевода осетр, околничеи был сом з большим усом».

Анализ судебных формул, употребляемых в повести о ерше, показывает, что все они достаточно древние, гораздо старше Уложения, и к последнему с несомненностью можно возвести лишь отдельные разночтения списков, не обязательные для протографа повести. Таким образом нет никаких оснований принимать категорический вывод проф. Шляпкина, связывающего форму суда в повести о ерше с судопроизводством именно по Уложению: совершенно тем же порядком протекали земельные тяжбы и в XVI в.

С другой стороны, не так убедительно и заключение проф. Шляпкина о том, что «доводчик» и «судные мужики» — это добавления, «сделанные впоследствии в силу местного обычая особенно на севере, в Новгородской волости, а дело как раз происходит с уроженцем озера Кубенского, или в силу губных учреждений, проявившихся и при приказном судопроизводстве, во второй половине XVII в., вслед за Уложением» (стр. 394). «Судные мужики» действительно встречаются только в одном списке, но он никак не связывает ерша с Кубенским озером, а «доводчика» находим в двух списках старшей редакции. В XVII веке «судные мужи» еще сохранялись, но значение их как судебных заседателей, уже падает, поэтому, может быть, под рукой переписчиков этот мало употребительный термин исчез.[1] Тяжба ерша с лещем это, действительно, как заметил проф. Шляпкин, тяжба приказного типа и, видимо, так она и расценивалась современниками. Список Лукашевича 1720-х гг. еще сохраняет в конце деталь, которая подчеркивает это толкование суда: ерша ведут после приговора «ис приказу вон».

Итак, нет как-будто оснований исключать время до появления Уложения, когда мы датируем повесть о ерше. Но одно сопоставление с документами не может еще решить вопрос о времени ее создания. Язык судебных (как и других) документов московской Руси был чрезвычайно консервативным, параллели к повести можно указать частично еще в XV веке. Гораздо более показательна в данном случае самая форма пародии, которая делается употребительной в литературе второй половины XVII в., и тот яркий реализм, который окрашивает все изложение. Эти чисто литературные признаки скорее говорят за то, что повесть о ерше создана не в первой, а во второй половине XVII в. Сюжет ее и для того времени был вполне актуален: земельные тяжбы, жалобы на насильственные захваты чужой земли тянутся через весь XVII-й век, не представляя исключительного признака времени, близкого к политическим событиям начала XVII в., а «ябедники» в течение всего этого века доставляли населению много неприятностей. Автор повести отнюдь не делает ерша своим героем, но его образ помогает выставить в весьма невыгодном свете не только неповоротливого леща, но и самого боярина-осетра. Так,

[1] Ф. Дмитриев. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях, М., 1859.

сатира, прямо направленная против очевидного зла тогдашней русской жизни — насилия, беззакония, проявлявшегося различно, в том числе и в запутавшихся земельных отношениях,— косвенно задела и один из господствующих классов. Этим повесть о ерше, как и формой пародии, сближается с другими сатирическими памятниками XVII в.

К той же сатирической литературе подводит нас и язык повести о ерше. Точно воспроизводящая, как и Калязинская челобитная, устойчивые формы делового приказного языка, повесть о ерше как художественное произведение наделена теми же свойствами, какие мы наблюдаем в других сатирах-пародиях XVII века. Ее язык — яркий, образный. Автор умелыми сравнениями дает сразу в немногих словах целые картины. Вот, например, как в челобитной лещ показывает беспокойство, причиненное ершом в Ростовском озере его исконным жильцам: «сам собой мал, а щетины у нево стоят, что болшия рогатины, и нас теми щетинами своими под бока подкалывает и прокалывает нам ребра, и суетца по рекам и озерам, как бешеная собака путь потеряла». Тем же приемом описывается, как ерш отпугивал осетра от намерения итти «к рекам жирым жировать», к Ростовскому озеру. Ерш изображает себя, каким он был, пока не попал в Ростовское озеро: «Братец осетр, когда аз шел Волгою рекою, тогда аз был толще тебя, поболе и пошире твоих бока мои терлися о которость реки, з береги на берег, а очи мои были, как полныя чаши, а хвост мои был, как большова судна парус, сорок саженеи». Это явно гиперболическое изображение ерша особенно резко подчеркивает легковерие осетра и делает из него фигуру определенно комическую. На реалистическом описании наружности построена отговорка мня, отказывающегося итти понятым: «брюхо у меня велико, ходить не могу, и глаза у меня малы, далече не вижу, губы у меня толсты, говорить не могу». Подобного рода стилистические приемы сохраняются во всех списках, иногда еще более усиливаясь. Так, например, в сп. З[1] добавляются для усиления впечатления бранные эпитеты к имени ерша: «щетинник и ябедник, блудник и бражник»; наказывает его суд за «воровство и плутовство и за ябедничество, озорничество». Вторая редакция особенно щедро наделяет ерша бранными эпитетами: «лихая образина, раковые глаза, вострыя щетины, безделник, ненадобный человек, ябедник, обмерщик, обворшик, лихой человек, постылая собака». Редактор вообще

склонен нагромождать образы: приход ерша в озеро рисуется им так: «захурился, заморозился, заморался»; поживши там, он всех «перебил, переграбил, изувечил». Словом, — всматриваясь в повесть о ерше в ее старшей редакции и в дальнейших обработках, мы наблюдаем, с одной стороны, развитие в ней формул официального языка, с другой — резко реалистических приемов, наполняющих изложение материалом просторечия посада, как это имеет место и в других сатирических произведениях XVII в.

Судя по языку, протографы всех редакций возникли еще в до-петровское время. В них нет никаких следов того нового языкового материала, который вошел в обиход с начала XVIII в. Таким образом хронологически, возможно, одна из старших сатир-пародий, повесть о ерше и по содержанию и по стилю примыкает к своеобразной посадской литературе XVII в. Ее автор, конечно, далек от той прямолинейности, с какой, например, автор «азбуки о голом человеке» встает на защиту «голенких», которых слушать не хотят богатые. С некоторым оттенком презрения изображая покупателей ершей, он как бы отгораживается от этой бедноты, но в то же время задевает своей насмешкой и бояр. Читатели со временем подхватили с особенным вниманием эту насмешку и развили ее уже как серьезную критику «сильных», «толстосумов», угнетающих «малых людей». Следы социальной сатиры сохраняются и в очень отдаленных от повести XVII в. сказочных переделках ее. Здесь есть и «пройдоха купец лоха», отправляющийся с доносом на ерша к киту, и отговорка налима — «у меня язык толстой, неповоротной, не могу против чиновников говорить», хотя в целом сказка о ерше переключает старую сатиру в отдел комических сказок-прибауток.

## *ПРИЛОЖЕНИЕ*

Текст 1-й редакции печатается по списку Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина (собр. Буслаева) О. XVII. 57, петровского времени.

Список судъного дела, как тягался лещь с ершем о ростовском озере и о реках.

Суд судил большеи боярин и воевода осетр, околничеи был сом з болшим усом.

«Господам моим новгороцким судям осетру да белуге да белои рыбице бьет челом кормовои сынишко бо (л. 111 об.)ярской лещишко с товарищи. В прошлых, господа, годех было то Ростовское озеро, реки и источники за нами сиротами, а тот ерш лишил нас того Ростовскаго озера, расплодился тот ерш по рекам и по озерам. Сам собою мал, а щетины у нево стоят, что болшия рогатины, и нас теми щетинами съвоими под бока подкалывает и прокалывает нам ребра, и суетца по рекам и по озерам, как бешеная собака путь потеряла. А мы, господа, збоиством (л. 112) жить не умеем, а бранитца, ни тягатца не хотим, а хотим в обороне жить вами праведными судями».

И суди спрашивали ответъчика ерша: «Ты, ерш, исцу лещу отвечяеш ли или нет»? И ответчик ерш сказал: «Отвещаю, господа, за себя и за товарищев своих в том, что Ростовское озеро, реки и истоки старая вотчина дет наших и отцов наших, и тот лещ жил у нас во кресьянех на дне озера, а на свет не выхаживал. А я, господа, ерш божиею правдою и кре(л. 112 об.)сным целованием и вами праведными судями не смутник, ни вор, ни тат, ни разбоиник, вслед ко мне не прихаживали, ни полишнова у меня не вынимали. Человек есмь доброи, а живу своею силою, а не чюжею. И знают меня на Москве и в иных городех князи и бояря, дьяки и дворяня и подячия, попы и дияконы, гости и гостинои сотни и посатцкия люди добрыя, и покупают меня, ерша, дорогою ценою и варят меня, ерша, в ухе с перцом да с шафраном. И ставят меня, ерша, пред собою честно, и многия добрыя люди с похмеля (л. 113) оправливаютца».

И суди спрашивали исца леща: «Чем ево ты уличяеш»? Истец лещ сказал: «Уличяю ево, господа, божиею правдою и кресным целованием и вами праведными судями». И суди спрашивали: «Сверх креснаго целования, чем ты ево уличяеш и какими уликами, и кому то ведомо у тебя про того ерша старинных вотчинах»? Истец лещ съказал: «Есть, господа, у нас люди добрыя, человек доброи, а живет он в новогородцкои области в реке Волхове, а зовут ево рыба сих. А дъ (113 об.)ругои доброи человек, а живет он в немецкои области в реке Нероне,[1] а зовут ево рыба лодога. На тех, господа, из виноватых шлюся». И суди спрашивали ответчика ерша: «Ты, ерш, шлесся ли из виноватых на те опчие правды»? И ответчик ерш сказал: «Господа суди, богом

---

[1] под Иваном-городом в реке Нарве З².

вы сотворены, сиг да лодога пьют и едят вместе, да сверх того соплемянилися, по мне оне не молвят». Истец лещ съказал: «Ест ец (вм. еще) есть, господа, у нас люди добрыя, человек доброи, а живет он в Пересълавском озере, а зовут ево (л. 114) рыба селдь. На ту, господа, из виноватых шлюся».

И суди спрашивали ответчика ерша: «Ты, ерш, шлесся ли из виноватых на ту обчюю правду»? И ответчик ерш сказал: «Господа суди, богом вы сотворены, сиг да лодога да селдь переславская пьют и едят вместе, да сверх того соплемянились, по мне они не молвят». И суди приговорили: леща оправдали, а ерша обвинили. И велели взять в понятыя мня и поставить велели пред собою опчюю правду селдь переславскую. И пристав окунь емлет в понятых мня и (л. 114 об.) мень окуню приставу почел сулить посулы великия. И говорит мень окуню приставу: «Господине окуне, не пригожуся я в понятых ити, брюхо у меня велико, ходить не могу, и глаза у меня малы, далече не вижу, губы у меня толсты, говорить не могу». И пристав окунь пался на великие посулы, отпустил мня и взял в понятых головля и поставил пред судиями опчюю правду селдь переславскую.

И суди спрашивали: «Правда селдь переславская, скажи ты про того ерша и про леща, что ведаеш межу ими (л. 115) про Ростовское озеро». И селдь переславская почела говорить: «Господа, Ростовское озеро, реки и источники старая вотчина леща с товарищи, а не ерша. Леща, господа, знают добрыя люди, что он человек доброи, а живет он своею силою, а не чюжею. А тот ерш злыи лих человек ябедник, б....., скитаетца по рекам и по озерам, а где тот ерш впроситца начевать, и он тут и ожихонитца хочет и племя розвести». И суди спрашивали: «Правда селдь переславская, скажи ты про того ерша, знают ли ево на Мо(л. 115 об.)скве князи и бояре, дьяки и дворяня, попы и дияконы, гости богатыя»? Правда селдь переславская сказала: «Знают ево на Москве на земском дворе... ярышки кобацкия, у которого лучитца одна денга, и на ту денгу купит ерьшев много, половину сьедят, а другую росплюют и собакам розмечют. Да сверх того ведомо тебе и самому осетру, каков тот ерш».

И осетр сказал: «Господа, аз вам не правда, ни послух, и скажу вам правду божию, а свою беду. Коли я шел к Ростовскому озеру и рекам жирым жиро(л. 116)вать, а тот ерш встретился со мною на усье Ростовскаго озера и назвал меня братом. А я лукавъства ево не ведал, а спрошать было неково про нево

лихова человека, и он меня спрашал: куды де ты идеш, братец осетр? И я ему сказал: иду де я к Ростовскому озеру, к рекам жирым жировать. И он мне сказал: «не ходи ты, братец осетър, к Ростовскому озеру, к рекам жирым жировать, стоил де я тебя, братец, поболе, и пошире твоих бока мои терлися о кото-(л. 116 об.)рость реки, з береги на берег, а очи мои были как полныя чяши, а хвост мои был, как большова судна парус, сорок саженеи. А ныне ты, братец, видиш и сам, иду ис того Ростовска озера». И я ево послушал, на ево лесныя слова пался и воротился, жену и дети з голоду поморил, сам от него, ерша, в конец загип. Да тои же ерш, господа, обманул меня, что просътова мужика, привел меня к неводу: братец де осетр, поидем в невод, там рыбы наедимся. И я ево пос(л. 117)лушал, на ево лесныя словеса пался, по нем пошел в невод, воротился да и увяз. А тот ерш выскочил заднею клещею,[1] и сам мне насмеялся: ужели ты, братец осетр, рыбы наелся? И как меня поволокъли из воды на берек, и он почял со мною прощатца: прости де, братец осетр, не поминай лихом».

И суди приговорили: леща оправдали, а ерша обвинили и выдали исцу лещу ерша головою и велели ево казнить торговою казнию, против солнца повесить (л. 117 об.) в жаркия дни за ево воровство и за ябедничество.

А у суднаго дела сидели все добрыя люди: дьяк был сом з большим усом, судной список писал вьюн, а[2] доброи человек[3] был карась, а печятал рак глазун левою клещею, и у печяти сидел вьюн переславской да сиг ростовской, а справил стер-[ля]дь своим долгим носом. Судному делу конец.

## 2

Вторая редакция издается по списку собр. Уварова (Гос. Ист. музея) № 1926/135, нач. XVIII в., с исправлениями по списку Перетца 0.98, конца XVIII в.

(л. 1) В море перед болшими рыбами сказание о ерше и о ершеве сыне о щетине о ябеднике о воре о разбойнике о лихом человеке, как с ним тегались рыбы лещ да головель.

Быст в некотором граде Ростовского уезда суд судил (л. 1 об.) боярин осетр, да вое[во]да сом Хвалынского моря, да тут же в суде сидели судные мужики судак да щука трепетуха.

[1] в заднею ечею Л. [2—3] а давотчик З,[1] З.[2]

Били челом на него ерша, в котором челобитье написано: «Бьют челом и плачются божи сироты а ваши крестьяня растовского уезду рабiі лещ да головль. Жалоба вам, господам, на Ерша и на Ершева сына на щетину ябедника на лихую образину, на раковые глаза, на вострые щетины, на безделника, ненадобного человека. [Изстари],[1] господа, нам вазачелось[2] Ростовское озеро и дано было вами в вотчину да и нам сиротам вашим после отцов наших в век прочно. А тот ерш ябедник, безделник, обмершик, абворшик, лихой человек, постылая сабака, вострыя щетины пришел из Волги реки а из Ветлуска поместья, ис Козмодемьянского уезду Вырскою рекою к нам в Ростовское озеро. Приволокъся зимнею не в погожею пору, захурился и заморозился аки рак и нозри заморался. А кормился идучи по болотом и пришед к Ростовскому озеру и вопросился к нам начевать (л. 2) на одну ночь, а назывался незнаемым крестьянином. Потом переночевав упросил себе пожить на время обогретца и покормитца з женишкаю и з детишки своими. А жить было ему итить назат жировать в Кудме реки. И тот ершишка воришка в нашем Ростовском озере подле нас пожил и детишек росплодил, дочерь свою выдал за вандышина расплевина сына, и стокався с племенем своим скопом и заговором нас крестьян перебил и переграбил и с щетинем своим вострым изувечил, из вотчины вон выбил и озером завладел напрасно, надеясь на свое насилство вострое щетинье, а нас з женшиками и детишками хочет поморить голодною смертью. Смилуйтеся, государи бояря судьи, дайтя праведной суд».

И по вопросу ерш в ответ пошел. А в ответе скозал: «В сем деле отвечать буду, а на них буду искать бесчестия своего болшого. Назвали они меня безделным человеком. А яз их отнют не бивал и [ни грабливал][3] не знаю не ведаю, а озеро Ростовское мое и тоже дедовское, дано в век прочно старому ершу деду моему. А родом истари мы детишки боярские мелких бояр, по прозвищу вандушевы переславцы. А тот лещ да головль бывали у отца моего в холопех, и я не похотел греха по батюшкиной души, отпустил их на волю, да велел им жить за сабою, поить и кормить нас сабою, а иных их племя есть и ныне у меня во дворе в холопех. А как озеро посохло в ведряное лета, и стало скудость велик

[1] *Так в сп.* П, *здесь* историi⁷. [2] зачал се П. [3] *Так в сп.* П, *здесь* не брал.

голод, и тот лещ да го[ло]вль сами сволоклись на Волгу реку и по затоком разселилися, на мою голову с челобитьем воскошалися, отчего мне жития не стало, похотя меня всего испродать напрасно. А от меня от крестьянства, что ани сами воровством своим в Ростовском озере на свету не бывали, а я отцовских моих вотчин и ныне живу. А не тать и не разбойник,[1] доброй человек, живу я своею силкою, кормлюсь (л. 3) вотчинкою, да меня ж знают болшие князи, бояре, дияки и гостинные сотни во многих городех,[2] и кушают меня чесно, с похмелья животы оправливают».

И судьи исцом стали говорить: «Чем вы ерша уличаете»? И они ерша почели уличать и говорить: «Господа наши судьи, уличим мы его всею правдою,[3] шлемся из виноватых на свидетелей. Есть у нас добрые людиі свидетели в Новгороцкой облости в Ладужском озере, а завут рыба белуга,[4] да в Неве реке доброй же рыбы селява, да в Переславском озере рыба селть залеская, что поистине то Ростовское озеро наше».

И ерш в ответе сказал: «Господа судьи, на рыбу белугу и силяву, селть не шлюсь для того, что они им в племени и пьют ядят вместе, и по мне затем не скажут. И людиі ониі прожиточные, а я человек небогатой, а езды платить мне нечим, а путь дальней».

(л. 3 об.) И судьи послали мимо исцов и ответчиков рыбу окуня, а езд возметца на виноватом. А взяли в понятые с сабою мня рыбу. И мень сказал судьям, что в понятых нелзя быть, брюхо велико, глаза малы, губы толсты, говорить не умею, и память худа. И затем ево для хворостию отпустили и взяли в понятые рыбу язя да са блюда пригоршни мелкой рыбы. И свидетели и по сыску скозали: «Лещ да головль добрые людиі, божие крестьяне, кормятца своею силкою вотчинкою, а тот ерш ябедник, лихой человек, крестьянин, а живет по рекам и по озерам на дне, а на свету мало бывает, да что змей ис куста кусает с щетинем своим. И тот ерш выходя на устья да обмановает болшую рыбу в невод, а сам вывернитца. Где он вор вопроситца ночевать, и он хочет и вотчинника своего посести, да многим

---

[1] *доб.* и поличного у меня не вынимывали П. [2] *доб.* ядят меня в ухе с перцом и з ичевраном и со всяким узорочьем П. [3] *доб.* женским целованием и вами праведными судьями П. [4] лудога. Да есть у нас человек четвертои доброи а живет он под Иваном градом в Нарове реке, а зовут (*дальше вырван лист*) П.

людем свое ябедничество испродал (л. 4) И ково де попустил, а иных поморил голодною смертию. От роду у него в детех боярских не бывало истари». — «Да он же де ерш сказывал, бутто ево знают в Москве и кушают князья бояря, и правду ли объявляет»? И исцы скозали, что знают ерша бражники и кобацкие голыши и всякие нужные людиі, которым не на что добрые рыбы купить. И купят ершей на пол деньги, половину их розмечут, а другую расплюют, а достол выльют под ногиі да есть сабаком.

## 3.

Третья редакция издается по списку Гос. Историч. музея, собр. И. Забелина № 546, второй пол. XVIII в.

(л. 3) Гистория о ерше и о протчих рыбах, в сей истории означенных.

Лета а̃ ҂з̃ с̃лд го месяца июня 15 дня [случи]лось в болшем езере ростовском съежалися судии всех земель и всех градов. Судиям имена: бегуна ярославская, селдь переславская, (л. 3 об.) щука езера ростовскаго, старой мох на главе, бояра сиги, дворяна елцы, дети боярские пескиши, омиль россылщик, окунь доводщик, карась пристав.

Лещь рыба вопросил и бил челом судиям на ерша щетину. Судия же повелеша приставам взяти память, да приказали взять мня рыбу в понятие, ве[ле]ли дать ерша на крепкую поруку.

Пришли приставы ко мну: «Мень, пошли с нами в помянутые давать ерша на поруки». Дает ответ мень рыба: «Я не иду, стар велми, дряхол, ходить не могу, с боярами говорить не умею, губы толсти, очи худы, далеко не видят, да с ершем заедатся не хочу, рыба я отсунак аз и крестьянин, из я его боюся. Пойдите да возмите рыбу харьюся, та бо рыба верченна, на ношку легонька, з дворяны говорить горазна, очи хороши, видят далеко в ростовское озеро».

И взяли в понятыя харьюся и пошли оне к ершу. (л. 4) Изошли ерша у себя в господском дому; говорят выборные люди: «Пойман ты, ерш, богом да государем, да и нами людми. Дай по себе поруку, либо тебя звяжем да пред судью поставим». И ерш ответ держит: «Аз с вами скоро сам пойду и пред судий стану». И пришел ерш, говорит тако: «Мир вам, государевым судиям». И судии говорят: «Твоему, ерш, смирению».

В та поры ставает лещ рыба исцем на ерша и задает челобитную, а в челобитной писано: «Царю государю и великому князю и его государевому воеводам и судиям биет челом и плачется сирота твой государев ростовского езера жилец лещ рыба з головною рыбицею и со всякою мелкою рыбицею. Жалоба мне, государь, на Кубенского жилца на ерша на щетину на ябедника на лихово человека. Пришел он, ерш, с Кубенского езера, прошался у меня начевать на одну нощ, а сказывался крестьянин человек добрый, а иду де мимо ваш дом. И аз его, ерша, пустил начевать, а честь держали (л. 4 об.), что над добрым человеком. И он жил за ночь неделю, а за неделю жил год, а за годом жил уже то ерш поселился и умно жеротствился, наполнил роду своего многое множество. Уже тот ерш начал станицами стоять, а к своей станицы никоторой рыбе приходу нет, а он, ерш, суется, аки бешаной человек путь свой потерял, а которой рыбе под бок подвернется, щетиною хочет проколоть, аки рогатинами, а меня, леща, со всем родом ближним и далним и с новолостными христианы под пеньем и под кольем в тину в грязь загонил. Мы, сироты, живем, свету не видаем, подворьев своих бегаем, и вотчины отстали, и такова вора не знаем, куда детце бежать будет. Праведнии судии и нелукавии, дайте на его, ерша, суд»

И праведнии судии слушали лещева положения челобитную и спрошали у ерша: «Слышил ли ты, ерш, челобитную»? И ерш рек: «Слышил». И судии говорят: «Почему ты, ерш, владееши Ростовским езером»? И ерш рече: «Аки река течет». «Почему владееши езером Ростовским»? И ерш рече: «Тут есть у меня купчая да и закладная да и платежницы, что я на Москве государю дань плачю». И судии спрошали у ерша: «Ты (л. 5) кажи, ерш, пути, и мы тебе по путям езеро отведем». И ерш тако: «Теперь у меня путей нет, государь, собою казать нечего, пути у меня спрятаны в Переславском езере». И судии спр[о]шали: «Кому про то ведомо, что пути спрятаны во езере»? И ерш тако рек: «Ведомо, государь, про то селде Переславской, у нея мои пути спрятаны».

И судии приказали приставам селдь Переславскую тотчас привести. И став пере[д] другими селдя. И судии спрошали: «Скажи ты, селдь, есть ли у тебя ершева положения пути на Ростовском езере»? Селдя так сказала: «Путей у меня нет ершевых, такова ерша аз в очи вижу теперь». Ерш начал на суду селдь бранить: «Б..... ты селдь, тонкохвостая сука, б....., уская п.., звонкой... вешняя солина, кто тя в бочку осолит,

тот тя и прокленет». И судьи говорят: «Да не бранью вам дело вершать, делом». Да притом судьи говорят: «И ты, ерш, (л. 5 об.) отступайся езера, либо пути кажи». Ерш тако рек: «Путей нет, казать нечево, горело то езеро и пути згорели». И судии спрошали: «Кому про то ведомо»? И ерш тако рек: «Государи вы, судии, той же селде Переславской». И судьи спрошали: «Скажи ты, селдя, тако». И говорила: «Слышали и вы, государевы судии, когда езеро горело, но и пути сгорели». И судии говорят: «Исполать тебе, ерш».

Тут судии спрошали леща: «Ты, лещ, чем сверх сего уликами уличаешь то про ерша»? И лещ так рек: «Уличаю и довожу осетром волховским, и тот ведает про того вора преступника про лихово человека, чтоб напрасно на мою вотчину наступил». И судии спрошали: «Ты, ерш, на осетра волховского сылаешься ли»? Ерш так рек: «Шлюся аз [в] послушество, а не из виноватых. У меня была с осетром великая заетка, как меня опослушествует напрасно». И судии велели приставам осетра волховскаго в тот час осетра поставить.

И осетр волховской пред судиями став. И судии спрошали: «Скажи ты, осетр, в божию правду и в крестное целование и не утекайся на голаго слезы, а не богатого мзду, доброй ли человек тот ерш или лих он ябедник»? И осетр волховской (л. 6) в божию правду сказал: «Знаю де я того ерша издавна, что он лихой ябедник, да еще вам скажу про того ерша великую повесть. Когда я пошел из Волховской реки из мелкаго езера, где бы можно голова своя прокормить, а того ерша стретил на дороге. Я почал у него спрашивать, можно ли пройти в Ростовское езеро. И он мне учал сказывать: брат милой, осетр волховский, не можно итти, реки мелки и перебористы, да лихи берега поторчины древяныя. Аз пришел бе втрое был величеством до меня, у меня была три сажени толщина, а между щетинами было по три локтя, а глаза у меня были что пивныя чаши, а ныне видишь, коль худше тебе, встречу переборами каменье у меня тушу оттерло, поверху птицы щетины отщипали, а древяными поторчинами глаза выкололо, а ты как пойдешь, дак и меня хуже будешь». И осетр рек: «Я того худого беса послушал, а лихого проходу убоялся, и пришед я домовь, ино жена и дети с голоду померли, и куда я пошел, туда не дошел и от такова вора воротился и от своего свое житьишка лишился, я бы того ерша жива на рожен воткнул, да на огне (л. 6 об.) его опряг, да не можно взять».

Осетра повесть слышили и судии говорять ершу: «Не довлеет, ерш, смирися с лещем». И ерш тако рек: «Не дам я ершу[1] во езере и двенатцатой доли, буди мое все езеро Ростовское». И судии говорять: «Есть ли, лещ, у тебя сверх той улики иная улика»? Лещ тако рек: «Уличаю я его и довожу сомом полвоским, той ведает про того ерша про лихого ябедника, что он напрасно наступает на мою вотчину». И судии говорять: «Ты, ерш, сошлися на сома полвоского». И ерш тако рек: «Шлюся я в послушество, а не из виноватых. У меня была с сомом великая заетка». Судии велели приставам полвоскаго пред себя поставить.

И сом пред судиями став. И судии спрошали: «Скажи ты, сом полвоской, в божию правду и в крестное целование, добрый человек тот ерш или худой ябедник, Кубинского ли он езера»? И сом тако рек: «Тот ерш Кубинского езера урождением, скажу про того ерша великую повесть. Подвернулся тот ерш к брату моему меншему сому да учал спрашивать: сом, далече ли ты видишь ти реки. А брат (л. 6 bis) мой сказывал: я де вижу Волгу с конца на конец. А в то время тот ерш вел брата моего подле берег, и приехали невотчики с неводом и обметали брата моего и волокли на берег. И тот ерш выскочил, а сома учали в три палки бить, а он, ерш, учал смеятися: видиш ли против Волгу наперед, а того не видал, как в невод попал. Я бы того сам за брата своего того ерша жива на рожен опряг». И судии от сома повесть слышили, учали ерша винить.

Ярославль приговору, езера Ростовскаго приговору, реки Волги приговор, реки Волховские: ерша щетину обвинили, а леща оправили, ерша батогами и кнутом стегали, из Ростовскаго езера выжили вон с родом и племенем и со всем приговором на старую вотчину езера. А сам шибся в поморские реки и страны, учал воды мутить (л. 6 об.) и гузном вертеть, чтоб шалной человек путь свой потерял.

## 4

Четвертая редакция издается по Автономовскому сборнику Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук СССР, нач. XVIII в. (см. В. И. Срезневский. Сведения о рукописях, печатных изданиях.., поступивших в Рукописное отделение Библиотеки АН в 1902 г., СПб, 1903, стр. 103—106).

---

[1] *Следует* лещу.

### ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ.

Ехал ершишко на осин[овы]х дровнишках, и прошался ершишко в славное Ростовское озерышко у всех рыб у святои братьи одну ночь начевать. И собиралися они в кучу и думали думу ве[ли]кую и совет советовали: Первые рыбы говорят, [насто]ящую правду творят: просится ершь, [старой][1] мох на главе, в Ростовское озеро одну ночь начевать, как ево не пустить, не ... бой ему наслег носити. Другие рыбы говорят, на[с]тоящую правду творят: как ерша пустить в ... озером сомустить. А третьи рыбы говорят, настоящую правду творят: попаметуйте потом, что будет содом, как ерша пустити, дак ерша не выжити.

И думали думу великую и совет советовали, и пустили ерша одну ночь начевать. Ершь ночь начевал, две начевал, от двух ночей три ночи, от трех ночей четыре ночи, от четырех ночей жил четыре недели безо дни, мало не месяц, и стал п[о] Ростову озеру ходити и детей плодити, всяки[х] рыб теснити, всех [рыб] прибил, всех прико[лол], в конец пригонил; ко[ю] рыбу ткнет, та не од[дох]нет, жива быть не может. Как у царя вострая сабля, то у ерша щетина, не от болшои полтины. Коя под пень, коя под колоду, по заводям, по запескам, по заостровам присталиша не стало, и было Ростово озеро в кулигу.

И собиралися рыбы в кучу, думали думу великую, со[ве]т советовали. Первые рыбы говорят, настоящую правду творят: как до тово прежде сего в Ростове озере[2] тихо и смирно, все благодарно, дело давно, а нынечи ерши стали болшие, откудь взялись, откуд поднялись, ис какои реки, ис какои протоки. И думали думу велику, и совет советовали, велили посланному писати посылную грамоту на ерша в суд праведнои, просят и ныне не бросят.

И садится рак, печатной дьяк, на ременчатой стул, чтобы чорт не здул, и содится щука калуга, семга печерска, селдь переславская, и садится в судках секретарь осетр, головой тресет: «Сукин сын, плут, бражник ершь, вековой ябедник, тот ли не тот ли, как бы в руки попал, головой бы пропал, над родом нашим натрубил, брата осетра на Волге погубил, баял да баял, да в невод завел. И думали все судьи с вопча посланного послати по ерша елъца стрелца удалова молотца, с вершыны

---

[1] В *ркп.* одну. [2] *В ркп.* орере.

до конца, где ерша сыскати, по щекам свистати, под гузно пинати, в х[р]ебет толкати, перед суд посылати, никаких басен и отговорок не слушать.

Тут и пошел елец ст[р]елець, удалои молодец, с вершины на конец, до первых рыб дошел и стал спрашивать: «Где видали, где слыхали плута, бражника ерша, вора, ябедника»? Первые рыбы говорят, настояшую правду творят: «Мы ево в вид не видали, а слыхом слыхали, нынечи ерши стали большие, проходу не стало». Посланнои от первых рыб пошел, до других рыб дошел: «Где видали, где слыхали плута, бражника ерша, вора ябедника»? Другие рыбы говорят, настоящую правду творят: «Мы от ево бежим, плачем да дрожжим». Посланнои от других рыб пошел, до третьих рыб дошел: «Где видали, где слыхали плута бражника ерша, вора, ябедника»? Третьие рыбы говорят, настоящую правду творят: «Иши ерша по заводям, по запескам, по заост[р]овам, ищи в кулиге».[1]

Посланнои по боду, по счастию, и по божескому изволению как на скоре в кулигу пришел, так ерша и нашел, и говорит ему: «Сукин сын, плут, бражник ершь, вековои ябедник, живешь ты дико, поступаеш велико, есть челобитье немало, много ли ты бридишь, далеко ли видишь, всяких рыб обидишь, всех рыб приби[л], всех рыб приколол, в конец пригонил, кою рыбу ткнеш, та не одъдохнет, жива не будет, а нынечи извол перед сут стати, отъвет дати, полно матати, добра не видати». Ерш говорит, настояшую правду творит: «На пример скажут, посла не куют, не вяжут, ты бы не так пришел, не то слово нашел: батюшко ершь, здорово ли живешь, много ты бридишь, далеко ли видишь? Сами веть оне бридят, век нас ненавидят, в рот нас хватают, всегда матают. Челобитна ли на меня подана, или словесно доносят»? Посланнои говорит, настояшую правду творит: «Челобитные нет, а бьют челом век, извол, ерш, пред сут стати, ответ дати, полно матати, добра не видати». Ерш говорит, настояшую правду творит: «Я не то шо потом, и теперво готов перед суд стати, ответ дати, а ти б, посланнои, полно надо мнои летати, самому добра не видати». И пошел ерш с посланным съ [е]льцом, удалым молотцом.

Идет ерш блиско, клянется ниско. И садитца рак, печатнои дьяк, на стул, чтобы чорт не здул, и садитца щука калуга, семга печерская, селдь переяславская и садитца в сутках секре-

[1] *В ркп.* кугиге.

тарь осетр, головои тресет, весма на ерша несет: «Сукин сын, плут, бражник ерш, вековои ябедник, живеш ты дико, поступаеш велико, есть челобитье немало, много ли ты бридиш, далеко ли видиш, всяких рыб обидиш, всех рыб прибил, всех рыб приколол, в конец пригонил, кою рыбу ткнет, та не отдохнет, жива не будет, смотри ты над родом нашим натрубил, брата у меня осетра на Волге погубил, баял да баял, да в невод завел».

Ерш говорит, настоящую правду творит: «молчи тко ты, судья, кому будет дивья, роскажу дело я твое. Тъ, брат, брат, давно тому и рат, а вы, судьи, от бога созданы, от царя посажены, еи еи судите в правду, в крестное челование, в еванг[е]лскую заповет: как жить умереть, вперет себя не потереть. Мы з братом с твоим с осетром сошлись на матушке Волге, полюбовно побратались, крестами поменелись. Он брат болшои, я ему и рад, он пошел попереди, а я пошол позади, я и говорю: как тебя, брат осетр, скоро бог несет, вода житко, а ты идеш шипко. Я и спросил у него: брат осетр, много ли ты бридиш, далеко ли видиш? Он говорит: я вижу матку Волгу с корени и до вершины, в ширину и глубину исповедал, на дворе вечер, а не обедал. У меня у меншова брата у ерша спросил: ты много бридиш, далеко ли видиш? Я вижу от носу с пят да подвинуся опять, на дворе вечерается, а мне, ершу, опочеватца, на меле объночеватца. Я говорил: брат осетр, ти б с мили на глуб итти, доброво не натти. Как он слово то сказал, сам себя и связал. Рускои бог похвалнова слова не любит. Как он с мили на глубь сошел, со слепых то в невод зашел, а у нас у ершеи какова не миня, по делу дидя. У мужиков у неводов матицы ретки, а у нас ершов думы крепки, я в матице не заживусь, и ечееи прошибусь. Мужики стоят на берегу, разговор говорят, ехать хотят за реку: воно, ребята, рыба мечется, не от нас ли прячется. Взяли лотку здернули, неводом объехали и к берегу приехали. Пришел Скокъдан, осетра бог и дал. Взяли полено, а голову ту сломили о колено. Ерш на другую сторону: воно, ребята, прозора бьют, видял матку Волгу с корени и до вершины, а со слепых то в невод зашел».

Судьи на месте сидили, правду судили: «Што ты, ерш, хоробро живеш, благо баеш, лишь судеи матаеш, прав не бываеш, ничего не знаеш, как ты в Ростово озеро вселился, з детми росплодился, по озеру росходился, есть ли у тебя на то свидетели»? Ерш говорит, настояшую правду творит: «Есть на то у меня свидетели, есть сорога — послать далеко дорога, есть окунь — и ныне охат,

есть подъязок, — безо всяких подвязок, есть налим — неловко нам и обим, по налима по свидетеля послать, долго не дождать: брюхо велико, глазом дико, шевелится тихо, губы толсты, под щеками не просто, язык худ, нелзя пред суд привести да слушати тут. Как мы в Ростово озеро вселились, з детками росплодились, по озеру росходились, жили наши деды, прадеды, отцы нашы состарились и представились, и было в Ростове озере дворишко худое, соломои крыто, во дворишке клитишко, в клитишке коробьишко, в коробьишке пути и грамоты, деревенские крепости. Ето по богу и по несчастию и по божескому изволению и по божию прогневанью было на Ростовское озеро пожарнои случаи и ныне скучим, принялось за солому, много было реву и содому. И горело Ростовское озеро четыре годы».

Судьи на месте сидили, правду судили и велили ершу итти на прежнее жилище на свое пепелище, где было дворище. Челобитшики затужили, как с ершом быти, как пособити, как ерша добыти.

Бежал бес, заплел ез; пришол Антонии, затинул колик; пришол Перша, заложил вершу; пришол Скокъдан, ерша бог дал; пришол Кузя, положил ерша в кузов; пришол Денис, звалил ерша на санки да поволок на низ; пришол Онисим, котел нависил; пришол Данил, ерша сварил; пришол Прон, уху пролил; пришол Онкуша, ерша то наткушал; пришол Спиря, стал стырить, ерш свеш, один не съеш. Пришол Кирило, ударил Спирю по рылу: зачем о чюжем ерше стыриш. Пришол Елизар, со всех блюд полизал, некому не сказал. Конец.

## 5

Рифмованная повесть о ерше издается по списку Гос. Историч. музея, собр. И. Забелина № 536 (855), XVIII в., с вар. по сп. собр. Вахрамеева № 704, XVIII в.

(л. 62 об). Ещо третья сказания о том ерше.

Шол Перша, заложил вершу,
пришол Богдан, да ерша ему бог дал,
пришол Иван, ерша поимал,
пришол Устин, да ерша упустил,
пришол Спиря, да на Устина стырил,
пришол Иван да опять ерша поимал,
пришол Давид, почел ерша давить,

пришол Андрей, да ерша внузна агрел,
пришол Потап, почел ерша топтать,
ехал Алешка на колесах да взвалил ерша на колеса.
Пришол Акиня, ерша в [клеть][1] кинул,
пришол сусет, да кинул ерша в сусек,
пришол Антроп, да повесил ерша пат строп,
(л. 63) пришол Лазарь да па ерша слазил,
пришол Назар, павел ерша на бозар,
пришол Фома борадат, почел ерша продавать,
пришол Костентин, дает за ерша алтын,
пришол Мартин, дает за ерша Кастентину барыша алтын,
пришол Анос, да и дарам у них ерша унес.[2]
Почели ерша опрятовать, вся маладешь хотят ужинать.
Пришол Силиван, почел в кател вады наливать,
пришол Мещеря, паставил кател в пещеру,
пришол Абросим да ерша в кател бросил:
пусть ди попреить да к ужину поспеет.
Пришол Ерема, принес дров беремя,
пришол Клим, подлажил под кател клин.
Видите, братцы, стаит кател крив,
Пришол Павел да котла поправил,[3]
[Пришла Акулина, агонь закурила,
пришла Арина да ерша сварила].[4]
Пришол Ефим, чеснаку налупил,
пришол Лучка, покрашил лучку,
пришол Перша, потсыпал перцу,
[пришол малай да парень, да ерша перепарил,
пришла Ульяна да ерша перемяла].[5]
Пришол Сава да вынул из ерша полтара пуда сала,
пришол Савин, ерша пасалил,[6]

---

[1] *Так Вахр., здесь* хе[6].

[2] *доб.* Пришол Ананья, понес ерша на поварню. *Вахр.*

[3] *Доб.* пришол Анисим, насыпал анису. *Вахр.*

[4] *Оба стиха вставлены ниже, на л. 63 об. после окончания текста, здесь же сделан знак, указывающий на пропуск.*

[5] *Такая же вставка, приписанная в конце текста.*

[6] *Доб.* и тут стали молодеш поговаривать: не пора ли нам, братцы, ерша вынимать. И стали они отведывать ухи. Первой хлебнул, сказал: то то уха; другой хлебнул, сказал: тотто слаткая уха; третей хлебнул, да и сам узуроснул. И тут молотцам полюбилася уха, стали они поговаривати: не пора ли нам, братцы, на стол собирать. *Вахр.*

пришол Антон: збирайте, маладеш, на стол, пара ужинать.[1]
Пришол Хлеб, принес хлеб,[2]
пришол Иуда, разлажил ерша на четыре блюда,
пришол Пахом и хлеба упахал,
пришол Раман, да ерша разламал,
пришол Алешка, разлажил и лошки,
пришол Демид, хочет ерша делить,
пришол Самсон да Демида савком,
пришол Терех, стал с шелепом во дверех:
Не очень де, (л. 63 об.) братцы, шумка шумитя, ешьтя смирненька.
Пришол Ульян: да еще, маладеш, я не пьян, а чом деретесь?
Пришол Яков да адин ерша смякал, а сам и ушол.
Пришол Конон: сустигайте ево, маладеш, на конех.
Пришол Елизар, лиш катла нализал, а ерша и в глас ни видал.
Пришол Барис, по ерше павис.
Пришол Данила да сестра ево Ненила да по ерше павыла и конец ершу совершила.

---

[1] *доб.* Пришол Фатей, наслал на стол скатертей. *Вахр.*

[2] *доб.* Пришол Соня, принес соли; пришла Корелка, принесла торелки; пришол Фимка, принес ножи да вилки; пришла Васса, принесла крынку масла; пришла Татьяна, принесла сметаны; пришол Пахом, да и хлеба напахал и по торелкам росклал. И тут сели молодешь все порятком за стол. Пришол повар, принес ерша и поставил на стол. И тут молодешь, похлебавши ухи, не знают, как ерша разделить. И тут вставши Демид и учал ерша делить, и по тому ево делу недостало ерша никому. Пришел Спиря и учал о ерше стырить; пришел Миня, ударил Демида в рыло; пришол Ульян: я де, братцы, и сам не пьян. Пришел Самсон, да Миню совком: я де, братцы, и сам ерша в глас не видал. Пришел Филимон и стал в дверях с шелепом: не очунь де, братцы, шумите, и я здесь. И в той у них ссоре, где ни взялся, Яков, да всего ерша и змякал и сам ушел. Пришол Конон: сустигайте, молодешь, ево на конях. Пришел Елизар, толко котла полизал, а ерша в глаз не видал. Пришел Данило да сестра ево Ненила, толко по ерше повыли и есть ево забыли. А сия повесть писана в серую суботу, в рябой четверк, в соловую пятницу, канун Серпуховского заговенья. Ершу слава и попу Демиду коровай сала да братина пива, а прочитальщику чарка вина, а слушалщиком бадья меду. *Вахр.*

## V. ПОВЕСТЬ О КУРЕ И ЛИСИЦЕ

### 1

В сороковых годах XVII в. царский стольник Иван Бегичев поспорил однажды на охоте со своим спутником, разойдясь с ним в толковании библейского текста — «и показа ему господь задняя своя». Спор задел Бегичева настолько серьезно, что он ответил позже своему собеседнику специальным посланием, сохранившимся в двух списках XVII в. Цель послания «свободити» себя от «нововоздвизаемого гнева и негодования и бестудного поношения и без правды еже оклеветания», от обвинения в том, будто бы он «возмог тако рещи, что божие на землю схождение и воплощение не было, а что ни было, то все действо ангельское». Автор послания всячески подчеркивает свое согласие со всеми догматами православной веры, с осуждением вспоминает еретиков до Федора Курицына и протопопа Алексея включительно. Укоряя своего адресата, Бегичев пишет, между прочим, что тот вместе со своими сторонниками «нимало отчасти искусен в божественных писаниих... все вы кроме баснословные повести, глаголемыя еже о Бове королевиче и мнящихся вами душеполезные быти, иже изложено есть от младенец, *иже о куре и о лисице* и о прочих иных таковых же босословных повестей и смехотворных писм, — божественных книг и богословных дохмат никаких не читали».[1]

[1] Текст Послания изд. А. И. Яцимирский. Послание Ивана Бегичева о видимом образе божием. Чт. ИОИ и ДР, 1898, и отд. стр. 1—13. Датируя послание второй четвертью XVII в., Яцимирский основывается на следующих данных: «Рукопись, в которой издаваемое Послание открыто, — средины XVII в., следовательно, оно написано не позже этого времени. Во-вторых, все лица, носящие имя и фамилию автора Послания, фигурируют во второй четверти XVII в. В-третьих, в Послании два раза упоминается «станбник» адресата, некто Никифор Воейков с товарищи; повидимому, это указание самое ценное. Никифор Прокофьевич... начал свою службу при царе Михаиле Федоровиче и в Разрядных записях значится стольни-

Это замечание Ивана Бегичева интересно для нас упоминанием повести о куре и лисице, списки которой встречаются не ранее начала XVIII в. Говоря о ней как о чем-то общеизвестном, Бегичев тем самым дает опорный пункт для датировки этого памятника: по всем историческим данным, которые встречаются в Послании, его относят ко времени не позже 1643 г.; отсюда следует, что и повесть о куре и лисице во всяком случае не моложе Послания, скорее ее придется отнести к несколько более раннему периоду, чтобы стала понятной ссылка на нее, как на образец, хорошо знакомый читателям.[1]

Исходя из этого хронологического указания Бегичева, проверим, соответствует ли тематика повести о куре и лисице исторической обстановке первой половины XVII в. Естественно, что анализу этой темы должна предшествовать история текста повести, так как литературный памятник, существующий в рукописях XVIII в., печатных изданиях, лубочных картинках и устных сказках под именем повести, сказания или истории о куре и лисице, дает нам очень сложную картину своей жизни в читательской среде. В разные моменты своего существования попадая в поле зрения различных социальных групп читателей, повесть воспринималась ими по-своему, и следы этого восприятия отлагались в тексте повести, поэтому далеко не все ее разновидности могут быть отождествлены с предполагаемым памятником первой половины XVII в.[2]

---

ком». После 1644 г. он жил уже не в Москве (Яцимирский, стр. III—IV). Теми же сороковыми годами датирует Послание И. Забелин, который считает адресатом Бегичева стольника С. Л. Стрешнева (Заметка о послании И. Бегичева, Археол. изв. и зам., 1899, № 1—2, стр. 1—8; то же: История города Москвы, М., 1902, стр. 395—397).

[1] Указание Послания Бегичева на хорошее знакомство русских читателей в первой половине XVII в. с повестью о Бове совпадает с наблюдением Н. П. Лихачева: прозвища Бова, Лукопер, заимствованные из повести о Бове, были известны на Руси в конце XVI и начале XVII вв. (Любопытные прозвища. Библиограф, 1893, № 2—3, стр. 157—159).

[2] Литературные повести о куре и лисице не исследованы: беглые замечания об этом памятнике находим у А. Веселовского (История русской словесности А. Галахова, изд. 2-е, 1880, стр. 510), определенно называющего повесть «отрывком германо-романского животного эпоса, приходившего к нам», и у А. Пыпина (Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских, стр. 292), который характеризует стихотворную повесть о куре и лисице, вместе с помещенными в том же сборнике увеселительными жартами, как «позднейшие обработки старинных новелл, перешедших в поль-

Все рукописные тексты повести о куре и лисице разбиваются отчетливо на три группы — тексты прозаические, стихотворные и смешанные. Все списки относятся к XVIII в., один отрывок к началу XIX в. В прозаической редакции мы имеем вполне цельное и законченное изложение темы: лисица приглашает кура спуститься к ней и покаяться, затем обличает его в грехах; кур оправдывается, приглашает ее в просвирни, и, наконец, лиса съедает его. Тема изложена прозой в виде диалога с тремя небольшими вставками рассказа от лица автора. Отдельные части диалога соединяются короткими фразами: «рече кур к лисице», «отвеща лисица» и т. д. Прозаическая редакция представлена следующими списками:

1) Забелина № 536 (855), второй половины XVIII в., лл. 51—55 — «Сказание о куре и о лисице». Нач.: «Стоит древо высоко...»

2) Гос. Исторического музея № 669, первой четв. XVIII в., лл. 416—419 — «Сказание о петухе и о лисице, како лисице прелсти петуха и предав смерти». Нач.: «Рече лисица курю...»

3) Житомирский сборник Библиотеки Академии Наук УССР, нач. XVIII в., лл. 87—91 — «Сказание о куре и о лисице, как седел на древе, а лисица кура к себе з древа манила». Нач.: «Приде в некое время лисица...»

4) Гос. Исторического музея № 3215, XIX в., отрывок, лл. 17 об. — 18 об., без начала: «... хотя ево схватити и жива проглотити...»

Отличительный признак второй — стихотворной редакции — выдержанная стихотворная речь, добавление длинного диалога вначале — кур допытывается узнать имя лисицы, затем обвиняет ее в том, что она крадет кур, — и отсутствие заключительного рассказа о приглашении в просвирни. Списки стихотворной редакции:

1) Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина Q. XIV. 27, около 1742 г., лл. 32—52 — «История о прекрасном куре доброгласном, как он прииде на покаяние к лисице к премудрой духовнице». Нач.: «Настоящего нынешняго века...»

2) Библиотеки им. Ленина, собр. Лукашевича № 46 (б. Публ. музея, № 1194), 30—40-х гг. XVIII в. — «История о звере и птице,

---

скую литературу из немецкого или французского источника», и отмечает перепечатку некоторых из них в «Старичке-Весельчаке» и в лубочных картинках.

нарицаемом петухе и лисице, како лисица петуху путь покаяния благовестила». Нач.: «Настоящего нынешняго века...»

3) Забелина № 536 (855), второй половины XVIII в., лл. 108—123 об. — «Повесть изрядная о куре и о лисице, како его прелстила лисица». Нач.: «Настоящего сего нынешнего века...»

4) Забелина № 500, около 1762 г., отрывок — лл. 6—8 об.

5) Библиотеки Академии Наук СССР (б. Археогр. ком.) № 162, 20—30-х гг. XVIII в., лл. 53—73 — «Повесть зело пречюдна о куре и о лисице». Нач.: «Настоящего сего нынешняго века...»

6) Собр. Мазурина № 755, XVIII в., лл. 1—13, без начала, первые слова: «Кур же видев ея мало возвеселился...»

Третью группу составляют списки, объединяющие части обеих редакций, — называю в дальнейшем их смешанными:

1) Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 57, первой четверти XVIII в., лл. 174—185 — «Повесть о куре и о прекрасной лисице». Нач.: «Был человек неки, жил долгия веки...»

2) Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 17, второй половины XVIII в., лл. 98—111 — «Повесть о куре, то есть петухе и лисице». Нач.: «Близ города Казани в некоей рощи...»

3) Забелина № 536 (855), второй половины XVIII в., лл. 261—265 — «Сказание о куре и о лисице Захарьевне». Нач.: «Сидит кур на прекрасном древе...»

## 2

Сопоставляя между собой все эти списки, мы видим, что стихотворная редакция сохраняет только часть мотивов прозаической, оформляет их во вкусе XVIII в., дает ряд новых эпизодов, не имеющих корней в прозаической редакции; что стихотворную редакцию можно объяснить как распространение прозаической, но не наоборот: хотя во второй части, где схемы обеих редакций близки, изложение стихотворной длиннее, но эти длинноты словесного характера; в прозаической редакции нет такого количества словесных украшений, зато фабула в ней развивается яснее. Словом, прозаические списки, очевидно, сохраняют лучше старший вид повести, подвергшийся в стихотворной редакции существенной переделке.

Выделяя из этих прозаических списков повторяющуюся в них схему, которая сохранилась и в прозаической части смешанных текстов, мы получаем следующую предполагаемую фабулу старшей повести о куре и лисице, которую вспоминает в своем Послании Бегичев. К сидящему на «высоком древе» куру приходит лиса и приглашает его принести ей покаяние в своих тяжких грехах. Она зовет его на молитву словами «поучения св. отец к ленивым и не хотящим делати». Не довольствуясь этим поучением, лиса ссылается еще на притчу о гордом фарисее и смиренном мытаре. Умиленный кур спускается на землю и попадает в лапы к лисице. В таком положении между ними завязывается следующий диалог. Лисица корит его текстами из св. писания за многоженство: «Помниш ли ты святыя книги и как в правилах святых отец пишет: одна жена понять по закону, а другую понять для детей, а третью понять чрез закон прелюбодеяние [ради]. А ты, лихой человек, злодей и чародей, законопреступник, держеш ты у себя много жон, по двадцети и по тритцати и болши.» Кур другими текстами из того же источника защищает себя: «помниш ли ты, как в бытиях пишет: земля стала и нача полнитися, сице плодитеся и роститеся и умножите землю, о сиротах и о вдовицах всякое попечение имейте и пекитеся велми, то будите наследницы царствия небеснаго». Лисица упрекает кура в ненависти к «брату своему», в том, что и к ней, голодной, у него не было жалости, когда он помешал ей украсть у крестьянина курицу. Кур и евангелием и пословицей оправдывается: «и во святом евангелисте пишет: не может раб двема господином работать...» Он просит лису о помиловании, вспоминая и заповеди блаженства, и апостола Петра, и царя Давида. Наконец, в виде последнего аргумента, он зовет лису на службу к Крутицкому митрополиту «в просвирни»: «тебе будет добро кануны молить, госпожа моя, сладкия, а просвиры мяхкия, а приходу очень много». Но лиса не поддается на соблазн: «тако сконча живот куру», печально заканчивается повесть.

С точки зрения официального православия XVI—XVII в. была недопустима такая трактовка религиозных вопросов, какую мы находим в этой схеме повести о куре и лисице. Образ исповедницы, которая зовет к покаянию, убеждает словами св. писания и в то же время таит замысел, ничего общего с этим не имеющий, — так же противоречит христианскому понятию об исповеди, как и кур, евангельскими заветами оправдывающий

свое многоженство. Оба героя формально отстаивают свои позиции, и читателю ясно, что автор этим приемом вскрывает глубокое противоречие между теорией, которую оба собеседника берут из одного источника — св. писания, — и их житейской практикой, очень далекой от этих заветов. С другой стороны, автор косвенно задевает и самую теорию, дающую материал для таких двусмысленных толкований, какими полна наша повесть.

В повести о куре и лисице нет, конечно, прямого отрицания исповеди и идеи аскетизма, но очень тонко показана вся внутренняя фальшь представителей официального благочестия. Оба собеседника, аргументируя от св. писания, толкуют его не по существу, а исключительно формально. Особенную ловкость в этом отношении обнаруживает кур, парируя упрек в многоженстве. Ни в какой явной ереси читатели не могли уличить автора повести, но «смехотворная» трактовка вопросов, связанных с идеей о покаянии, о благочестивой жизни, лживый образ исповедницы — все это рисует нам автора как человека, затронутого тем «вольномыслием», которое допускало критическое отношение, если не к религиозной теории, то, по крайней мере, к ее практике. Возражений по существу против самой исповеди наш автор не делает, но исповедника он изображает явно издевательски. Никакого привычного пиэтета к представителю высшей церковной иерархии не чувствуется и в заключительном эпизоде повести: приглашение на службу к Крутицкому митрополиту, соблазн «канунами сладкими и просвирами мяхкими» — все это выполнено в тонах тех «смехотворных писем», о которых с таким презрением говорит Иван Бегичев, подчеркивающий свое правоверие.

Существовала ли в первые десятилетия XVII в., когда, судя по словам Бегичева, должна была уже сложиться повесть о куре и лисице, благоприятная обстановка для развития такого «вольномыслия», какое отражается в нашей повести?

Конечно, значительная часть консервативных общественных групп продолжала в религиозной сфере держаться еще прочно старого порядка. Вспомним хотя бы для примера судьбу архимандрита Дионисия, Арсения Глухого и священника Ивана Наседки, правивших текст Потребника и исключивших в молитве на водоосвящение слова «и огнем»: их пытают, заключают в темницу, обвиняя в том, что они хотели «вывести огонь из мира». Арсений Глухой метко характеризует сущность мировоззрения

своих обвинителей: «неискусившиеся смотрят только на строку и на буквальную речь и рассуждают: это так, оказывается же не так... они божественные писания по чернилу проходят, смысла же писаний не стараются уразуметь».[1]

Но такое формальное отношение к церковно-религиозным вопросам не было уже в XVII в. всеобщим. Религиозное «вольномыслие», хотя и не в форме резко выраженных ересей, т. е. полного отрицания внешней обрядовой стороны религии, как мы видим это в XVI в. (Феодосий Косой, Башкин, позже кн. Хворостинин), но все же в форме более свободного отношения к вопросам обрядности, захватывает в XVII в. целые группы и именно те, которые и политически были прогрессивными для своего, конечно, времени. Известно, напр., как равнодушно отнеслись московские служилые круги к вопросу о перемене веры королевичем Владиславом, кандидатом на московский престол. Упадок почтения к старой обрядности именно среди служилых людей отмечает в 1622 г. патриарх Филарет, когда он пишет с упреком Киприану, архиепископу Сибирскому и Тобольскому: «в сибирских городах служилые и тамошние люди живут не по-христиански, не по преданиям св. апостолов и св. отцев, а по своим скверным похотям. Многие русские люди... крестов на себе не носят и постных дней не хранят, пьют и едят и всякие скаредные дела делают вместе с бусурманами».[2] Среди этих служилых людей, как говорит далее грамота, было много приезжих из Москвы.

В атмосфере таких настроений по отношению к вопросам церковной обрядности возникали и новые литературные потребности, создавалась литература, по-новому трактовавшая старые вопросы. Достаточно вспомнить хотя бы для примера повесть о бражнике, в XVII в. уже занесенную в индекс книг истинных и ложных среди запрещенных сочинений.[3] Подобно героям повести о куре и лисице, бражник пользуется текстами св. писания «смехотворным» образом: защищая себя, он по очереди оспаривает право на пребывание в раю апостолов, святых, ловко приспособляя для своей цели различные эпизоды из их жизни,

---

[1] Макарий. История русской церкви, т. X, стр. 184, 189.

[2] Макарий. История русской церкви, т. XI, стр. 36.

[3] А. Пыпин. Для объяснения статьи о ложных книгах. Летопись зан. Археогр. ком., вып. 1, 1861, СПб., 1862, стр. 39 — ркп. б. Румянцевского музея, № 362, XVII в.

зафиксированные в ветхом завете, евангелии или житиях святых. В итоге все отходят посрамленные, а бражник садится в раю на лучшем месте и издевается над святыми, изумленными такой дерзостью: «святи отци, не умеете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым».[1]

Хотя эта повесть, повидимому, не оригинальная, а занесена к нам с Запада,[2] но самый факт усвоения ее русской средой в это время говорит о наличии подходящих условий для подобного заимствования в идеологии какой-то части русского читающего общества. Это и была именно та, зараженная «вольномыслием», часть, которая допускала критику разных сторон существующего строя, в том числе и стороны церковной. Трудно связать это течение русской общественной мысли первых десятилетий XVII в. с каким-либо одним классом: вольнодумцы выходили из разных социальных слоев, но по преимуществу в данную эпоху им были заражены, видимо, средние служилые элементы, борющиеся за первенство значения с высшим боярством, с остатками уже сильно разгромленной к этой поре крупной землевладельческой знати. Близко столкнувшись во время войны начала XVII в. с пришлыми иноземцами, они через них получают знакомство с новыми явлениями западной жизни вообще и, в частности, жизни литературной. Через этих иноземцев, возможно, дошел до русского читателя западный анекдот о крестьянине или мельнике, препирающемся у дверей рая со святыми, которые его туда не пускают. Найдя отклик в мировоззрении русского читателя этого времени, анекдот был переработан им: героем — в противовес ортодоксальной литературе против пьяниц — сделан был торжествующий пьяница; официальная церковь повторяла в это время на все лады, что «пьяницы царствия божия не наследят», а бражник не только входит в рай, но даже занимает в нем лучшее место и делает это, опираясь на «смехотворное» толкование св. писания.

Как видим, общее направление повести о бражнике совпадает с повестью о куре и лисице: обе повести — сатиры на формальное благочестие, везде — прием один и тот же: смелое обращение

[1] Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевым-Безбородко, СПб., 1860, вып. II, стр. 477—478.

[2] А. Веселовский. История русской словесности А. Галахова, изд. 2, СПб., 1880, стр. 498—500 и М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, 1924, стр. 243.

с авторитетом св. писания, издевательство над представителями официального благочестия. Даже форма диалога с однообразными, связывающими его части, фразами обща обеим повестям.

Если анекдот о бражнике был своеобразной переработкой западного источника, то и для повести о куре и лисице мы можем указать тот круг литературных образцов, которыми была навеяна, вероятно, самая форма повести. В 1607 г. переводится с польского языка Гозвинским сборник басен Эзопа (см. ркп. Гос. Публ. библ. им Салтыкова-Щедрина F. XIV. 5). Здесь в числе 14 басен о лисице и 4 о петухе есть басня, схема которой и даже некоторые детали напоминают повесть о куре и лисице: это басня «о коте и алектрионе». В роли обличителя петуха в басне является кот, который, как лисица в повести, укоряет петуха за многоженство. На все оправдания петуха в басне кот отвечает: «Но аще ты многи благообразныя собираеши ответы, аз же гладен сый и не жду сего. И тако снеде его». В параллель этому, повесть заканчивается следующими словами: «Ты на то надеешися, что грамоте горазд и отвещати умееш, и тем тебе не отговоритися, повинен ты еси смерти... я теперь сама голодна, хочу я тебя скушать... и тако сконча живот куру» (Забелин, № 536).

Это сходство построения охватывает все варианты прозаической повести. Конечно, в оригинале XVII в. повесть напоминает басню лишь общим замыслом — сделать героев зверями и изобразить кура обвиняемым в грехах: идейная направленность повести и продиктованное ею словесное оформление диалога кура и лисицы отличаются от басенного стиля. Сообразно с замыслом — изобразить лису исповедницей, особой духовного звания, ее язык особенно насыщен старой литературной традицией. Восхваляя голос кура, она говорит: «коли запоеш, аки в трубу златокованную затрубиш» (Забелин, № 536 и др.), как в Молении Даниила Заточника — «Вострубим яко во злато-кованыя трубы».[1] Ставя куру в заслугу то, что он будит людей от сна, лисица повторяет отмеченный мною выше отрывок из русского поучения «к ленивым и не хотящим делати», встречающегося в составе поздней редакции Измарагда XVI—XVII вв.

---

[1] Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам, Л., 1932, стр. 4.

и отдельно в сборниках среди повестей (см. ркп. Библ. им. Ленина, № 363):

| Забелин, № 536 | Поучение [Пам. древне-русск. церковно-учит. лит. вып. III, СПб., 1897, 93—94.] |
|---|---|
| Помнишь ли ты, чадо, как во святых книгах пишет: не долго спите и не долго лежите, вставайте рано, молитеся богу, да не внидете в напасть. Також и в притчах глаголет: много лежать, добра не добыть, горя не избыть, чести и славы не нажить, красных риз не носить, медовые чаши не пить, слаткого куса не есть, умному не быть, в дому господину не слыть, власти не видать, князям милу не быть. | Не долго спите, не долго лежите, вставайте рано, ложитеся поздо, молитеся богу, да не внидите в напасть, яко же рече господь. Лежа добра не видати, а горя не избыти, и спасение не получити, бога не умолити и грехов не очистити, чести и славы не получити, цветных риз не нашивати, медвеного пития не пивати и сладкого брашна не ядати. Безумному и ленивому и невостанливому добрым мужем не слывати, и господином в дому не бывати и во власти себе не видати, к богу и ко князю и к государю милым не бывати. |

Ссылками на св. писание пестрят и обличения кура в грехах. Да и сам кур, оправдывающий себя, вставляет в свою речь немало этих цитат и даже в лирических мольбах о пощаде не миновал литературной реминисценции: словами князя Глеба, обращенными к его убийцам (во всех пространных житиях), он просит лисицу: «не отжени класу неозрелова, не пролей крови неповинныя напрасно» — ср. в житии: «не пожнете класа несозрела, аще ли прольяти кровь мою хощете».[1]

Но рядом с этим, как только тема приближается к бытовым мотивам, автор переходит на разговорную речь. В таком стиле выдержан и рассказ лисицы о злоключениях ее во время голода, и приглашение ее к Крутицкому митрополиту в просвирни. Есть в этой разговорной речи и элементы устной поэтической традиции, вроде выражений — «сахарные уста», «Не сули журавля в небе, дай синицу в руки» (ср. пословицы в сборнике б. Петр. Гал., № 517 — Библ. Акад. Наук), «По которой реке плыть, по той и славу творить» (Симони, 1, № 2020), но вообще

---

[1] С. Бугославський. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба, Киев, 1928, стр. 12.

то обстоятельство, что повесть дошла до нас только в списках XVIII в., очень затрудняет детальный стилистический анализ ее. Без особой натяжки к оригиналу XVII в. мы имеем право отнести те чтения, которые согласно повторяют все списки прозаической редакции, а иногда даже и стихотворной и смешанной, в более или менее исправном виде. Что же касается индивидуальных особенностей отдельных списков, то следует с большой осторожностью отнестись к вопросу о древности их. Однако, если даже исключить эти возможно поздние добавления, все же нельзя не заметить, что оригинал повести о куре и лисице уже при самом своем создании оформился, так сказать, в двух планах: все то, что раскрывало основной замысел автора — насмешку над представителями официального благочестия — изложено в старой литературной манере, с неизбежной цитацией авторитетных источников, с сохранением старого книжного языка; все бытовые детали повести передаются живой разговорной речью, с характерными для XVII в. элементами устно-поэтического языка.

Автор повести был, видимо, москвич, как об этом свидетельствует эпизод с приглашением петуха в певчие, а лисицы в просвирни к Крутицкому архиерею. При Крутицком митрополичьем доме в Москве в XVII в. существовала специальная певческая школа[1], о чем наш автор, очевидно, хорошо знает. Однако, зная, как широко охватило в XVII в. «вольномыслие», отразившееся в повести, самые разнообразные слои московского общества, мы не вправе определеннее решать вопрос, из какой среды вышел этот автор-москвич, тем более, что в языке повести нет тех специфических особенностей, которые иногда сами по себе уже помогают определить социальное происхождение неизвестного автора.

Гадать, почему от XVII в. мы не имеем ни одного списка повести о куре и лисице, трудно. Возможно, что слишком сильно было еще в это время сопротивление консервативного большинства подобной литературе. Иван Бегичев, представитель традиционного мировоззрения, говорит о нашей повести как о низшем сорте литературы, недостойном внимания серьезного читателя. И повесть о бражнике очень редко встречается в списках XVII в. Обе повести, видимо, прятались где-то в любительских сборниках и выплыли тогда, когда первоначальная острота их замысла была

[1] И. Забелин. Материалы для истории и археологии г. Москвы, ч. I, стр. 852; ч. II, стр. 727.

забыта, и сами они стали рассматриваться как занимательное чтение. С историей повести о куре и лисице в этот период, т. е. в XVIII в., мы знакомимся уже по определенному письменному, а позже и печатному материалу.

Списки прозаической редакции повести о куре и лисице, сохраняя фабулу, стилистически сравнительно свободно передают текст старой повести. Те изменения, какие мы в них наблюдаем, клонятся обычно к еще большему приближению языка к живой разговорной речи, к усилению занимательности повести, а не ее сатирического замысла. Отсюда украшение речи новыми пословицами, которые варииируются по отдельным спискам — см. в списке Забелина № 536 — «одному господину служить, а другому не грубить» добавлено к обычному книжному аргументу, повторяющемуся во всех списках, «не может раб двема господином работать» (ср. пословицу «другу дружи, а другому не груби», Пословицы 1779 г. Библ. Акад. Наук УССР); или «не сули мне в год, сули в рот», отвечает лисица на обещание платить ей каждый год оброк — в стиле поговорочного выражения, вариант которого читаем в тексте Кабацкого праздника: «люди в рот, а ты глот».

В списке Государственного Исторического музея № 669 прибауточная речь пробивается особенно заметно. «Я-то такова, что растовская дуда», говорит здесь о себе лисица, совсем не в духе первоначального замысла, согласно которому она была «преподобная мати-лисица»; окончание повести в этом списке переработано в стиле специфически сказочной прибауточной концовки: «Петуху вечная память, попу корова, дьячку кувшин браги, а просвирни кувшин молока, а пономарю книга, а кто прочитал, тому сто рублев в мошну, а хто слушал, тому по колачу, а кто не мешал, тому ничево» (аналогичное окончание имеем в смешанной редакции в списке Забелина, № 536) — ср. сказочные концовки: «Рассказчику сказку, а мне кринку масла, тебе камешек, а мне денежек мешок», «тебе сказка, а мне кренделей связка, тебе уголек, а мне денег уголок, тебе курица, а мне денег улица», «вот тебе сказка, а мне кринка масла»,[1] «тем сказке конец, а мне водочки корец», «сказке конец, а мне меду корец».[2]

---

[1] А. Смирнов. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества, т. I, стр. 452, 471, 480.

[2] А. Афанасьев. Народные русские сказки, изд. 3, т. I, стр. 10; т. II, стр. 129—365.

Наконец, в начале XIX в. повесть о куре и лисице в прозаической редакции сливается в сознании читателей с юмористическим «Делом о побеге ис Пушкарских улиц петуха от куриц» (см. ркп. Библ. им. Ленина № 3086, серед. XVIII в.). Упрек кура в многоженстве, из которого уже выпало в списке Государственного Исторического музея № 3215 центральное место старого текста — цитата о церковном отношении к повторным бракам, — читается в этом позднем списке так: «Держиш ты у себя по 30 и по 40 кур и болши, да при том же есть о тебе о каяном и дело о побеге твоих (вм. твоем) из Пушкарских улиц», затем следует обвинение кура в том, что он охотник до чужих жен, а тот, оправдываясь, дает даже точную цитату из этого «Дела», наивно соединяя ее с оправданием, взятым из старой повести: «писано есть, роститеся, множитеся и наполните землю, а хотя ли чужих кур и топчу, что они мне пошли повиныи, а домашния стали противны» — ср. в допросе петуха в «Деле»: «что они мне повинны, а домашние куры стали противны».

## 3

Наиболее полно сохранивши свою первоначальную форму в прозаических списках XVIII в., повесть о куре и лисице положила начало и другому литературному памятнику XVIII в., который сохранил от старой повести только общую схему, ряд отдельных выражений, но в целом обработал этот сюжет совсем по-новому. Судя по тому, что уже в списке первой четверти XVIII в. мы имеем довольно неумелое сокращение этой стихотворной обработки, соединенной с прозаическим старым текстом, надо думать, что самая стихотворная редакция возникла не позже начала XVIII в.

В новой литературной обработке XVIII в. со старой повестью совпадает последовательность рассказа во второй части — лисица уговаривает кура спуститься на землю и покаяться ей в грехах; кур, убежденный, слетает с дерева и попадает к ней в лапы, затем начинается диалог: лисица упрекает кура за многоженство, за ненависть к брату своему, вспоминает, как он обидел ее у крестьянина, и после неудачных попыток кура оправдаться лиса съедает его. Последний эпизод — приглашение к Крутицкому митрополиту — исключен совершенно. В этой части стихотворной редакции изредка встречаются такие стилистические совпа-

дения с прозаической повестью, которые не оставляют сомнени в источнике первой, но они тонут в новом, значительно расширенном и измененном изложении той же схемы. Вся же первая половина стихотворной обработки является совершенно новой, по сравнению с повестью XVII в.: подробная мотивировка ухода кура в пустыню, диалог кура и лисицы, где оба собеседника стремятся перехитрить друг друга — кур добивается узнать имя лисицы, она всячески уклоняется от этого. Наконец, настойчивость кура одолевает, лисица произносит свое имя, и тогда начинает развиваться вторая часть их диалога — кур отказывается под разными предлогами спуститься и в этом диалоге создается совершенно новая ситуация: из обвиняемого кур превращается в обвинителя, который перечисляет лисице ее вины, а она рассказывает ему фантастическую историю о том, как она приходит по ночам к нашестям, чтобы унести к себе «заскорбевших» кур, описывает их привольную жизнь в ее доме на покаянии и предлагает куру пойти к ней и лично в этом убедиться. Все это изложено многословно, с обилием бытовых подробностей, среди которых совершенно теряется первоначальный замысел повести, та игра аргументами из св. писания, в которой заключается вся острота прозаической версии. Из сатиры с определенной направленностью автор XVIII в. сделал просто занимательную повесть, примыкающую к обширному циклу аналогичных памятников массовой литературы XVIII в.[1]

В XVIII в. в тех общественных группах, которые и создавали и читали рукописную «занимательную» литературу, потеряли свою остроту те споры о букве церковного закона, которые в большей или меньшей степени заполняют весь XVII в., а вместе с тем и в повести о куре и лисице выдвинулось на первый план состязание в хитрости. Отсюда расширение диалога, увеличение числа уверток, с помощью которых лиса старается доказать, что она «праведная духовница», нагромождение таких бытовых подробностей, где прежний способ аргументации оказался совер-

---

[1] В одном из списков стихотворной редакции (Гос. Публ. библ. Q. XIV. 27) отголосок этой забавной литературы выплывает неожиданно, когда лисица описывает все прелести пребывания у нее кур: «а едят толко одно толокно, а поставлена чаша соловецка, а пьют про здоровье молодецко» — ср. встречающийся в списках XVIII в. (см. Гос. Публ. библ. О. XVII. 57) рифмованный стих под заглавием «Чаша моря Соловецкова»: «Чяша моря Соловецкова пить для здравия молодецкова» и т. д.

шенно не нужен. В этих новых подробностях затерялось основное ядро повести, и сама она в сознании читателя стала, как показывает заглавие одного из списков, историей о «куриозных действиях кура и лисицы»: очевидно, этот читатель воспринял новую обработку старого сюжета, как те забавные истории и анекдоты, которыми изобилуют сборники, начиная с половины XVIII в.

Подобные сборники, как мы видим из записей их владельцев, вращались по преимуществу среди разночинной и мелкобуржуазной интеллигенции, которая, в отличие от интеллигенции дворянской, имела свою литературу. Бывшие школьники Славяно-греко-латинской академии, канцеляристы и копиисты, а иногда и грамотные дворовые люди, младшие воинские чины были и авторами и читателями этой литературы, по преимуществу занимательной, очень слабо, а иногда и совсем не окрашенной элементами социальной сатиры.

Стихотворная обработка повести о куре и лисице дала, подобно этой литературе, и занимательность сюжета, и излюбленную рифмованную прозу — так как правильным стихом нельзя назвать неравносложные строчки «истории», и язык, довольно сильно славянизированный, но не столько в лексике, сколько в морфологии и фонетике, а потому и нетрудный для понимания человека с средней начитанностью. На ряду с элементами старой литературной речи, в бытовых эпизодах применяется образный разговорный язык. И в этом отношении стихотворная «история о куре и лисице» идет в колее, привычной для читателя того времени.

В рукописной традиции стихотворный текст повести сохраняется довольно устойчиво: видимо, самая стихотворная форма в данном случае несколько сдерживала переписчиков, и варианты ограничиваются большей частью пропусками или вставками отдельных слов, изредка незначительными изменениями отдельных выражений или рифм. В этих вариантах никакой планомерности отметить нельзя. Но дальнейшая судьба этой стихотворной редакции чрезвычайно ярко показывает разницу условий, в которых бытовала в XVIII в. рукописная и печатная литература.

Занимательная повесть, с установкой на «смехотворность» сюжета, а не поучительность его, в рукописных текстах смело пользуется, как одним из приемов достижения комического эф-

фекта, неуместными в устах наших героев цитатами из св. писания. Эти цитаты не объединяются, как в прозаической повести, одним замыслом — подчеркнуть формальный способ их истолкования, — но они разбросаны по всему тексту, когда лиса особенно выдвигает свою роль исповедницы и переходит к обличению, а кур скорбит о своих грехах. В отрывках бытового характера эти цитаты исчезают. В рукописной традиции эти цитаты держатся прочно и мирно уживаются, вплоть до конца века, рядом с выражениеми типа — «а что тебе сказал некоторы бес толко дуброву да лес» и т. п. Но в 1790 г. издатель печатного сборника «Старичок-Весельчак», самое заглавие которого показывает цель подобного издания, задумал ввести туда и стихотворную повесть о куре и лисице. Первое впечатление, что печатный текст — это тот же рукописный, только несколько сокращенный. Однако, если мы вглядимся в эти сокращения, то увидим, что цель их далеко не всегда ограничивается устранением излишних длиннот: планомерность исключения отдельных мест выступает вполне отчетливо, и за ней ясно видны те требования, которые предъявлялись к печатным изданиям еще до учреждения постоянной цензуры.

До 1796 г., когда возникла цензура как специальное учреждение, уже существовали правительственные указы, регулировавшие право издания книг. Так, в 1771 г. Гартунгу было разрешено печатать книги, «кои непредосудительны ни христианским законам, ни правительству, ниже добронравию».[1] В 1783 г. это свидетельствование книг, печатающихся в частных типографиях, было возложено на Управу благочиния, «с наблюдением», чтобы ничего в них противного законам божиим и гражданским или же к явным соблазнам клонящегося издаваемо не было» Что же выбросил из рукописной повести издатель, руководствуясь этими правилами? Он исключил не только все цитаты из св. писания, но даже и все места, слишком ясно говорящие о церковных сюжетах: упоминания о даре пророчества у лисицы, обещание, что кур после покаяния окажется «со святыми в небе»; рассказ лисы о том, как она молилась богу за куровы грехи; обещание не связать его «никакою епитимиею», молитву кура,

---

[1] В. Н. Рогожин. Материалы для русской библиографии XVIII и первой четверти XIX вв., т. I. Дела московской цензуры в царствование Павла I, вып. 1, 1797 г. СПб., 1903, стр. V—VII, Сб. ОРЯС Акад. Наук, т. 72.

хотя и не церковными словами выраженную, когда он узнал об имени своей исповедницы; ответ лисы на эти молитвы; ее рассказ о своей благочестивой жизни, проходящей в посте и молитвах; просьбу кура принести «потрахель, ризы и свещи»; указание на то, что куры живут у лисицы «в епитимьях», что они «пребывают по бозе в воздержании мнозе»; угрозу куру — «достоин ты и с телом во ад снити»; слова лисицы «я вить, курушка, не поп, а не исповедает тя так и протопоп», даже вместо слов «бога боялся» в Старичке-Весельчаке читаем — «правды боялся». Только один раз — в форме общего суждения без прямого применения его к героям повести — сохранилось благочестивое размышление лисицы: «погубит господь глаголющих неправду конечно и вринет во ад вечно».

В порядке такой чистки рукописной повести из нее были изгнаны и те немногие остатки старой сатиры XVII в., которые все-таки еще смутно напоминают о первоначальном замысле в рукописной стихотворной повести. Для печатного издания «смехотворное» применение текстов из св. писания и вообще смелое и фамильярное обращение с церковными предметами, которое так характерно для рукописной литературы XVII и XVIII вв., оказалось совершенно неприемлемым. Это и вполне естественно, так как цензурные требования устанавливались командующей верхушкой, для которой в XVIII в., как и в XVII в., церковь и все связанное с ней было органическим элементом государственного порядка.

От той же стихотворной рукописной версии повести о куре и лисице, от которой идет печатный текст Старичка-Весельчака, но совершенно независимо от него, пошли лубочные издания, дающие повесть далеко не полностью, а лишь в виде небольших надписей к картинкам, иллюстрирующим отдельные моменты рассказа — таких отрывков взято 6.[1] В этих надписях, как и в тексте Старичка-Весельчака, исключены все церковные мотивы, конечно, по тем же основаниям, хотя и много раньше, чем в последнем.

На одном примере покажу, что Ровинский был неправ, выводя лубочный текст из текста Старичка-Весельчака (там же, кн. IV, стр. 199—201):

---

[1] Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. I, СПб., 1881, стр. 272—274.

| Q. XIV. 27 | Лубочный текст | Старичок-Весельчак |
|---|---|---|
| Кур же внезапной той смерти ужасеся и, воспомянув смертны час, потрясеся, дабы и сам незапно не умер тако. И о сем плакася размышляше всяко. И в такой скорби и печали вышел на улицу погуляти, како бы хотя малу отраду прияти. И хотя разумом своим размышляше и сердцем тяшко воздыхаше. | Кур же от незапныя тоя смерти ужасеся и, воспомянув смерть, от страха потрясеся, негли и сам незапно умрет. Тако ему о сем размышляюще всяко, и в такой печали вышел на улицу погулять, как бы ему отраду принять и сам себе проклиная, еже много злая содевая и ходя размышляше и сердцем тяжко воздыхаше. (Ровинский I, 273.) | Кур от сего ужасеся, вспомнил смертный час и от страха потрясеся, чтоб самому так не умереть незапно, плакал о сем и размышлял опасно, потом вышел погулять, хотя б малу отраду тем восприять. |

## 4

Существуя в рукописных сборниках XVIII в. рядом, прозаическая и стихотворная редакции повести о куре и лисице рассматривались, видимо, читателями, как близкие, но все же разные, сочинения: в сборнике Забелина № 536 мы читаем три версии повести. В результате создались смешанные тексты, объединяющие более или менее удачно эти разновидности.

Первый список такого смешанного типа дает сборник Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 57, первой четверти XVIII в.: в первой части он передает с большими сокращениями, но все же с сохранением целых стихов и выражений, стихотворную редакцию, а затем, начиная с оправдания куром своего многоженства, переходит к прозаической версии, к которой в конце добавляет еще новую подробность — кур просится отпустить его в монастырь. Этот эпизод, составляющий индивидуальную особенность данного списка, изложен рифмованными строками, в стиле стихотворной редакции. Что мы имеем в данном случае не прототип стихотворной редакции, а ее неудачное сокращение, видно из нескольких мест, непонятных без разъяснений полного текста. Напр., совершенно неожиданно и необоснованно лисица говорит куру, добивающемуся узнать ее имя: «тебя же вижу спасенна, пророчествия дару сподобленна», — тогда как на самом деле кур, удивленный тем, что неизвестный зверь называет его по имени, обращается с этими словами к лисице. Ниже лисица, рассказывая о своей благочестивой жизни, правильно относит эти слова к себе:

«аз есмь давно в пустыни скитатися стала и пророчествия дар прияла». Очевидно, первая ошибка произошла от неудачного сокращения диалога. Таким образом мы действительно имеем в данном списке результат слияния двух редакций — факт любопытный особенно потому, что список датируется первой четвертью XVIII в., когда, следовательно, и стихотворная редакция была уже налицо.

Другой более интересный вариант смешанного типа дает сборник Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 17, второй половины XVIII в. Он изложен прозой, прерываемой иногда рифмованными строками, и в целом дает несколько распространенный и стилистически украшенный пересказ прозаической редакции, в которую вставлен в очень кратком виде диалог кура и лисицы по поводу ее имени. Этот диалог также передан прозой, но отдельные выражения указывают на стихотворную редакцию как на источник его. «Роща татарская» нашего списка заменяет «дуброву зелену» стихотворной редакции; «посла мя господь бог тебя увещати и призывати к покаянию» — ср. «бог мною тя призывает» в стихотворном тексте; «имени твоего не допытаюся... научи тя именем нарицати» — кратко передается в прозаическом списке: «повеждь ми о имени твоем»; стихотворный титул лисицы — «по божией благодати лисица, преподобная мати, старая красная девица» — передан: «преподобная и убогая, кроткая и смирная вдовица, чернобурая лисица». Льстивая речь кура к лисице — «сладкая и красная беседа твоя меня удивляет... и зело умиляет» — сохранена, хотя и в пересказе: «таковыя умилныя и прелесныя словеса мне предлагая вещаеши, что аз таковых словес, как и родился, не слыхал». Размышления кура о том, почему лисица так усердно приглашает его на землю — «а ведает, что лисицы кур едят охотно, того ради созывает его доброхотно» — в смешанном тексте обратились в прямую речь: «на землю с сего древа приглашаеши, и снити ми повелеваеши. Но лисица обыкла нашею братьею курами питатся». В стихотворной редакции лисица опровергает это обвинение — «и не точию, что мясных снедей снедаю» и далее подробно описывает свое воздержание; в списке О. XVII. 17 это передано кратко: «давно никакова я мяса не ем» и т. д.

Число этих примеров можно увеличить, но и они показывают, что, свободно обращаясь со стилистикой своего оригинала,

наш редактор все же сохраняет основные мотивы вставленного им диалога. Обрабатывая прозаическую версию, он также обнаруживает свой литературный вкус: стремление к напыщенной, приподнятой речи, некоторый гиперболизм выражений, любовь к нагромождению эпитетов, синонимов, усиливающих впечатление. Уже в начале текста у него появляются замысловатые эпитеты, вроде «преизпрещренный», «сладкоперистый», «громковоспеваемый» и т. д., даже обычное имя кур сопровождается славянским пояснением — петел. Похвала курову голосу принимает явно гиперболический вид: от него «беси опровергаются, а еретики исчезают, небо и земля радуются и веселятся, реки восплещут, горы возыграют». Кур отвечает в таком же приподнятом тоне: таких «прелесных словес», как от лисицы, он не слыхал «от отца, деда и прадеда своих»; к обычному «возопил великим гласом» наш редактор для усиления добавляет: «закрычал, закултыхал»; лисица наделяет кура подряд следующими эпитетами: «блудник б....н сын, вор, мошенник, плут, разбойник, супостат и разоритель мой». В связи с общим стремлением несколько приподнять речь, добавляется ряд длинных цитат из св. писания.

В этом же тексте наблюдаются следы как бы вторичных добавлений из басен. Новая деталь в речи кура, оправдывающего свое многоженство, — «много жен содержал, чтобы более у мене детей плодилося и множилося и пищею нами и детми моими и яицы люди доволствовались неоскудно» — напоминает в басне «о коте и алектрионе» (перевод Гозвинского) слова петуха по тому же поводу: «и сие на ползу своим господием и владыкам творити глаголаше, и ради сего многия яицы родятся». В XVIII в. эту басню знали не только по первому переводу Гозвинского, но и по сборнику «Зрелище жития человеческого», переведенному в 1674 г. (см. ркп. Гос. Публ. библ. Софийск. 1496, л. 40 об.). Другая новая деталь, вошедшая в данный список повести, сближает ее с басней «Тати и петел», известной в переводе басен Эзопа 1700 г. Восхваляя голос кура, лисица говорит в этом варианте повести: «воры и мошенники трепетны бывают и велми ужасаются, чтобы им пойманным не быти, и в твое куроглашение от воровства устраняются» — в соответствии с названной басней, где воры уносят кура и ставят ему в вину то, что он мешал воровать. Для XVIII в. такое хорошее знакомство с баснями засвидетельствовано переделками их сюжетов в рифмованные

жарты,[1] воспоминаниями современников, которые указывают на басни Эзопа как на учебную книгу, применявшуюся при преподавании французского языка.[2]

В противоположность всему тексту повести, значительно олитературенному в данном списке, конец, где добавлен совершенно новый эпизод, резко выделяется своей разговорной речью, пересыпанной бранными выражениями. Этот конец для нас особенно любопытен тем, что он целиком усвоен был устной сказкой. Вместо обычной трагической развязки в этом варианте мы имеем комическую: лисица, заслушавшись речей петуха о прелестях жизни просвирни, «ослабила кохти», кур взлетел на дерево и оттуда издевается над лисицыной неудачей, а она, посрамленная, уходит в лес. Возможно, что и этот новый эпизод возник не без влияния басенной традиции, где лиса часто оказывается одураченной. Об этом эпизоде подробнее речь будет ниже при анализе устных сказок. Конечно, не данный именно список лег в их основу, но тот тип, к которому он принадлежит. И этот тип ясно подчеркивает ту линию, по которой пошло в XVIII в. развитие повести о куре и лисице: эта линия— усиление занимательности сюжета.

В том же направлении переработан третий смешанный список повести (Забелина, № 536, л. 261). Этот текст в первой части очень кратко прозой резюмирует начало стихотворной редакции, но в остальном идет за прозаической повестью, расцвечивая ее новыми подробностями. Уже в заглавии лиса получает новое отчество — «Захарьевна», чем сразу приближается к сказочному типу лисы. По образцу рассказа о ночном визите лисы в курятник построен в этом варианте новый эпизод: лиса укоряет кура в том, что он выдал своим криком ее приятеля волка, когда тому захотелось «нутром боранинки или поросятинки, и он пошел бедной в деревню х крестьянину на двор». Как и предыдущий вариант, этот список заканчивается сказочной прибауткой: «Куру смерть, лисе слава, дьякону сала, попу корова, дьячкам желвак, понамарю болеток, просвирне курок и всему тому конец». Как видим, эти смешанные списки представляют как бы переходную ступень к устным вариантам повести, приближаясь к ним отдельными приемами сказа.

[1] В. Адрианова-Перетц. Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII в. Изв. РЯС, 1930, кн. II.

[2] Записки А. Т. Болотова, т. I, СПб., 1875, стр. 110.

## 5

В устной традиции наша сказка бытует по преимуществу на Севере, где последние записи ее сделаны в 1928 г., но встречается и в средней полосе, а небольшой отрывок записан и в б. Харьковской губ. Изданы следующие сказки:

1. А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, изд. 3-е, М., 1897, т. I, № 4, варианты a, b, c — из Пермской и Калужской губ.

2. Н. Е. Ончуков. Северные сказки, СПб., 1908, стр. 51.

3. А. М. Смирнов. Великорусские сказки Архива Русского географического общества, Т. II, Пгр., 1917, стр. 756 — из Пермской губ.

4. А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, изд. 2-е, СПб., 1894, т. I, стр. 212 (то же переизд. А. И. Соболевский. Великорусские песни, т. VII, СПб., 1902, стр. 404).

5. О. Э. Озаровская. Бабушкины старины, изд. 2-е, М., 1921, стр. 112.

6. Сказки и песни Переяславль-Залесского уезда, М., 1922, стр. 97.

7. М. Драгоманов. Малорусские народные предания и рассказы, Киев, 1876, стр. 363.

Кроме этих напечатанных текстов, две записи из Мезенского уезда б. Архангельской губ., сделанные в деревне Палащелье в 1928 г. А. И. Никифоровым, были любезно предоставлены мнѐ для настоящей работы собирателем, за что приношу ему искреннюю благодарность.

Отсутствие исследований о литературной повести о куре и лисице в свое время привело к тому, что изучавшие устную сказку с тем же сюжетом запутались в параллелях к ней и пришли к совершенно фантастическим выводам о ее происхождении и дальнейшей судьбе на русской почве. Минуя совсем необоснованное мнение о популярности сказки во «времена летописца Нестора», так как де в одном из списков Пчелы есть изречение: «не красен позор лисица в курятех, того же нестройнея учитель неподобен», я остановлюсь лишь на характеристике сказок о петухе и лисице в специальных работах по истории животного эпоса.[1]

---

[1] Краткие замечания о сказке Сахарова (Русские народные сказки) и Афанасьева (Русские народные сказки, т. I) изложены в книге В. Боб-

Л. Колмачевский в книге «Животный эпос на Западе и у славян» (Казань, 1882, стр. 93—110), привлекая варианты сказки о куре и лисице, помещенные у Афанасьева и Драгоманова, считает их «занесенными прямо с Запада» (стр. 101), отмечая лишь, что «в русских вариантах, сравнительно с западными, более резко выделяется сатирический элемент, являющийся с архиерейскими пирами, духовными должностями и т. п., понятно, местным наслоением» (там же). В основе русских вариантов Колмачевский предполагает общий источник с грузинской версией, указывая в то же время, что на них «в известной мере повлияла баснь о коте и петухе, проникшая на Русь при посредстве Византии» (стр. 103). Зависимость русских сказок от западных версий мотивируется и тем, что в них петух появляется на высоком дереве или на дубу (стр. 104 — тот же мотив есть и в баснях Эзопа. *В. П.*). Заключительный вывод Колмачевского — «следует поставить славянские сказки в прямой зависимости от литературных обработок животного эпоса на Западе» (стр. 110) — остается совершенно необоснованным, так как автор рассматривает поздние записи сказок вне всякой связи их с литературными русскими обработками того же сюжета. Не выделив основного ядра сказки, Колмачевский производит сопоставления случайно выхваченных деталей, поэтому и параллели к ним находятся то в «византийской басне», то в грузинском эпосе, то в западных рассказах. Между тем, ни один из этих источников не объясняет главной характерной черты русских вариантов — появления лисы в роли исповедницы.

В. Бобров (назв. соч.) предполагает, не имея на это никаких данных, кроме приведенного выше изречения Пчелы, что устная сказка о петухе и лисице действительно существовала «во времена летописца Нестора», но без мотива исповедания петуха, так как, по его словам, «русские звериные сказания вообще чужды всякой религиозности» (стр. 74). Поэтому эпизод об исповедании петуха есть «искажение», результат позднего книжного влияния, как и «сатирический элемент» (там же). «Создался ли этот эпизод на самостоятельной почве, или заимствован, сказать трудно; очень может быть, что западные литературные обработки имели влияние и на нашу сказку. Там этот эпизод довольно распространен».

рова «Русские народные сказки о животных». Варшава, 1909, стр. 74 (отт. из Русск. Фил. Вестн.).

При обзоре отдельных вариантов сказки Бобров недоуменно отмечает то «какой-то церковно-славянский язык», то притчу о мытаре и фарисее, тогда как, по его словам, «в наших звериных сказках не встречается никаких притч» (стр. 75), то «натянутость, искусственность варианта», выражающуюся в том, что петух все-таки спускается на землю; странными ему кажутся слова петуха, «что он книги горазд читать и что у него голос хорош». Не подозревая, очевидно, что все, вызвавшие его недоумение, места целиком повторяют литературную повесть о куре и лисице, Бобров так формулирует свой окончательный вывод: «По искусственности, натянутости, сатирическому элементу и по мотиву об исповедании петуха лисой эта сказка более подходит к западным версиям, чем к русским звериным сказкам, из которых ни одна не дошла до такой степени искажения первоначальной чистоты» (стр. 76).

В этом выводе правильно одно: действительно, сказка о петухе и лисе-исповеднице совсем непохожа на другие животные сказки, хотя общность имен действующих лиц, несомненно, ассоциировала в сознании исполнителей этот сюжет с другими приключениями лисы; кроме механического слияния его с ними в некоторых вариантах, и общая характеристика одураченной лисы, несомненно, примыкает к привычному сказочному облику ее. Но причину этого своеобразия сказки надо искать не в «искажении» какого-то первоначального сюжета с помощью западных образцов, а в том, что и сама-то сказка о петухе и лисице есть сравнительно поздно усвоенная книжная повесть. К обоснованию этого вывода я и перехожу, но предварительно следует несколько остановиться на вопросе об отношении нашего сюжета к тому «западно-европейскому животному эпосу», на который ссылаются и Веселовский, и Колмачевский, и Бобров. Все они разумеют под ним для данного случая роман о Ренаре, как аналогию сюжету о лисе-исповеднице. Но действительно ли эта аналогия так близка, что можно серьезно ставить вопрос о заимствовании?

В романе о Ренаре столкновение его с Шантеклером лишь одним напоминает нашу повесть-сказку: и там Ренар обманом овладевает петухом, обманом же последний и спасается от него. Но в западном животном эпосе лиса не исповедует — она сама исповедается в своих грехах. Дерево в романе о Ренаре — это не то место, откуда Ренар сманивает петуха, а то, куда он спасается

от него. То немногое, что роднит нашу сказку с романом о Ренаре, не составляет исключительной принадлежности этого романа: сходные мотивы мы найдем и в баснях Эзопа, которые, как известно, хорошо были знакомы на Руси с начала XVII в., между тем как о переводе романа о Ренаре мы не имеем никаких сведений. Поэтому нет никакой надобности связывать непосредственно нашу повесть — сказку о куре и лисице с романом о Ренаре: повесть для своего оригинального и связанного с русской действительностью сатирического замысла воспользовалась басенной схемой, а содержание устной сказки целиком покрывается этой повестью. В дальнейшем анализе русской сказки я отхожу поэтому от шатких предположений о связи ее с западно-европейским животным эпосом и попытаюсь объяснить ее происхождение из вполне реального книжного материала, который, между прочим, сразу дает оригинал чуждого роману о Ренаре образа лисы-исповедницы.[1]

Все сказочные варианты, несмотря на различный объем их, разную манеру рассказа, далеко неодинаковую сохранность, объединяются, несомненно, общим источником — прозаической повестью о куре и лисице, притом той особой редакции, где рассказ кончается тем, что кур спасается от лисы и издевается над ней (см. О. XVII. 57). Если мы исключим из двух вариантов — Ончукова и Никифорова — поздние и, видимо, сравнительно недавние добавления отдельных выражений из текста Старичка-Весельчака (эта книга имеется у крестьянина, рассказавшего А. И. Никифорову эту сказку), то все остальное содержание всех вариантов целиком покрывается прозаической повестью о куре и лисице. Отдельные эпизоды нередко бывают переставлены, иногда даже перепутаны (в варианте Смирнова лисица приглашает кура в певчие, а не он ее в просвирни), от некоторых эпизодов остался лишь намек, смысл которого неясен без сопоставления с книжным источником, и, тем не менее, этот прототип всех сказок сохраняет в них совершенно отчетливые следы, и именно в тех особенностях, которые казались такими непонятными и неожиданными в сказке Боброву.

---

[1] Обширная область западных и восточных фабльо не дает ничего, кроме отдаленных параллелей, к сюжету повести сказки о куре и лисице, поэтому в вопросе о происхождении нашего сюжета может быть оставлена в стороне.

Состав всех сказочных вариантов показывает, что устная сказка с самого начала своего отдельного от повести существования произвела отбор эпизодов из нее, выбросивши то, что в новой среде было мало интересно: длинные убеждения лисы в необходимости покаяния, церковные доказательства греховности петуха, его оправдания. Зато прочно привились в сказке бытовые моменты повести, особенно рассказ о посещении лисой курятника, который в большинстве наиболее развитых вариантов занимает центральное место и служит завязкой всего дальнейшего повествования.

Варианты Гильфердинга, Ончукова, Афанасьева вар. а и Никифорова, удваивая рассказ, начинают его именно с описания того, как лиса пришла красть куренка, петух прогнал ее своим криком, поднявшим хозяев, и она, отлежавшись в лесу, подкарауливает его на дереве в одиночестве и здесь пытается отомстить за свою обиду. То, что в повести было лишь второстепенным эпизодом, одним из обвинений, и притом далеко не самым важным, против кура, в сказке выдвигается на первый план. Понравился в новой среде и рассказ о приглашении лисы в просвирни, и, как приманка, заставляющая лису забыться и выпустить своего пленника, он фигурирует во всех полных вариантах. Мало связанное с ходом действия и никак не влияющее на него упоминание о приглашении петуха в певчие забывается сказкой часто.

Выбор окончания в сказке свидетельствует о том, что сюжет ее расценивался как комический; отсюда предпочтение счастливой развязки и хорошо сохраняющаяся последняя часть рассказа — насмешка петуха над одураченной лисой. Сравнительно с книжной повестью, в сказке действие двигается быстрее, освобожденное от всех длиннот. Оттого, вероятно, совсем не привилась в устных пересказах стихотворная редакция, и, хотя на Севере сборник Старичок-Весельчак до недавнего времени встречался в крестьянских избах как книга для чтения, следы его редакции повести о куре и лисице остались только в виде отдельных выражений, вставленных в обычный сказочный текст (см. варианты Ончукова, Никифорова).

В связи с общей установкой на занимательность, стоит и стилистическое оформление сказок о лисе-исповеднице, манера их сказывания. Прибауточные выражения, ритмическая речь, словом, так называемый «скоморощий ясак» характерны для

этих сказок. В процессе рассказывания они втягивают в себя привычные формулы устной поэтики, иногда даже совсем, казалось бы, некстати.

Так, напр., Кривополенова описывала красоту кура такими выражениями: «Духовно ты дитятко, красота твоя несказанная, брови твои, как у соболя, очи твои, как у сокола, шшечки твои, как маков цвет» (вариант Озаровской, стр. 112). В другом варианте петух передает отзыв о нем митрополита: «молодец я добрый, платье цветно...» (вар. Переясл.-Залесс.). Вариант Ончукова (и его продолжение — вариант Никифорова) обнаруживает особенное тяготение к прибауточной речи: лисица там заходит «на боярский дом, хотела сись из телятника теленка, из курятника куренка, от бабы робенка, от суки щененка, от овчи ягненка, от кобылы жеребенка». Погоня за лисой описывается в той же манере: «старые старухи с лопатами, с ухватами, старые старики с топорищами, с коромыслами, малы робята с мутовками, с колотовками...» и т. д.

В одном варианте (Гильфердинга) сказка о петухе и лисице подверглась любопытной переделке — она стилизовалась под старины, поется специфическим былевым напевом и стихом, удваивает сюжет, давая оба типа развязки: первый раз петух спасается, второй — лиса съедает его.

Вычтя все стилистические изменения, какие потерпел сюжет живя среди других жанров устного творчества, мы получим ту канву, на которой отдельные рассказчики вышивали привычные узоры, каждый в зависимости от своего личного вкуса, тянувшего его или к спокойному эпическому рассказу или к веселому бойкому «скоморошьему ясаку». Эта канва целиком объясняется литературным источником сказки в виде прозаической повести о куре и лисице, и никакого остатка на долю старой сказки, существовавшей будто бы «во времена летописца Нестора», не получается. Книжному влиянию нечего было «искажать», как думал Бобров, потому что не на что было наслаиваться: ни в одном варианте нет никаких добавочных, по сравнению с книжной повестью, эпизодов, в которых можно было бы искать следы этого неизвестного древнего рассказа о лисе.

Таким образом, устная сказка о лисе-исповеднице представляет заключительный момент в жизни литературного памятника, возникшего в первой половине XVII в.: первоначальный замысел старой сатиры забывался, по мере того как

терял остроту затронутый в ней вопрос, и сюжет, пройдя через городскую мелкобуржуазную и разночинную среду XVIII в., а одновременно бытуя и в крестьянстве, дожил до нашего времени в виде юмористической сказки, примыкающей к аналогичным рассказам из животного мира.[1]

## *ПРИЛОЖЕНИЕ*

1. Текст прозаической редакции повести о куре и лисице издается по списку собрания Забелина, № 536 (855), второй половины XVIII в., лл. 51—55, с вариантами по спискам Государственного Исторического музея № 669, первой четверти XVIII в. (И) и по Житомирскому сборнику Библ. Академии Наук, УССР начала XVIII в. (Ж).

2. Текст смешанной редакции издается по списку собрания Забелина № 536 (855), второй половины XVIII в., лл. 261—265.

3. Устный пересказ прозаической редакции издается по записи, сделанной А. И. Никифоровым в д. Палащелье Мезенского уезда б. Архангельской губ. от Новикова Сидора Алексеевича, в 1928 г.

4. Текст стихотворной редакции издается по сп. собр. Забелина № 536 (855), второй половины XVIII в., лл. 108—123 об. Варианты из других списков в издание не включаются, так как они ограничиваются незначительными пропусками отдельных слов и выражений, без какой бы то ни было определенной направленности, либо представляют собой механические пропуски, объясняющиеся потерей листов, как в сп. Государственной Публичной Бибилиотеки в Ленинграде Q. XIV. 27. Последнее обстоятельство заставило предпочесть для издания более поздний список. Ограничиваюсь исправлением явно ошибочных мест по списку Q. XIV. 27.

Все тексты печатаются упрощенной орфографией: ѣ заменяется е, і — и, ъ в конце слов опускается.

---

[1] Последний по времени отголосок сказки о куре и лисице находим в романе Н. Кочина «Девки» (М., 1933, стр. 26), где отец, укоряя сына за распущенность, говорит: «Ты как петух, у тебя 70 жен, ты всегда грешен» — ср. в варианте Афанасьева, записанном в Бобровском уезде Воронежской губ.: «Петушок, петушок... у тебя 70 жен, ты завсегда грешон» (т. I, изд. 4, стр. 4).

## 1

## (л. 51) Сказание о куре[1] и лисице.[2]

[3] Стоит древо высоко и прекрасно, а на том древе сидит кур велегласны громкогласны, громко распевает, Христа прославляет, а християн от сна возбуждает. И под то древо, к тому седящему на древе к велегласному х куру пришла к нему ласковая лисица и стала ему говарить лестными своими словами, глядя на то высокое древо.[4]

И рече куру лисица: «Чадо мое[5] милое,[6] громкогласны[7] кур, вознеслся еси ты[8] на прекрасное древо, красота твоя неизреченная, глас твой на[9] небеси,[10] а косы твои[11] до[12] земли,[13] а коли запоеш, аки в трубу златокованную затрубиш. Сниди ко мне к преподобной жене лисице,[14] и аз тя прииму на покаяние с радостию, и приемлеши от меня прощение[15] грехов своих[16] в сем[17] веце[18] и будущем».

Отвеща кур лисице:[19] «Госпожа моя,[20] преподобная[21] мати лисица, сахарныя уста, тяшки[22] суть грехи мои,[23] зде умру, а к тебе,[24] госпожа моя лисица,[25] не иду,[26] понеже язык твои лстив, уста твоя полны суть неправды».[27]

(об). Отвеща лисица х куру: «Чадо мое[28] милое,[29] доброгласное куря,[30] чему тебя бог посетил,[31] глас твой страшен, всех людей устрашает,[32] и вси люди гласа твоего боятца, от сна своего воставают.[33] Послушай,[34] куря,[35] моего учения своея матере лисицы. Помниш ли ты, чадо,[36] как во святых[37] книгах пишет: не

---

[1] петухе И. [2] *доб.* как седел на древе а лисица кура к себе з древа манила Ж; како лисице прелсти петуха и предав смерти И. [3—4] приде в некое время лисица тайно ко двару крестьянскому и вниде лисица в курник Ж; *проп.* И. [5—6] *проп.* И. [6—7] прекрасное Ж; доброгласное И. [8] *проп.* ты Ж, И. [9] до Ж, И. [10—11] язык твой Ж. [12] *доб.* лица И. [13—14] на древе сидиш, но тяшки грехи твориш Ж; на древе, но тяжки суть греси твои И. [15—16] *проп.* Ж, И. [17] во всем Ж. [18] вещем И. [19—23] *проп.* И. [20—21] *проп.* Ж. [22—23] заповеди твои Ж. [24—25] на покаяние Ж, И. [26—27] уста твоя лстивы язык твой полон неправды Ж; судом неправду И. [28—29] *проп.* И. [30—31] ничем тебя не утешила Ж; чем тебя бог испотешил И. [32—33] *проп.* И. [33] *доб.* глас твой честен, аще бы, чадо мое, не было бы тя на земли, как бы мошно человеку от сна своего стати Ж; глас твой чтен, аще запоеши, что в златокованную трубу затрубиши, а не хощеши ко мне на покаяние ити, а хощеши во гресех своих умрети И. [33—40] чадо мое доброгласное, куря, лежа добра не нажить И. [34—35] ты, прекрасное чадо Ж. [36] *доб.* мое прекрасное куря Ж. [37] *проп.* святых Ж.

долго спите [38] и не долго лежите, вставайте рано,[39] молитеся богу, да не внидете в напасть. Тако ж и в притчах глаголет: много лежать, добра не добыть,[40] горя не избыть, [41]чести и славы не нажать,[42] красных риз не насить, медовыя чаши не пить, слат-кого куса [43] не есть, умному не быть, в дому [44] господину не слыть, власти не видать, [45] князям милу не быть.[46] А твой глас страшен, всех людей устрашает,[47] а не хощеш ты от меня праведнаго покаяния прияти, и ходиш ты по земли, аки свиния [48] в кале валяешися,[49] во гресех своих.

Сниди ко мне [50] на покаяние, и я дам там тебе праведное покаяние,[51] и аще народ [52] услышит глас твой, не могут изглаголати доброты и смирения твоего, а ты, мое милое чадо куря,[53] хощеш во гресех своих тяшких умрети[54] без покаяния.

Сам ты,[55] чадо милое, чтеш притчу о мытаре и фарисеи, пришед з гордостию [56] на покаяние [57] и спасения не получить,[58] но и паче погрешить. [59] Тако и ты [60] осужден будеши, чадо мое милое, в муку вечную и во тму кромешною.[61] Сниди (л. 52) ко мне на покаяние, и да спасешися и прощен будеши во всех гресех своих [62] и внидеши в царство небесное».[63] И сама лисица прослезися горко о гресех куровых [64] и рече к нему лисица: [65] «Горе тебе, окоянны куря, ходиш ты на земле без покаяния [66] и не ведаеш, в кой час смерть приидет». Рече же х куру лисица: [67] «Чадо мое милое куря, душеполезная моя словеса слышав,[68] давно бы ты сошел ко мне на покаяние».

Кур же, на древе сидя, прослезися горко, слышав же душеполезная словеса от преподобныя жены лисицы, поминаючи грехи свои окаянныя, и почел спущатца к лисице на землю,[69] з древа на древо,[70] с[71] сучка на сучок,[72] с куста на кустик, с пенка на пенек, и скочил кур [73] и сел у лисицы на голове.

---

[38—39] *проп.* Ж. [40] не видати Ж. [40—41] а грехов не минути Ж. [42] не получити Ж. [41—42] покаяния не получити И. [43] ествы Ж. [44—63] господина не видать И. [45—46] князьми не бывати Ж. [47] *доб.* аще когда запоешь, аки в златокованную трубу затрубишь Ж. [48—49] калом обмазан Ж. [50] *доб.* чадо мое милое, кура доброгласное Ж. [51—52] как бы Ж. [53] *доб.* не хощеш ко мне притти на покаяние Ж. [54—55] как ты Ж. [56—57] *проп.* Ж. [58—59] на болшее осуждение бысть, мытар же сердечным покаянием приде и спасен бысть Ж. [60—61] *проп.* Ж. [62] *доб.* тяжких Ж. [63] своих Ж, И. [64—65] *проп.* Ж. [66—67] *проп.* Ж, И. [68] от праведной жены лисицы Ж, И. [69—70] *проп.* Ж, И. [71—72] *проп.* Ж, И. [73] *доб.* к лисице на землю Ж, И.

И [74] взяла ево лисица в кохти и згнела его крепко и завопил кур великим гласом [75] и рече кур лисице:[76] «О мати моя лисица,[77] то ли мне от тебя праведное покаяние»?

Лисица же скрежеташе зубы и, гледя на него немилостивым[78] оком, аки диавол немилостивы на християн, поминает грехи куровы и яряся ему.[79]

Рече кур лисице: [80] «Что суть грехи мои,[81] то ли мне от тебя праведное покаяние»?[82]

Отвеща лисица х куру[83] с великими гневом и яростию: (об.) «Куря, злодей и чародей,[84] как ты [85] бога не боишися,[86] закон преступаеш? Помниш ли ты [87] святыя книги и [88] как в правилах[89] святых отец[90] пишет: одна жена понять по закону,[91] а другую понять [92] для детей, а третью понять чрез закон прелюбодеяние[93] [ради].[94] А ты, лихой человек,[95] злодей и чародей, законопреступник,[96] держеш ты у себя много жон по двадцети и по тритцати и болши.[97] Как твои не великия суть грехи,[98] да за твои грехи[99] предам тя [100] злой [101] смерти». [102]

[103] И рече кур лисице: [104] «Послушай,[105] госпожа моя [106] мати лисица, помниш ли ты, как в бытиях пишет: земля стала и нача полнитися. Сице [107] плодитися и роститися и умножите землю. О сиротах и о вдовицах всякое попечение имейте и [108] пекитеся [109] велми, то будите наследницы царствия небесного».[110] И хощет [111] от нея кур [112] праведного покаяния.

И отвеща лисица куру с великим гневом: [113] «Злодее куря, и яко ты бога не боишися, а людей добрых не стыдишися,[114]

---

[74] *доб.* яко змии доблественне прелсти куря И. [75—77] от лисицы Ж. [76—80] *проп.* И. [78—79] и злым своим окаянным оком аки злодей Ж. [80] *доб.* госпоже ты мати моя лисица, почто на мя зло яришися Ж; *доб.* госпожа лисица, что на мя зло зриши, что немилостиво И. [81—82] *проп.* И. [83—84] с великим гласом: великое твое злое согрешение, повинен ты еси смерти, о беззаконниче, злодей Ж; О куря, великое твое прегрешение И. [85] *доб.* злодей И. [86] *доб.* а людей не страмишися Ж. ...людей добрых не... И. [87—88] *проп.* И, Ж. [89—90] *проп.* И. [91—92] и аще умрет, то по нуже поняти рада поняти вторая жена строения Ж; сице единая умрет, то по нужде вторая поняти да много ради строения И. [93—94] *так* Ж, И. *здесь* роду. [94] *доб.* а четвертая жена отнюд не подобаеть имать Ж. [94—96] *проп.* Ж. [95—96] *проп.* И. [97—102] *проп.* Ж. [98—99] несть тебе покаяния И. [100—101] *проп.* И. [103—115] *проп.* Ж. [104—105] *проп.* И. [106—107] писано во святых книгах И. [108—109] печалитися И. [110] *доб.* и глагола кур лисице вся по ряду от Адама и до сего дни, как землям наполнитися И. [111—112] *проп.* И. [113—114] о прокляты куре, великое твое согрешение, повинен еси смерти, как ты, злодей, не срамишися И.

закон преступаеши,[115] а брата[116] своего[117] ненавидиши,[118] и где с ним не сойдесся, тут[119] ты с ним болна[120] бьешися[121] за которую обиду, а толка и обиды,[122] беззаконникы вы, промежу себя за свои ревнивыя жены и наложницы многия ради[123] для прелюбодеяния. И потому я тебя осудила за твои великия грехи, повинен ты еси смерти.[124].

(л. 53) Да помниш ли ты, лихой человек,[125] кали я была галадна,[126] изнили меня злыя дни, нечиво было ясти,[127] и аз ела чеснок да ретку, и тем я себя сарамоты даставила.[128]

И пришла я х крестьянину[129] на двор,[130] где у нево сидят куры,[131] и ты, лихой[132] человек, закричал[133] на сонных людей, будта тебя взбесила[134] или варагуша[135] подымала. И гуси тогда загоготали, и свиньи там завижжали,[136] а[137] мужики закричали,[138] а детки их услышали[139] и за мною погналися,[140] з жердьем и с ружьем и с соколием[141] и[142] с собаками,[143] с вопом и з свистом, бутта я у них хатела отца удавить, а мать утапить,[144] а за што, за единого куря хатели[145] меня пагубить.[146] И мало мне топеря

---

[115] *проп.* Ж. [116] друга И. [117] *доб.* петуха Ж. [118] *доб.* где с ним не свидесся Ж. [119—121] он И. [120] *проп.* болна Ж. [121—124] за косы друг друга волочите, и приправу во главах и гребни свои до главы исклюете Ж. [122—123] беззакония ревнуйтеся межу своими женами и наложницами И. [124] *в сп. Ж. здесь ошибочно вставлен находящийся выше упрек в многоженстве, а потом опять повторяется отрывок о ненависти к брату, отсутствующий в других списках*: помниш ли ты, лихой злой человек, в правилах святых отец пишет: бога люблю, а брата своего ненавидишь. То ложь есть таковых пред богом. Несть то бог не любить, а брата своего ненавижу. Подобен ты еси смерти — *далее следует ответ кура, обычно читающийся ниже.* [125] *доб.* злой богоотступник, кровопивец, блудник, чрез законопреступник Ж. [126—127] *проп.* Ж, И. [127—128] *проп.* Ж; с великия кручины чеснок ела, что окроме не было. и аз такова жена доставила себе сором И. [129—130] *проп.* Ж, И. [130—131] куриц красти Ж. [132] *доб.* злой, законопреступник Ж. [133] завопил Ж; завопел в полночь И. [133—134] своим великим гласом. Али тя сбесило Ж; как бы тебя бешеная похватила И. [135] поймала Ж; бить стала. Смерды же мужики за мною погналися з женами и собаками И. [136] заворошали И. [137] *доб.* смерды И. [138—139] *проп.* И. [135—139] али ты с ума съзбрел, али ты во сне что не гаразно видел, и люди по твоему крику услышали и учали от сна своего ставати и меня увидели Ж. [140—141] на конях с копьями и с луками Ж; с пилами И. [142—143] *проп.* И. [143—144] как бы на них разгон или кабы отца погубили И; кабы я у них отца убила или матер убила, не гналися бы за мною Ж. [145—146] меня убить Ж; мою голову скусить И. [146—212] *большой пропуск в сп. Ж до рассказа о приглашении в просвирни*; *вместо всего отрывка читаем слова, которых нет больше ни в одном списке*: Неповинна моя уша, хотя за мною и ездит и сами с убыт-

тебя, лихова человека, за то сьесть. А власной ты как бес,[147] ни в кумовстве,[148] ни в сватовстве,[149] ни в роду, ни в племени,[150] и ни в какой ты нужи не бывал, не знаешь ты и не разумееш. И бутта у них кур не стало, что ты завопил и закричал мужикам, и мне ты саромоты доспел, и[151] плохою[152] женою поставил. Вся от тебя мне пакость,[153] от лихова человека. Сам ты[154] не велик,[155] толка перьем[156] дасаждаеш, а у меня же никто же тебя[157] ис кохтей моих не может избавить,[158] ни князь, ни[159] боярин, ни иной кой от велмож.[160] И повинен ты еси смерти».

Отвеща кур лисице:[161] «Помниш ли ты,[162] госпожа моя[163] (об.) лисица,[164] притчу: по каторой реке плыть, по той и славу творить. А у которого господина жить, тому и служить и волю ево творить. И во святом евангелисте пишет:[165] не может раб двема господином работать.[166] Тако ж и я,[167] госпожа моя лисица,[168] у крестьянина[169] жил,[170] хлеб ел и пшеницу я у них клевал, как[171] жа добра им не хотеть? Тому и бог не поможет, кто хлеба и соли не помнет.[172] Хлеб соль великое дело, без[173] него человек[174] не может жить ни единаго часу.[175] А ныне[176] твой есмь[177] раб[178] до смерти,[179] и[180] добра хотети».

И рече куру лисица: «А ты меня, смер(д),[181] смердиною[182] зовеш и[183] детей моих[184] соромотиш,[185] за то тебе быть снедену от меня.[186] Слышала я[187] притчу: одному господину служить, а другому не грубить. А ты б меня тогда не оскорбил, а мужикам не дружил, а сам ты от меня теперь от смерти не избудешь».[188]

---

ками приехали домой: иной ногу изломил, иной голову сломил, иной руку изломил, иной ногу переломил, иной руку вышиб, иной шапку потерял, иной рукавицы потерял, а кони иные многие лошади изпадали, и собаки на век без ног стали. Повинен ты еси смерти, потому что мало меня лисицы не убили безвинны, а люди стали увечны и без живота от твоего крычания Ж. [146—147] А что у них великого дару хотела поместья или вотчины, толко бы мне едино куря кормленое, ино бы мне и полно, а сова б...., потхилое гузно И. [148—149] *проп.* И. [150—151] ни в ближнем соседстве, а коли ею нужа не изоймет, но и та без куря за стол не сядет, а ты меня, лихой человек И. [152] аки простую И. [153] напасть И. [154—155] мал И. [156] *доб.* богат, а болшим и сам людем И. [157—158] у меня не смеет отнять И. [159—160] велможа И. [161—162] *проп.* И. [163] *доб.* мати И. [164—165] писано во святых книгах И. [166] *доб.* единого возлюбит, а другаго возненавидит И. [167—168] *проп.* И. [169—170] *проп.* И. [171—172] за их И. [173—174] меня И. [175—176] госпожа мати лисица И. [177—178] человек и И. [179—180] тебе И. [181—182] материю И. [183—184] ты меня и тем И. [185—186] *проп.* И. [187—188] еси, богу молися и бесу не груби, меня еси смерти не избавил И.

И рече кур лисице: «Госпожа моя лисица,[189] не одолей злобу злобою, одолей злобу благостынею. Царь же Давид написа: блажени милостиви, яко ти помиловани будут от бога. А я, госпожа моя лисица, ведаю и сам то, что аз недостоин птицам небесным и зверем земным ясти. Не одно время в полунощи зовуще, бога прославляюще. Помниш ли ты, госпожа моя лисица, при распяти господни рече господь Петру: Петр, трижды ты от меня (л. 54) отвержися. Петр же рече: господи, ниже не отвергуся от тебя николи же».

И рече куру лисица: [190] «Ты на то [191] недеешися, что грамоте горазд, [192] и отвещати умееш.[193] И тем [194] тебе [195] не отговоритца. [196] Повинен ты еси смерти. И тако мне тебя есть не для твоего храбрего перья, для твоих неправедных и небылых словес лживых».

И рече кур лисице: «На чем ты еси, госпожа моя мати лисица, слово молвила, тем быть». И оправилася еси. Рече же кур лисице: «Госпожа моя лисица,[197] человек ты еси не ратной, и ратного оружия у себя не имееши. Прелстила ты еси меня лестными своими словами [198] и лживыми.[199] Поручил тебе меня бог в кохти за мои [200] великия [201] грехи [202] и за мое безаконие и безумство.[203] Пощади, госпожа моя лисица, не [204] отжени [класа] [205] незрелова и не пролей крови неповинныя [206] напрасно».[207]

Лисица же удивися [208] курову премудрому [209] ответу, и [210] она ш згнела ево крепко,[211] хотела куру живот скончать.

[212] Завопил же кур великим гласом и рече: «Дай мне,[213] госпожа [214] моя лисица,[215] единое слово прамолвить. [216] Звал меня,[217] госпожа моя лисица,[218] крутицкой митрополит в подьеки, глас мой хвалил [219] велми сам митрополит,[220] а петь бы мне у него на омбоне дишкантом тонко и высоким гласом.[221] И ты, госпожа моя лисица, (об.) отпусти меня, и аз стану давать тебе оброку з году

---

[189—190] отверзеся от меня трижды И. [190—191] смерд напсолиты И. [192—193] *проп.* И. [194—195] от меня И. [196—197] и божественными словесы не отмолишися. Лисица молвила: правда, я то такова, что растовская дуда Госпожа лисица, что дуде слово, дуда есть игра скаморошья И. [198—199] *проп.* И. [200—201] за повинныя И. [202—203] *проп.* И. [204—205] *Так* Ж, *здесь* гласа; нарешь класа И. [206—207] *проп.* И. [208—209] скоро мудрому и скоро умному его И. [210—211] замахнула крыле И. [212—213] и отвеща кур лисице Ж; кур же рече И. [214] *доб.* ты мати Ж. [215—216] *проп.* Ж, И. [217—218] в те поры Ж; *проп.* И. [219—220] *проп.* Ж, И. [220—221] и я в те поры голос свой уставливал и учился аз в те поры книжному учению и велел митрополит в те поры быть на крыласе, прилучился празник пение, а то ты, лисица, за тем мои слова агневилась Ж; стоять мне на анбоне и пети деменством И.

и в год, чем ты изволишь пожелаеш брать. Что мне дает митрополит, то я стану тебе давать.[222] А буде ты,[223] госпожа моя лисица,[224] пожелаешь сама во власть итить, и мне можно упросить [225] у митрополита,[226] поставлю и я тебя в чин в просвирнической. И тебе будет добро канун(ы) молить, госпожа моя, сладкия,[227] а просвиры мяхкия, а приходу [228] очень много. Да я же тебе оброку стану платить сверх того по пятидесят рублей в год».[229]

[230] И рече куру лисица: [231] «Подума(ла) бы я на [232] такую [233] власть [234] поити,[235] и ты меня [236] обмановаш. А когда я была галадна, и когда я была недобычна, и тогда я приходила х крестьянину на двор, где у нево сидят куры, и тогда б я тебя, злова человека, погубила б. А когда будеш у митрополита в подяках, а я буду в просвирницах, и ты,[237] лихой человек,[238] огласиш меня митрополиту небылними словами, а я тогда от тебя, злого человека, и от небылних твоих неправедных словес и до конца погибнет. И мне гавариш, как бы тебе от смерти своей избыть».[239]

[240] И рекла куру лисица: [241] «Не сули ты мне журавля в небе, токмо [242] дай синицу в руки.[243] На сули мне в год, сули в рот.[244] (л. 55) А ты у меня и сам [245] в руках,[246] не дарого мне твое красное [247] перья [248] и твои лестныя слова. А я теперь сама галадна, хочу я тебя скушать, чтоб мне с тебя здравой быть».

И тако сконча живот куру.[249]

---

[221—222] *проп.* Ж; и буди, госпожа моя, пустиши, и аз тебе свой оброк давать буду з году на год, чем меня ни обложиш, а будет жа, госпожа, прости меня пустишь И. [223—224] *проп.* И. [225—226] *проп.* И. [227] *доб.* госпожа лисица в просвирницы ино, госпожа, каноны сладкие И. [222—227] ты, мэти моя лисица, послушай моих речей, я тебе сын, ты мати моя, устрою я тебя у Крутицкова митрополита в просвирницы и божественныя кануны сладкия Ж. [228—229] многия, а будешь ты исть сахар, а пить сладкой мед, а от людей будешь почтена Ж; волость болшая И. [230—239] *проп.* Ж. [230—231] *проп.* И. [232—233] *проп.* И. [234—235] *проп.* И. [236—237] *проп.* И. [238—239] и в путь учнешь облагать напрасно, и мне от тебя и тут погинуть будет. И ты, чадо мое возлюбленное петушек, тем ты меня не халуй, да не лсти И. [240—241] *проп.* И. [241—242] сли ты мне жалованье Ж. [243—244] *проп.* Ж, И. [244—246] *проп.* Ж. [245—246] во блаженных лапах за куряти месть И. [247—248] гребень Ж, [248—249] дорого мне твое курово белое тело. И нача лисица кура потребляти и кура потрепа и сконча его всего и кости его забиша. То тебе, кура, за то, не пой, рано, не буди людей, не вводи их в убытки. Куру вечная память, а лисице во веки слава Ж; и опованы глас, дорого мне твое белое тело. И тако лстивая лисица сконча живот, а петуху вечная память, попу корова, дьячку кувшин браги, а просвирни кувшин молока, а пономарю книга, а кто прочитал, тому сто рублев в мошню, а хто слушал, тому по колачу, а кто не мешал, тому ничево И.

## 2

### (Л. 261) Сказание о куре и о лисице Захарьевне.

Сидит кур на прекрасном дереве и перебирает свои перья и запел своим прекрасным гласом. И на ево глас пришла лисица и увидела ево на древе и звала ево со древа: «чадо мое милое, прекрасны куре, возлетел ты на прекрасное древо, красота твоя неизреченная, а косы (об.) твои висят до земли, а глас твои до небеси. На древе сидиш, а ничего ты не знаеш, что есть на тебе тяшки и велики грех паче всех человек. Соиди со древа ко мне на землю и прими от меня праведное покояние». Кур же слышав от нея тяшкое слово и скочил выше на древо и рече кур: «А ты кто еси такова»? И рече ему лисица: «Аз есть духовная жена лисица, прощаю и очищаю всякому человеку грехи». Отвеща кур лисице: «Прямая ты лисица Захарьевна. Слышал я про тебя (л. 262) от крестьянина, что ты старая воровка и обманьщица, сука ездава и ездиш ты около древа, прямая ты б.... курятница и лестуха и лизунья и блинница, а не добрая ты жена. Поди ты к заицу от меня, обманываи его, а не меня». Рече лисица куру: «О куре, бог тебя судит, что ты меня ослезил и обесчестил и всячески называешь, я на тебя не могу насмотретися и везде я тобою похваляюся».

Рече кур лисице: «Что ты меня во всех словах своих обманываеш, (об.) чтобы я к тебе слес, а ты бы меня съела. Лутче мне здесь на древе сидеть, а к тебе лисице не лесть. Во что бог не поставит». Рече лисица куру: «Как тебе бес покояния умереть? Послушаи не меня, послушаи божие слово: неки два человека идоша в церьковь помолитися богу, един фарисеи а други мытарь. Фарисеи не покаялся, в муку пошел, а мытарь покаялся, в царьство небесное пошел. Буди и ты примеш от меня праведное покояние, то царьство небесное получиш». (л. 263) Кур же слышав от нея тяшкое слово и скочил з древа на землю и поклонился лисице до земли. Лисица же ухватила ево за крылья и вывела ево на поле и стала ево бить и колотить об землю. Лисице кур закричал: «То ль мне от тебя праведное покояние?» Лисица же рече куру: «Ненависник ты рода человеческого, закона преступник, бога ты не боишися». И рече ему притчу: «Неки человек женился, возмет себе перьвую жену, но перьвая жена умрет, поемлет вторую, а буде вторая умрет, поемлет третию. А ты, бес, имееш

у себя жен со ста. Да дересса с своим братом, меж своими женами до крови. Воскресение христово и празников господних не чтеши. Недостоин ты еси покояния. Только достоин смерти». Рече кур лисице: «Помниш ли, что в бытейских книгах писано: родитеся и плодитеся и наполните землю и обладаите ею». Рече лисица куру: «Буди ты, бес, стал со мною от книг говорить, помниш ли ты свои грех: в некую пору была я госпожа голодна, в те поры ела я злое корение хрен (л. 264) да ретьку и то ретко. От того я голодна была, пришла я в деревню х крестьянину на двор, искала, где у него куры сидят, и хотела единого куренка унести тихонько. А ты, бес, скричал своим озорным гласом, в те поры хозяева услышали и за мною побежали, бабы с кочерьгами, девки с помелами, будто за душегупцом. В те поры хотела я госпожа головы отстать, а ты, бес, крестянину не пособил, а меня такую госпожу осрамотил. (об) А ныне кто тебя от моих рук отимет». Рече кур лисице: «Помниш ли ты, что старые люди говаривали: по котороиде реке плыть, тою славою слыть. Да не может един рап двум господином служить, единого возлюбить, а другого возненавидеть». Рече лисица куру: «То мне любо, что ты меня матерью называеш, тем ты не люп, что всячески бесчестиш, (л. 265) за то я тебя сьем. Да еще я тебе слово скажу: есть на тебе тяшки и велики грех паче всех человек, погубил ты душу кума моего волка. Захотелось ему милому нутром боранинки или поросятинки и он пошел беднои в деревню х крестьянину на двор и хотел единого борашка тихонько, чтобы хозяин не слыхал, а ты також закричал; в те поры смердья мужики (об.) крапивные семена услышали и за кумом моим волком погнались с работниками и с топорами и с собаками и догнали его и убили его и кожу сняли с него, что с ярушки». И лиса Захарьевна завернула куру крылья и хочет ево сьести. И кур закричал громким гласом: «Не еш ты меня скоро, даи ты мне бедному слово молвить: звал меня Крутицкои митрополит к себе жить, и я о тебе могу упросить, чтоп тебе в больших просвирнях быть». (л. 266) Рече лисица куру: «Не сули ты мне журавля в гот, даи мне синицу в рот. А я тебя сьем». Лиса кура сьела и перья разметала, никому нечего не давала. Куру смерть, лисе слава, дьякону сала, попу корова, дьячкам желвак, понаморю болеток, просвирне курок, и всему тому конец.

3

Начинаетца починаетца добрая повесь от сивка от бурка от вешчаго Каурка. Это не сказка, а присказка. Сказка будет в суботу повечер, когда поешь мяккого хлеба.

Шла мати лисиця мимо крестьянского двора, хотела выташчить из куретника куренка, а из телетника теленка. В заднем нашесьти с курятами в одном месьти сидел вор Петуша. Он услыхал, крыльям схлопотал, ногами стопотал и крысным могучим гласом возопиял. Мужики услыхали, оружья хватали; бабы лопаты, стары старухи ухваты, а малы ребята мутовки, колотовки.

Пошла мати лисиця в лес, как горбатый бес, да три дня под ивовым кустом пролежала. Стала погода ясна, вылетел петух на дерево красно, взьвела мати лисица око ясно: «Шо же ты, вор Петуна, летаешь, бед избываешь, али нас зьверей увидаешь»? — «Да, мати лисиця, вас зьверей увидаю». — «Эх, вор Петуше, не бывать тебе в пресьветном раю, не пивать тебе изь медной чяшы».— «Но, мати лисиця, вижу в тебе много лесьти, хочешь ты меня сьесьти». — «Вор Петуше, я 30 лет мясного не воскушаю». — «А не ты ле шла мимо хресьяньского двора, хотела выташчить из куретника куренка, а из телетника теленка? А я сидел в заднем нашесьте с курятами в одном месьте. Я услыхал, ногами стопотал, крыльями схлопотал, крысьным могуцим гласом возопиял. Ты пошла в лес, как горбатой бес». — «О, то не я была, то друга была. Есьли я бы знала, ведала, то с пупа кожу содрала. Эх, уже 30 лет я мясного не вкушаю, не бывать тебе в пресьветлом раю, на пивать изъ медной чашы». — «А пошчо, мати лисица»? — «А потому шчо мужык одну жону имеет и каждый год на исповедь ходит, а ты сем жон имеешь, и ни один раз в год на исповедь не ходишь».

Вот петушок и призаслушался. Стал сь ветки на ветку перескакивать, упал на сыру землю. Мати лисиця схватила в когти впусьтила нокти, заворотила крылья на сторону. — «О, мати лисиця, тяжко твое покаяние, видно мне в том сьмерьть будет». — «Да, вор Петуше, видно сьмерьть. Когда мне была нужна крайна, сьмерть голодна, я шла мимо хресьянского двора, хотела выташчить из куретника куренка, а из телетника теленка, а ты сидел в заднем нашесьте с курятами в одном месьте. Не врагуш ле тебя подколола, ты услыхал, ногами стопотал, крыльями

схлопотал, и красным могучим гласом возопиял. Мужыки услыхали, орудья хватали, бабы лопаты, а старые старухи ухваты, а малы ребята мутовки, колотовки. С того горя и печали я пошла в лес, да вот три дня под етим кустом пролежала». — «Мати лисиця, ведь я жыл то у хресьянина да служыл то хресьянину. А есьли буду жыть у тебя, так и служыть тебе буду. Мати лисиця, я знаю месьтечько прекрасно». — «А где»? — «В просьвер. Ты будешь подпекать, а мы будем подъедать да матерь лисицю проздравлять».

Мати лисиця приослушалась, в кокотьках приослабила. Петушок спорхнул, полетел. Садился низенько и близенько и кланялся низенько. «Проздравляю, матерь лисиця, в новом чину, ешь хрен и ветчину». Вот и пошла мати лисиця ешче дальше в лес. Тут шла, шла, шла... (дальше, как и в варианте Ончукова, идет сказка о том, как журавль учил лису летать).

## 4

### (л. 108) Повесть изрядная о куре и лисице како его прелстила лисица

Настоящаго сего нынешняго века у некоего было небогата человека
Кур некии со многими женами живяше, яко же ему обычай тако бяше.
И во един от дней той кур прискорбел, и со клевреты своими тогда мало пел.
И в то время курица с нашести своей спехнула, и та курица упадши на землю и не дохнула.
Кур же от тоя незапныя смерти ужасеся, и воспомянув смертный час от страха весь потрясеся.
Конечно будет и мне незапно умрети тако, и о сем плакася горко и размышляше всяко.
И в толикои скорби и в печали вышел на улицу погуляти, како бы хотя малую отраду сердцу прияти.
И ходя по улице умом своим размышляше, и о всяком деле от сердца тяшко воздыхаше.
Грехи своя великия пред богом всегда воспоминая, и о невоздержании блуда себя проклиная,
Понеже со многими женами грехи содевая, а никаких себе праздников не зная.

И тако пошед в темную дуброву посидети и к жилищу своему место себе посмотрети,
Где бы ему безмолвно одному пожити, в посте и в молитве себя потрудити,
И како бы от грехов и соблазна избыти и доброде(об.)телно одному на земли пожити,
А прежние содеянные мною грехи потребити и прощение себе от бога получити,
Женских лиц не точию где их видети, но чтоб и гласа их не слышати.
И тако ходя по дубраве то куре доброгласное и смотря возлете на древо красное,
Нача с высоты того древа семо и овамо назирати и ко спасению своему купнаго жителя искати,
Пред ним же бы горко восплакался и о содеянных своих грехах тяшких покаялся.
И тако сидя на оном древе весма себе смирися и горко о содеянных им своих грехах тяшких прослезися,
Мытаревым гласом в себе подражаяи: «боже милостив буди мне грешному», взываяи.
«Согреших, господи, на небо и пред тобою, да буди воля твоя святая и со мною.
Точию не отрини мене во многия грехи впадша, и никогда же от покаяния моего не отставша».
И глядяше кур прекрасный семо и овамо, и не веды себе водворитися камо.
Зане един никогда не живяше и того ради сумнителен бяше.
И тако он на древе многое время седяше и на вся страны умилно зряше.
И абие нечаянно мимо того древа лисица идяше, где оная потребу себе имяше.
Кур же видя ее встрепехнулся, (л. 109) мало возвеселися, и от уныния забывся толко пошевелился.
Лисонка же послышавши опасно остановилась и на вся страны осмотрилась.
Потом же возвед око свое ясное на курово древо прекрасное,
И виде ево кура печална суща, слез полны очи имуща,
Познавши ево, борзо к нему притече и весма радосным гласом к нему рече:

«О курушко, мои друг и приятель, и великии благодетель и питатель!

Откуды ты взялся, моя радость, и кто тя принес сюды, моя сладость?

Ты ли еси, о куре, чадо мое[1] любезное, почто так видение твое слезное?

Отвещай мне, ты ли, утешение мое доброгласное, или стень мне кажется, о чадо мое прекрасное?

Ах, курушка, чего ты ради в пустыню сию вселяешися, и в красоте своей велми изменяешися?

Рцы ми, любезное мое чадо, красоту ли пустынную назираеши, или от каких бед себя избавляеши?

О чадо мое, нас ли зверей видети желаеши, или в сей пустыни купнаго жителя себе избираеши?

Душу ли свою от грехов спасаеши, что многия слезы проливаеши?

Или некую страсть от себя на время отсекаеши, понеже неслыхано зде нам являеши?

(об.) Повеждь ми, чего ради един тако обитаеши, и почто тако велми себя утруждаеши?

О, чадо мое любезное и драгое, дажд ми ответствование сладкое и благое».

Сия же слышав, кур печаль свою остави и на всякое ответствование лесть еи от себя востави.

Кур рече:

Слышу, добры зверю, доброе твое приветство, и дарую тебе от себя ответство.

Точию молю твое любовное ко мне вещание, даруи и ты от себе извещение.

Вижду бо тя зверя не проста суща, но великаго разума имуща.

К сему же разсуждаю быти тя спасенна и пророческаго дара сподобленна.

Я чаял, что ты меня не знаеш, а ты и именем меня называеш.

Аз бо прежде сего тебя нигде не видал и ни от кого о святыни твоей на слыхал.

---

[1] *Разрядкой отмечены в издании стилистические совпадения стихотворной редакции с прозаической.*

Изволь мне поведати, како себя нарицаеши и чего ради в сию пустыню притекаеши?
На время ли ты в пустыни сей пребываеши или всю жизнь свою тем забавляеши?
Пут ли свой толко точию преходиши, или ходя чего здесь ищеши?
Научи меня, как милость твою знати, (л.110) и еже бы тя именем называти.
Желаю с тобою беседование творити и о некоторых вещах тебя вопросити.
Приидох бо зде на некое время и принесох с собою грехов своих бремя,
Их же тягости хощу избыти и спасением прощение себе получити.
И назираю с высоты сея, кого бы вопросити, кто бы мог сию мою тягость носити,
Ему же бы усердно о всех своих грехах исповедался и в волю ево конечно бы предался.
Ты же, зверю пустынныи дивыи, дажд ми о сем ответ правдивый.

Лисица рече:

Благое, куре, избрал еси дело, начинай его творити смело.
Кающихся бог готов принимати, а ты, курушка, не благоволи сего времени отлагати.
Но о сем мне недоумение положися и великое сумнение о тебе сотворися.
Дело бо твое мнится очень мне несогласное, аще и глаголеши, чадо мое доброгласное.
Не вем бо ты меня яко искушаеши, не вем и вправду меня не знаеши.
А что о имени моем, курушка, вопрошаеши, и тем ты мне, друг мой весма досаждаеши.
Но к чему тебе, любезное, мое именование? точию внушай мое пре(об.)бывание,
Которое сотворю тебе известно, чтоб было как тебе, так и твоим женам нелесное.
Аз, чадо мое, курушко прекрасное и курушко мой доброгласное,
Я есмь в сей пустыни многолетно пребываю и по вся дни ее сама назираю.

То бо мое любезное здесь жилище, при растущих в ней сладостной мне пище.
Знатно и ты, свет мои, сего видети желаеш, того ради здесь, свет мои, пребываеш?
А я приходящих сюда любезно принимаю, и кающихся исповедание от них снимаю,
Руце мои радостно простираю и всех их приятелски обнимаю.
С великолюбовным тщанием всякаго встречаю, духовно беседовах и честно в дом их провожаю
И наставляю, как кому жити требно, чтоб всякому з душею внити в небо.
Аз грехом твоим дарую прощение и душеспасителное возвещение.
Сниди ко мне, чадо мое, да тебя целую любезно, понеже зрети мне на тя слезно.
Сниди, радость моя, курушко, я с тобою побеседую и некоторую таину тебе тихонко поведаю.
Понеже я премудрости многи умею, да и тебя неумеющаго ко всему содею.
Из младых бо лет я в школах училась, а остротою разума добре умудрилась.
Аще хощеши испытати, какие му(л. 111)дрости во мне, то без сумнения сниди со древа ко мне.
Аз бо давно здесь водворилась и пророчествию дара сподобилась.
Я знаю, как тебе грехи своя потребити и со всеми святыми в небе тебе быти.
Всех бо сия мудрость моя обемлет и назирати вас око мое не дремлет.
Хотя я в мирских суетах не бывала, токмо многие случаи в мире видала.
А про твое житие, свет мои, не точию слыхала, но и конечно тебя самого еи еи знала.
А обращении твоем присно умоляла и пред ним, светом своим, часто предстояла,
Руце свои на небо воздевающе и многие горестные слезы проливающе,
Имя твое, курушко, воспоминающе и никогда из уст моих не выпускающа.
Давно я с тобою видется желала, того ради око мое часто на тя взирала.

Времени же токова никогда не улучила и тебя бы, курушко, тому знать научила.
И так бы тебя могла умудрити, чтобы ты не мог и ни единаго греха сотворити.
И ныне я, свет мои, тобою не гнушаюсь, толко снития твоего тщателно дожидаюсь.
Не отлучаися, любезное мое чадо, и сошед сопричтися во избранное мое стадо.
Аз яко мати чадо святое с любовию восприиму и (об.) на покаяние к себе тебя, друг мои, прииму.
Язвы твои греховныя врачеством моим свяжу, а в грехах твоих епитимьи не положу.
Сниди, чадо мое, курушко драгое, и сотворю пред богом покаяние тебе благое».
Кур же хотя во учении и не мног, токмо в разуме своем тверд и неубог,
Сидя на древе всячески размышляше, и словеса зверинные взяв себе разсуждаше.
[1] И книжными словесами услаждает, а его со древа к себе всячески прелщает.
Нет ли в нем какой злой лести, что извествует мне таковые благие вести?»
Такожде и о сем крепко разумевает, почто де зверь имя свое сокрывает.
И умысли в нем пронырству быти, дерзнул ево паки о имени ево вопросити.

Кур рече:

Похваляю, зверю, науку твою глубокою и в разуме твоем предивно высокою,
И почитаю тя, о любомудрый зверю, и словесем твоим несумненно верю.
Но о сем нечто много усумневаюся и некрепко на тя полагаюся,
Зане ты тои ко мне милости не покажеши и о имени своем мне не скажеши.
И того ради аз на древе беседую и не сниду, дондеже имя твое не сведаю».

---

[1] *Здесь пропуск — в списке* Q. XIV. 27 *читаем правильное начало этого стиха:* Чесо де ради зверь сей тако ублажает (л. *36*).

Лисица на кура (л. 112) зело умилно зряше, и всячески об нем разсуждаше.
Како бы ево своим прошением умолити и каким бы злохитрством уловити.
Но то ей стало препятие великое, что о имени ея вопрошение ево толикое.
«И есть ли де ему имя мое не сказати, то никак ево з древа на землю не созвати.
Дьявол ему в разуме сеет, что он со древа слесть ко мне не смеет.
Знатно де он нечто про меня слыхал, или сам где меня видал.
Али паки сам собою меня признавает, что отговорки мне такие подавает.
Не хощет он ко мне со древа снити, и тем хощет незапнои смерти избыти.
Да и сколко ему себя не беречи, а мне ево пришлось стеречи.
Не на то он попал злодеи око, хотя и сидит на древе высоко.
Стану ево всячески караулить, хоть три дни и три ночи, потому что мы кушать их охочи.
Ястия и пития с ним никакова нет, а захочет есть и сам ко мне сплывет.
Сиди же он на древе по своеи теперь воли, захочет трескать, спадет от гладу ко мне и поневоле.
Мнится мне долго тому времени быти, чтобы гладом ево уморити.
Попытаюсь де ево еще известитца, авось либо де как-нибудь (об.) на меня и прелститца».
И тако молчаше и доволно размышляше и паки ему глаголати начинаше.

Лисица рече:

Чадо мое, куре любезное и доброгласное, возлюбил еси ты древо сие прекрасное.
Воспомяни ты первого на земли человека Адама, древа [1] из раю изгнанна.
Сниди с него скоро, тут бо орлы прилетают, да они абие тя растерзают.

---

[1] *Доб.* ради Q. XIV. 27.

Сниди, чадо мое, и не смущайся и неподобными мыслями не прелщайся.
Что ты время сие продолжаеши и о грехах своих долго ся не каеши?
Принял бо еси ты намерение благое, да побеждает тя помышление злое.
Тем ты богу свету досаждаеши, а наипаче от него грехами удаляеши.
Чем боло тебе пред ним богом горко плакати, а ты научился пустова многа вякати.
Тебе боло должно неутешно рыдати, а не безделицу какую помышляти.
Гряди, любезны мои курушко, бог тя мною призывает, грехи твоя тяжкия всемилостивно прощает.
Остави древо сие. Я некую радость тебе являющая, вскоре же гибель твою сокрывающая.
Что паче время не вразумишися, и зриши себя во злых делах не умилишися?
Сниди ко мне, чадо мое прекрасное, курушко мои друг доброгласное,
Любезно бо на тя зрит око мое (л. 113) ясное, да знатно, что на дворе время ненасное.
Сниди и творити начну ти совершение, да приимеши от мене немалое себе утешение.

Кур рече:

О зверю, красная и сладкая беседа твоя меня удивляет и зело мудрыми словесами умиляет.
Точию о сем велми я смущаюся, что имени твоего не допытаюся.
О нем же изволь мне открыти, и аз готов по воли твоей творити.
Радостна бысть лисица, что хощет кур к неи снити и во всем повинен еи быти.
О имени своем лисица ему открывает и на снитие курово надежно уповает.

Лисица рече:

Изволь, курушка, батка мой, имя мое знати и тако мя имянно звати.
Что мне от тебя именем своим таится, понеже вся пустыня мною красится.

Имя мое есть по божией благодати преподобная мати,
Святая лисица, старая красная девица,
Всем зверям и птицам мать духовница, чудова монастыря первая просвирница.
Кур же ужасеся, на древе сидя, таковую преподобную матерь видя.
И трепетен бысть, не знамо что и рещи, нача то помышляти, как бы от нея утещи.
«Хотя б нечестно да здарово было, а сердце уже во мне весма уныло».
Не ведает, как с таким зверем и быти, а знатно, что насилу де и живу быти.
«Ежели бы здесь люди были, то бы они меня от нея отбили, свободили.
Но по грехам моим прилучися, что блиско людей в то время не случися».
(об.) А ведает, что лисицы кур едят зело охотно, того ради она и беседует доброхотно.
И тако, сидя на древе, повыше от нея поднялся, а от боязни едва у нево и ум не отнелся.
И великим гласом поюще закричал, да никто гласа ево не слыхал.
Потом нача молитися божией власти, чтобы той преподобной матери в руце не попасти,
Чтоб не потерпел бог злой ея лести, и не дал бы его безвременно сьести.
«А хотел бола я со древа слести и «покаяния двери отверзи ми» запети.
А пропев горко хотел расплакатися и в тяшких своих грехах покаятися.
Еще благодарю тя милостиваго моего бога усердия моего премнога,
Что свободил меня таковыя напасти и не съеден за всякие злости.
А впредь не потерпи, боже, ея злой такой лести и не дай, боже, мне грешному умереть без вести.
А немного боло я на нее не прелстился и на землю к ней проклятой чуть не спустился.
И ежели бы о имени ея испытать не покусился, давно бы я ею потребился.
Ныне же не токмо к ней слетети, но не хочу на нее проклятую и очима зрети».

Лисица же дознalася, что кур догадался и о имени ея велми убоялся,
Еще промысл свой к нему словесно деет и оболстить его тщателно радеет.
Паки на него умилно зряше и еще к нему глаголати начинаше.

Лисица рече:

О любезное мое чадо, доброгласное куре, что ты мятешися в сумни(л. 114)телной буре?
Чесо ради неразсужден явишися и меня, преподобной матери твоей, боишися?
Аз, чадо мое, приидох к тебе не прелщати, но на путь ко спасению твоему провещати.
То бо мое присное художество, прощати грехов ваших множество.
Аз бо душу свою готова за тя положити и рабски тебе другу моему послужити.
Ты же мниши, яко бы аз тя прелщаю, и яко бы неправду тебе провещаю.
Всуе ты жалуешся на мя богу, яко бы на тя нанесла печаль многу.
А такои ли я, свет мои, меры, чтобы не имееши мне в безделнице веры?
И пребываю убо в сей пустыни от своей буйной младости и до нынешней глубочайшей моей старости,
А вить не бывало у меня того, чтобы я опечалила кого.
Мыслиши ты, будто я вас снедаю, а я уже давно и зубов у себя не имею.
И не точию что мясных ядей я снедаю, а я давно уже никакого варения не вкушаю,
С сахаром и с маслом ничего не едала, а про иное слаткое кушанье и не слыхала,
Ни пива ни вина и ничего никогда не пивала, а другие напитки я и в рот не бирала,
Точию то одно я и знаю, что в посте и в молитвах непрестанно пребываю.
Про твою же красоту от многих людей слыхала, а часто тебя и самого видала,
Что ты сын родителей неубогих, а к тому имаши и другов у себя богатых многих

Великомудрых (об.) и самых разумных, а сам держишся мыслей своих наразсудных.
Мастер ты книжнаго чтения и пения, а не имаши праваго разсуждения.
Людем ты сказуеши и воспеваеши, а сам себе не внимаеши.
Како ты бога не боишися и будущаго суда божия не страшишися?
Зриши ли ты толикия его долготерепение на твое великое и премногое согрешение?
Он тя по своей великой благодати непрестанно на покаяние велит ожидати,
А ты наипаче от него покаянием удаляеши и грехи на грехи своя себе претворяеши,
День от дни в новых грехах являешися и яко свиния в кале валяешися
И тем великую богу досаду делаеши, что о покаянии своем нимало не радееши.
Мнози твои братья неопасно пиша и ядоша, и те незапно все помроша.
Тела их без погребения погибоша, а души их все во ад снидоша,
Ты же не поревнуй таким падшим и памяти по себе не оставшим.
Полно, подумай, уже тебе то время пришло,
Пора себя к богу обратити и покаявся прощения себе просити.
Ей, курушко, свет мои, душею моею всякаго блага тебе желаю, того ради великое попечение о тебе полагаю,
Понеже зрю уготовавшуюся смерть над тобою, (л. 115) от нея же избавишися мною.
Изволь ко мне, курушко, скоро снити, чтоб тебе душу свою не погубити.
Аз тя с любовию приимша угощу и грехи твоя немедленно все прощу,
Также и в дом твои, проводя честно, тя отпущу и здравие тебе на многие лета возвещу.

Кур рече:

То бы мне, мати моя, зело требе, чтобы по известию твоему быти мне в небе.
Давно я святых книг охотны читатель и вечные жизни я искатель,

Да видит, мати моя, всещедры бог, что не знаю, как сей час занемог
И не могу к тебе, мати моя, снити, изволь ты ко мне сама на древо взыти.
А я с радостию покаятся тебе готов, понеже безвременно умрети не охочь.

Лисица рече:

О куре, матерью меня называеши, а словес моих не внушаеши.
Вижду тя, сын мои, что ты меня боишися, а во гресех своих неразсужден творишися.
Остави, любезны мои, ту твою мысль злую, прошу тя, приими мою благую.
Поревнуи, чадо мое, мытарям и блудникам и всяким грехотворцем и озорникам,
Како были яко скаредное блато, а очистились покаянием своим яко злато.
(об.) Помниш ли притчу о мытаре и фарисеи реченную, в триоде постной всегда чтенную?
И ты поревнуй мытареву смирению, а не фарисеиву злу превозношению.
Высоко ты, курушко, сидиш и высокая мниши.
А ты сниди ко мне, курушко, пониже, так же и к покаянию поближе.

Кур же рече:

Ах, мати моя предрагая, что сердце во мне трепещет, а покаяния на время отмещет?
Понеже я боюся твоей лести, знатно что хощеш меня сьести.
И хотя зде от болезни и з гладу умру, а к тебе на покаяние един не поиду,
Разве кто иной прилучится, а не сниду к тебе, дондеже то случится.
Потому что от части твоей тебя знаю, того ради тебе я и не каю.

Лисица рече:

Кто тебе, курушко, донес таковые вести, что язык мои наполнен лести?
Сам бог тебе по мне порука, что я истинная покаянию твоему наука.

Духовница я [всем неустижная][1] аще и мысль у тебя противная.
Истинно бы обо мне возвеселился бы, како бы от меня в дом свои преселился.
И стал бы ты здраво и безболезненно жити, и всяк бы имел тя везде блажити.
А я бы о тебе добрыя вести (л. 116) везде разнесла, а когда скорбиш, я бы тя к дому твоему сама отнесла.
Престани, любезны мои курушка, от непотребнои мысли, и о покаянии хотя нескоро, а размысли.
А толко надобно богу покаяние во грехах принести, а чтоб в наиболшее согрешение и во отчаяние не впасти.

Кур рече:

О, мати моя, мое бы покаяние пришло и близ, да не вижу у тебя ни патрахили, ни риз.
И ты изволь для того домои тещи, да для бога не забудь принести сюда и свещи.
Аз в то время домои збегати потщуся и со всеми своими честно прощуся.
А буде не прикажеш, то я и не поиду, а тебя здеся подожду.

Лисица рече:

Как тебе, курушка, то говорить хочетца словеса такия пустыя, а веть и ты, курушка мои, птица непростая.
Впал ты [в] великия греховныя напасти, а не боишися ты божией власти.
О, горе тебе, куре, зло лютое, победило тебя отчаяние лютое.
Чем боло тебе горко плакати, а ты чтисься непотребно вякати.
На что тебе потрахиль, ризы и свещи, и чего ради мне для того тещи?
Такожде и тебе для чего з домашними прощатися, бутто тебе по смерть не видатися?
А когда ты грехи своя все избудеш, то конечно скоро и домои будеш.
Я веть, курушко, лисица, (об.) а не поп, я надеюся не исповедует тебя так и соборнои протопоп.

---

[1] *Здесь поздним почерком вставлено,* ωsсmь nepsmiwaα; *восстанавливаю по сп.* Q. XIV. 27.

Велено и друг другу согрешения своя исповедати, бутто ты про то не изволиш и ведати?
Не лутче ль тебе все то оставити, и сошед ко мне, матери твоей, покаяти?
Я тебе, курушко, правду вещаю, а воистинну тебя не прелщаю.

Кур рече:

О, любезная моя матушка, а поглядеть на тебя, бутто ты прямая бабушка.
Полно словес моих себе внушати, о чем милость твою хочу вопрошати.
Не ты ли по ночам к нашестям нашим подходиш тихо, а нам твориш великое лихо?
И мешаеш нам з женами спати и не даеш нам здравым воставати?
Неопасных нас всегда ловиш, а не слышно, куды их относиш?
А ты бы изволила к нам в день ни тихо ходити и дело твое явно творити.

Лисица рече:

Послушай, курушко, ответа моего и не сумневайся, но воистинну словесем моим уверяйся.
Хожу я к нашестям вашим по ночам тихо, а ничево вам не делавала лиха,
Потому что глупых псов опасаюся, а ничиго иного никогда не устрашаюся.
И пришедши любезно зрю на вас, каковы пребываете, и здраво ли вы почиваете.
А кого из вас усмотрю заскорбевших како, и тех вземши ношу домой всяко,
(л. 117) И тамо им всем исповедь сотворяю, и всякое радение о исцелении их являю.

Кур рече:

Да чего же ради, мати моя, домои они не бывали, и мы их давно уже не видали?
И думаю я толко бы чуть они не погублены, и вечно [1] знать они спать. [2]
А в некое время выходил я за гуменное одверья и видев на земли брата моего одно перья.

[1]—[2] *В сп.* Q. XIV. 27 *правильнее:* бы от тебе не потреблены.

Лисица рече:

Многия из них долговременно скорбеют, того ради лекарство у меня имеют и емлют.
А иные во епитимиях изволили у меня сами быти, а я дала им по воли их творити.
Те здравы поют и ныне, изволиш себе с краснаго сего древа снити, а их всех собою посмотрити.
А я с тобою к ним схожу, и всех их поименно раскажу.
И о том тебе, друг мой, курушко, будет верно, и ни в чем, душа моя, несумненно.
А подошед поближе, изволь хорошенко запети, а к тебе на встретение выдут все мои духовные дети.
И они тебе возрадуются душевно, о чем и слышать тебе будет полезно,
Да там жа у меня есть (об.) сестрицыни деточки, мужнены девочки,
Лисеночки изрядные и в разуме избранные.
А тебя они еще у себя не видали, разве от нас старух где слыхали.
И они тебе учтиво все поклонятся,
И ты их изволь пению своему научити, а я всеусердно рада их всех тебе вручити.
А что сказываеш выходил де ты за гуменное одверье и видел брата своего на земли одно перье,
И о том ты, друг мои курушко, не смущайся, не я то учинила, разве другие звери, и ты не прелщайся.
Я в то время утреннюю пела, а слышала, как сава птица кура ела.
А то неложная, курушка, весть, что истинно та б.... кур ест.
А про нас говорят, бутто все лисицы едят.

Кур рече:

Буде уже и тако, что сова кура съела, и несть твоей вины, веть не ты ей велела.
А ныне немедленно в дом свои иди, и веры ради от унесенных тобою хотя одного приведи.
А я бы с ним повидался зде, а то [ко] мне с тобою не придут все.
И увидевши того воистинну тебе вдамся, а не видавши их, до смерти моей не предамся.

Лисица рече:

Пребывают они по (л. 118) бозе и в воздержании моем мнозе,
Что и света сего мраморнаго не хотят видети, и ни гласа твоего, курушко, слышати,
Разве мало когда поглядят в окно, а едят точию одно толокно.
Много у них ржи, овса и пшеницы, тако ж гороху, семя и чичивицы.
Да не знамо что враги они не клюют, а одну толко решную воду пьют.
А всегда они весело песни поют, да сами они уже к тебе не поидут,
Разве тебя к себе мало подождут.
Изволь к ним не обленится, и сам им появится.
Да изволь к ним милость свою явити и любовно их всех посетити.
А мне к ним итти невозможно, потому что твою милость опасати должно,
Кто бы нат тобою не учинил зла какова, здеся озорничества очин многа.

Кур рече:

Еще скажи мне, мати моя, иное дело, которое ты весма творила смело:
Некогда господину моему путем идущу, и видех тя неложно курицу ядущу.
Не той ли и меня сподобляеши чести, знатно хощеши и меня сьести?

Лисица рече:

[1] Губитель, како пред суд божи явившися, что и по се время с нами не смиришися?
Окоянной, господь глаголющих лжу конечно (об.) а за неправду изринет в муку вечно.[2]
Разве то иная глупая лисица творила, а я бы еи за то и зубы искоренила.
В прошлых летах сказывают, что были таковыя, а конешно то вести не прямыя.

---

[1—2] *В этих стихах явная ошибка: первый должен начинаться словом* окоянной, *а* губитель *есть искаженное начало второго стиха* — губит господь зло... — *ср. в сп.* Q. XIV. 27.

Сказывал тебе господин твой ложно, а посмотреть было тебе
самому должно.
Он тебе в пристрастие говорил, чтобы ты далеко гулять не ходил.

Кур рече:

О, мати моя, сказывал мне не один, что ты насилу ушла у них
за овин
И тут де ты нимало не полежала.

Лисица рече:

Разве ты, курушка, сам за мною посмотрел, тогда бы ты мне
и говорил,
А чужим словам бога ради не ими веры, говорить иное и глупо
без меры.
А еще что слыхала, бутто кузнецы ковали, а в то время вы куры
лисицу клевали.
Да я тому веры иму мало, знатно что едва то бывало.

Кур рече:

Слыхал истинно и ото многих такие речи богато, что житие
твое [1] очинь не столь горбато.[2]
Говорят про тебя худо без меры, а я тому подлинно иму веры.
Имееш де ты во своей власти кушать нас паче всякой (л. 119)
сласти.
И думаю я, что то слово неложно, того ради опасатися тебя
должно.
Аще бы и сладостныя глаголы вещаеши, а сердце во мне слышит,
конечно, прелщаеши.

Лисица рече:

«Ты бы, курушка, спросил бы, друг мои, про меня в разуме
многих, а не таких странных нищих и убогих.
Сказали бы про меня началные зверове лев и лвица, что я их
премудрая лисица,
Всякого добра делателница, а воистинну никакая прелестница.

---

[1—2] *В сп.* Q. XIV. 27 мати, не свято.

Сказали бы тебе и началные птицы орел и орлица, что я их праведная духовница,
То тебе сказывал некоторой бес, ложно сказывал тебе про меня дуброву да лес.
А ты видно простосердечный неразсужден явился, и теми ложными твоими словесы и соблазнился».
Тако лисица горко прослезися, что и кур велми удивился
И стало умилно разсуждать, а лисица с радости воздыхати.
И рече к нему жалостным гласом и умилно, что куру и зрети на ню стало стыдно:
«О вселюбезный мой доброгласный кур, где твои сокрылся предивной ум?
Чего ради жестокосерд толико явишися, и чрез многое время ко мне не умилишися?
Глас твои яко апостола Петра умилил, и плакатися горко сотворил.
(об.) Толикого стыда ты тогда подкрепил, а сам ся ныне отчаянием ослепил.
Без покаяния тебе, курушко, невозможно быти, что рыбе без воды быти и жити.
Я грешница аще и духовница нарицаюся, а по вся посты в году каюся.
Ты же от [т]воей буйной младости не бывал на покаянии и до сей твоей старости.
О, милое мое чадо, незапнои смерти убойся, и будущия бесконечныя муки укротися.[1]
Престани непотребныя беседы творити и пустоплодные слова говорити.
Влез ты на такое высокое древо, а стыдишися слесть бутто какая дево.
Остави, любезный мой, назирати широту поля, а посмотри после покаяния, тебе будет воля.
Доколе тебе в злых живущих себя не очищати, и грехи твоя пред богом не извещати?
О, горе лютое на земли живущим, а никогда покаяния себе не имущим!
О любезное мое чадо, не отчаися, и сошед мне, матери твоеи, покаися».

---

[1] Укройся. Q. XIV. 27.

Видев же ея кур плачущуся умилися, и самому зрящу на ню
велми прослезися.
Слышаще словеса ея душеполезна, вздумал и вправду
быти еи яко она мати любезная
И душевно об нем печалитца (л. 120) и желает, а о спасении его
промысл содевает.
Воспомянув грехи своя, весь слезами облился и на льстивые ея словеса соблазнился,
И смирен и кроток явился и во всем воли ея покорился,
Понеже незапнои смерти убоялся и великим страхом обялся.
И нача со древа спущатися книзу плачущи, с ветви на ветвь
скачущи.
„Объятися [1] отверсти ми“ потщился запел, в [в]о слезах своих
едва и свет узрел.
И хотел боло скочити на траву, а лисица не обленилась, подставила ему свою главу.
И рекла ему: «Благое дело избрал еси, чадо, вниди ныне во избранное мое стадо».
И прием его во свои когти, да влепила в него и нохти.
Таже зверовидно на него взгленула, а кохтями своими крепко
ево гнетнула.
И кур бедны необычным гласом завопил, а слезами наипаче
землю потопил,
Страхом весь вострепетал и болезненно возстонал,
И от той болезни едва уста своя развлече и плачевным гласом
к ней рече:
«О, возлюбленная моя мати, такои ли ты мне обещала
благодати?
Того ли ради изволила меня призывати, еже меня грешнаго тако
сокрушати?
То ли твоих сладких глагол збытие, что меня грешнаго (об.)
проводиш в небытие?
Такого ли воздаяния чаеши от бога, еже меня губиши нища
и убога?
Чем я тебе оскорбил, или чем милость твою раздражил?
А ты сама меня изволила знать, кому бых досадил, или каковую
обиду кому учинил.
Я же у тебя ни жилища отнял, ни насилие какое устроил.

---

[1] Объятия. Q. XIV. 27.

За что меня смерти предаеши и безвинному суду погибелную горесть подаеши?
Аз боло во умиление одеяхся и тобою спасен быти надеяхся.
Аз чаях истинная ты покаянию моему проповедница, а не думал, чтобы ты такая была прелестница.
И ты толко меня оболстила, а не во грехах моих простила.
Изволь ко мне бедному милость свою показати и винность мою нескрытно мне сказати.
И дажд ми хотя малую отраду и от кохтеи твоих острых ослабу».
Лисица на него зубами своими скрежеташе и зело яростно на него зряше.
Челюсти своя развергаше и скоро сожрати его хотяше.

Лисица рече:

А какая я тебе, злодеиниче мои, отрада и от смерти настоящей ослаба?
Потому что согрешение твое велико, что и говорить мне с тобою дико.
И как ты безделник хощеш жив быти, достоин ты и с телом во ад снити.
Како тя, всескверны враг, земля (л. 121) не пожрала, и незапно к себе чего она ждала.
Ни ты, скаред, бога боялся, всегда б...овал и людей не срамлялся.
Ни ты судеи страшился когда, блудящих насиловал всегда.
Всему свету блудник ты явный, а к тому братоненавистник славны.
По вся дни беззаконник ты согрешаеш, а прощения никогда от бога себе не прошал.
Как к тебе мне милость показати, и как мне тебя не наказати?
Да что мне с тобою много и болтати, достоино тебя скорой смерти предати.
За твои мерския несытныя сласти раб еси ты смертныя власти.
И сам ты ведал, что жена едина иметь указано, да и с тою иногда заказано.
Аще умрет тая, по нужде велено понять вторая,
А с третьею же и венчания не бывает, а четвертая дому ради да и христианство отлучает.
Ты же, беззаконник, того дошел, что и Моисеев закон о пяти женах превзошел.

Имел ты у себя жон по 20 и по 30 и болше, и тот
твой грех и татар горше.
И как тебя на покаяние принять, и как за тебя ответ богу дать?
Лутче тя разве отдать градцкой казни, чтоб не было и другим
такои же блазни.
Но честнее тебя зде смерти предати, и без огласки тя скончати.

Кур рече:

Послушай, госпожа моя преподобная мати, не изволь
меня скорои смерти предати.
Не погуби моего тела и души, и ответа (об.) моего словеснаго
внуши.
Изволиш ли помнить слово божие ко Адаму реченное, и вам
государыня моя, всем извещенное?
Раститеся, и плодитеся и умножите землю, и обладаите ею.
Аз того слова божия держался и новому закону не внимался.
И в том тебе ныне, мати моя, каюся, а впредь творити тако зарекаюся.

Лисица рече:

О, злодей мои, проклятой куре, что ты меня учиш, яко дуру?
И сама я о том помышляла всяко, да невозможно свободити
тя никако.
Великои ты братоубийца и в зависти блуднои ты кровопролиица.
Один бы ты блудил, а иных бы и до смерти убил.
Сам ты то любил, а иных за то губил.
И то себе ныне внемли, что уже не быть живу тебе на земли.
Вижу я и сама, что тебе приходит тошно, а свободить тебя еи
еи неможно.

Кур рече:

Помилуи мя, мати моя, беднаго и в скорби сущаго, ни откуда же
помощи имущаго.
Видишь ли яко хвор есмь и зело вреден, а на пищу тебе еи еи
не потребен.

Помилуи мя от сей смерти нечаемои, хотя и в муку буду нескончаем.
О горко и страшно смерть живущим и всякое дыхание имущим.
Лутче бы не родитися, когда смерти не свободитися.

Лисица рече:

Что ты мне, куре, докучаеши или себе и вправду живота чаеши?
Истинно тебе глаголю, неложно, и никако тебе живу быть невозможно.
А слез ты пролей хотя реки, но не свобожду тя и во веки.
Осудила я уже тебя потребити, и никако тебе меня будет не умолити.
Понеже многую досаду некогда от тебя принела и таковои досады от роду себе не видала,
Помниш ли ты, как на земли был глад,[1]
И от того гладу сердце во мне изныло, (л. 122) а купить пищи не на что мне было.
И нечего мне было в то время есть, и я кушала лук да ретку и то в честь.
И ходила я по лесу, збирала сморчки, да и то насилу видела и в очки.
И тем себе срамоты многия доставила, а пустыннаго жития своего никак не оставила.
И приходила к вам на гумно збирать колосу, а не чаяла я твоего, злодей мой, голосу.
И хотела я тебя попостовать умилно, а ты увидевши меня и закричал унывно,
И со всеми курицами побежал от меня на двор, бутто пришол по вас какой вор.
И я, дождавшись ночи, пришла бола к вам и к нашести и хотела бола с вами вместе сести,
И от жон твоих желала бала попросить хотя яичко сьести, и чаяла бала от них себе чести.
А ты услышавши меня тогда взбесился, и чуть сам на меня не бросился.
Послышавши господин ваш глас злодеискои твои с постели бросился и з домашними и с соседи согласился.

---

[1] *Здесь пропущен рифмующий стих*: а ты в те времена был млад Q. XIV. 27.

З дубьем и с кольем и со псами за мною бежали, и никто у них на постелях не улежали.
А поимавши мя хотели до смерти убити, а кожу мою на шапках износити.
А все ты их взбунтовал и подал им варам весть, бутто я хощу у вас кур есть.
А как бы на меня не те гладные времена и убогия, что не едала я истинно дни многия,
И хотя бы мне господин твои кланялся ниско, звал бало меня честнои крестьянин Василиско,
Да ити было к нему слиско,
А хозяин твои (об.) хотя меня и не звал, и он бы с меня воли не снял.
Одною бы куркою и в честь мне поступился, а к нашести бы не приступился,
Видя меня духовницу честную, жителницу лестную,
Толики далныи путь полагаючи, и от глада своего изнемогаючи.
А взявши бы тое курочку домои отнесла, а она бы мне яичек нанесла.
И я бы от тех яичек иныя продала, а оставшия бы нищим раздала.
А на денги б себе калач купила, да в пустыню бы себе впустила.
И часы бы по времени отслушала, а калачики б со друзьями моими покушала.
А ты, злодей, напрасно меня огласил, и людей за мною бежать возбесил.
Как ты, окаянный, надо мною тогда не умилился и немилостив ко мне явился?
О всескаредный и всескверный куре, посмеялся ты мне, как деревенской дуре.
И ни во что ты меня поставил, да и смерти бала великой меня доставил.
Сова самая птичка плахая, в день слепая и глухая,
И та у вас кур ест чуть не всегда, а ты иное и не ведаеш когда.
А я бала единожды к вам пришла, и тут от тебя насилу з бесчестием жива чуть ушла.
И таковые беды не видала себе от начала века, а все от тебя, скаредныи, злаго человека.
Чего ради ты, злодей, мне, духовнице, тако досаждал, а честную деву з бесчестием от себя отогнал?

(л. 123) Годал, бутто какои ты богатои, и ты толко перьем хохлатои.
Сам ты вить как осердился, а ко мне к прекраснои деве приттить не обленился.
Ныне попался ты сам в мои руки, натерпися самачьеи муки.
И сколко тебе со мною не балтати, а от рук моих себя не избавити.
И как тебе не вертетца, а от меня никак не оттерпетца.
Потому что грехи твои[1] нестерпимыя.

Кур рече:

Госпожа моя и мати лисица, премудрая ты духовница,
Самая прекрасная ты девица разумная и во всех вещах духовница разсудная.
Ведаеш, что один раб двемя господином не может работать.
А мирская, госпожа моя, пословица просто никогда слово не молвитца:
По которой реке плыть, та и вода пить.
А у кого жить, того и воля творить.
Хлеб пшеницу клевал и волю ево содевал,
А ныне твою милость буду честно хранити, аще изволиш меня от нохтеи своих свободити.

Лисица рече:

Что мне с тобою, куре, и беседа продолжати, время уже живот твои скончавати.
И много бала бродить, а такова времени не добыть,
Что сам ты ко мне ныне пришел, а меня бог на тебя навел.
И потом нача ему крылья вертеть, что несносно ему было терпеть.
Почел курушка п...еть.
Таже и главу ему отвернула, а сама от радости тако вздохнула:
Ах, курушка, совершенная теперь моя радость, а плоти моей в насыщение и в сладость.
Перья твое оставаися здеся, понеже жилище (об.) мое в лесе.
Колико нам с тобою не ликовати, да расходится, а впредь мне с тобою не сходится.

Конец.

[1] *Здесь пропущен рифмующий стих*: непростимыя и досады твои ко мне — *так в* Q. XIV. 27.

## VI. ПОВЕСТЬ О ПОПЕ САВВЕ

Вторая половина XVII в. в церковной жизни Московской Руси была временем ожесточенной борьбы, вышедшей впоследствии далеко за пределы собственно церковных вопросов. Эта борьба началась задолго до так наз. «раскола», и обострение ее в эту эпоху было подготовлено всей предшествующей историей — организацией церковного управления, резким классовым расслоением духовенства, с одной стороны, а с другой, тем, что церковная практика слишком далеко ушла в это время даже от самых скромных требований церковного порядка.

Оппозиция против всякого рода «скверны» внутри церкви особенно резко обнаружилась в среде городского духовенства, пытавшегося путем обличений воздействовать на священнослужителей всех рангов. Настроение этой оппозиционной группы характерно выражено в подметном письме, найденном в Москве в декабре 1660 г.: «несть уже ни единого епископа, чтобы жил по-епископски, ни одного священника, чтобы жил по-священнически, ни инока, чтобы жил по-иночески, ни христианина, чтобы жил по-христиански; вси свой чин презреша: игумени оставиша свои монастыри и возлюбиша со мирскими женами и девицами содружатися; а попове, оставивше учительство, и возлюбиша обедни часто служить и кадило от грабления и от блуда на жертву богу приносити и мерзостное и калное свое житие всем являти, и благочестием лицемерствующеся, мняще частыми обеднями бога умилостивити, недостойни и пияни, помрачени различными злобами, и слова божия и слышать не хотяще».[1] Эти идеи разделял и будущий патриарх Никон, входивший еще архимандритом Новоспасского монастыря в московский кружок, организованный протопопом Стефаном Вонифатьевым. В сане патриарха он перешел и к другому способу водворять церковное благочиние, а заодно — и собирать недоимки с неаккуратных

[1] Н. М. Никольский. История русской церкви, стр. 97.

плательщиков особого патриаршего тягла; диакон Павел Алеппский, сопровождавший антиохийского патриарха Макария во время его путешествия в Москву, описывая разные исправительные меры, которые употреблялись в Москве в области церковного управления и благочиния, замечает: «при каждой палате патриарха Никона находилась темница с железными цепями и деревянною колодой. Если кто-нибудь из высшей монастырской братии или белого духовенства учинял какой-нибудь проступок, того засаживали в цепи, и он должен был просевать муку для пекарни, пока не выполнит своего наказания... Точно так же и при епископских дворах были темницы с железными цепями и колодами, куда сажали непокорных».[1] Этому наказанию, между прочим, был подвергнут за какое-то «бесчинство» в феврале 1655 г. Троицко-Сергиевский литератор, Симон Азарьин, уже заявивший себя печатными и рукописными трудами. Он был отправлен в Кириллов монастырь, и в препроводительной грамоте патриарха Никона от 5 февраля 1655 г. предписывалось отдать его под начало «в хлебню муку сеять, а с монастыря до патриаршего указа не спущать».[2]

Одним из самых больных вопросов церковного устроения второй половины XVII в. был унаследованный от предшествующих веков и к этой поре особенно обострившийся вопрос о том, как пополнять кадры духовенства. По давно заведенному порядку население — и крестьянское и посадское — посылало по своему выбору ставленников, которых и посвящали в духовный сан. Каковы были эти ставленники в интересующий нас период, об этом красноречиво говорит грамота архиепископа рязанского Мисаила — документ 1650-х годов. В своей увещательной грамоте пастве он пишет: «Да сказали б есте в государевых дворцовых вотчинах и поместьях старостам и целовальникам и крестьянам: как доведется им посылать к нам ставленников, и они б посылали к нам ставленников срослых, в попы 30 лет, а во дьяконы 25 лет. А люди были б добрые и благочинные, и искусны и грамоте учены, а не здорщики, и не косторы, и не бражники, и не ярыжники. А молодых ставленников и воров

[1] Л. П. Рущинский. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII вв. Изд. Общ. ист. и древн. росс. при Моск. ун., М., 1871, стр. 150—151.

[2] Н. К. Никольский. К истории наказаний писателей в XVII в., Библ. Летопись, вып. 1, 1914, стр. 127—128.

и бражников к нам не присылать».[1] Это предупреждение было вызвано той распущенностью среди местного духовенства, которую застал в своей епархии Мисаил: «А вы б соборные и иные священники и дьяконы, потому и хмельного пития в домех своих не держали и по кабакам не ходили б и в иных местах нигде не пили. А в церквах бы божиих везде у вас во вся дни без всякого церковного пения не было... а будет учнут попы вас ослушатися и запиваться и церкви божии будут у них без пения, и вы б, игумены, тех пьяных попов и дьяконов и церковных дьячков велели имать и сажать в смиренье» (стр. 111).

Низкое качество ставленников как кандидатов на духовные должности влекло за собой целый ряд злоупотреблений при их посвящении. За хорошую плату еле грамотного ставленника местный священник обучал двум-трем молитвам, которые тот читал в присутствии архиерея и получал посвящение. Поборы со ставленников доводили их подчас до полного разорения. Доход с них был настолько значителен — так как кроме этой неофициальной платы за обучение и за самое посвящение полагался налог, — что патриарх Иосиф, не желая выпускать его из своих рук, отменил старый порядок и запретил в своей области сельскому духовенству ставиться у ближних архиереев. Все ставленники, по его распоряжению, даже из местностей, отстоявших от Москвы на 800 верст, должны были итти ставиться туда и платить непосредственно в патриаршую казну. Такой порядок сохранялся и при патриархе Никоне. Московскому духовенству открылась широкая возможность обогащаться за счет этих ставленников, которых надо было как-то приготовлять к посвящению. Какова была эта подготовка, об этом можно судить по тому, что жалобы на низкий уровень духовенства не прекращаются вплоть до Духовного Регламента 1721 г., проектировавшего в будущем полную отмену института ставленников: вместо них должны были назначаться воспитанники церковных школ. Тот минимум знаний, какой требовался от кандидата, не окончившего школу, формулировался так: «ставленником велеть изучить книжицы о вере и законе христианстем, о должностех всех чинов, и пота оного не ставить, пока он наизусть не изучит. Приходящий ставленник да имеет в доно-

---

[1] Н. И. Дубасов. Рязанский архиепископ Мисаил. Ист. Вестн., 1889, октябрь, стр. 112.

шении известное от прихожан своих свидетелство, что его знают быть добраго человека. А имянно не пияницу, в домостроении своем не лениваго, не клеветника, не сварлива, нелюбодейца, небийцу, в воровстве и обманстве не обличеннаго. Сия бо наипаче злодействия препинают дело пастырское и злообразие наносят чину духовному».[1]

Отрицательная характеристика, каким не должен быть ставленник, была, конечно, продиктована жизнью. Ее подтверждают многочисленные материалы, рисующие пьянство, корыстолюбие и распущенность духовенства Московской Руси, выраставшего из ставленников.

Все перечисленные выше факты из церковной жизни Московской Руси второй половины XVII в. делают для нас вполне понятной ту ситуацию, которая порождала сатиру на духовенство вообще и в частности создала повесть о попе Савве, сюжет которой касается непосредственно злоключений ставленников, попадавших в руки жадного и корыстного московского попа.

Повесть о попе Савве сохранилась всего в трех полных списках XVIII в. и одном небольшом отрывке 1730-х годов.

1. Лучший и наиболее полный текст читается в сборнике светских повестей XVIII в. собр. И. Забелина № 536, на лл. 47 об. — 49 об. (см. описание состава этого сборника — М. Н. Сперанский. Собрание рукописей И. Е. Забелина, Отч. Гос. Ист. музея за 1916—1925 гг., М., 1926, приложение, стр. 23). [З]

2. Список собрания Н. Тихонравова № 486, XVIII в., лл. 3 об. —5 об., в сборнике, содержащем главным образом повести и одну драму (см. описание состава — Г. Георгиевский. Собрание Н. С. Тихонравова, М., 1913, стр. 88). [Т].

3. Список Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 57, первой четверти XVIII в., лл. 378—379, в сборнике повестей; текст сильно сокращенный, особенно в последней части. [П]

4. Список Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук СССР 45. 8. 216, с датой 1735 г. на об. л. 38, где помещен отрывок из 10 начальных стихов повести. Листок вклеен в более позднюю рукопись XVIII в., содержащую Сказание об Индии богатой и другие повести. Текст повести о попе Савве написан очень небрежно, затерт и местами читается с трудом. [А]

---

[1] П. В. Верховский. Учреждение духовной коллегии и духовный регламент, т. II, Ростов-на-Дону, 1916, стр. 83.

Герой повести — поп Савва «от Козмы и Домияна из-за Москвы реки, а в приходе у нево богатые мужики». В этом стихе дано вполне точное описание прихода нашего попа: за Москвой рекой была богатая слобода Кадашево с главной церковью Козьмы и Дамияна. Эта слобода была местом поселения царских ткачей и мастериц полотняной казны. К началу XVII в. кадашевцы заняли своеобразное положение. Как дворцовые ремесленники, обладавшие широкими льготами жалованных грамот, они резко обособились от остального черно-посадского мира и были сильны своей близостью к хозяйственным интересам дворца. По сохранившимся документам видно, что оплата за тканье полотна хлебом была очень выгодна, так как эта натуральная плата в пять раз превышала денежную. Отсюда зажиточность населения ткацких слобод, в том числе и Кадашевской.[1]

Поп Савва — образец тех попов, у которых, как жалуется архиепископ Мисаил, «церкви стоят без всякого пения»: он тоже «в церковь ни ногою», и когда «люди в церкве богу молятся, он по приказам волочится». Не довольствуясь тем доходом, который давали ему его «богатые мужики», он «по площади рыщет, да ставленников ищет», «как бы ему их обмануть и к себе за реку стянуть», а заполучивши их, «по тех мест держит, покамест все денги издержут». Это и есть точное изображение положения, которое создалось в Москве после того, как, по приказу патриарха Иосифа, все ставленники из обширной патриаршей области потянулись в Москву ставиться. Обучение будущих священнослужителей поп Савва начинает обещанием: «у меня хотя де за рекою стойте, а в церкви не пойте». Вместо того, чтобы привыкать к церковному делу, ставленники поливают у попа капусту в огороде, топят ему баню, пока он спит, а главное — платят ему и деньгами и натурой — вином и медом. В итоге, как «предвозвестила» Савве его попадья, он «над ставленниками наругался, так и сам в суд попался». Очевидно, даже в привычной атмосфере всяческих злоупотреблений над ставленниками бывали случаи, когда начальство считало себя вынужденным прибегнуть к карательным мерам.

---

[1] К. Базилевич. Кадашевцы, дворцовые ткачи полотен в XVII в. Труд в России, 1924, т. 2, стр. 3—7; Акад. С. Г. Струмилин. Крепостная мануфактура в России, ч. III. Дворцовая полотняная мануфактура XVII в., Л., 1932, стр. XXII и сл.

Что же это за суд, куда «приставы» тащут попа Савву? Во второй части повести — «сне попа Саввы» — и в заключительном «смешном икосе» ему мы находим точные указания, что он попал именно в то патриаршее узилище, которое, по словам Павла Алеппского, было устроено для провинившейся духовной братии. Во сне Савва увидел себя «в патриаршей хлебне на рогожине», а икос, подражая стилю акафиста, восклицает: «Радуйся, патриарша хлебня, видя тебя такова сидня. Радуйся Савы шея, что цепь великая звеня и муки сея». Очевидно, поп Савва исправлялся по рецепту патриарха Никона: закованный в цепи, он просевал муку для патриаршей пекарни.

Как видим, повесть о попе Савве в полном смысле слова бытовой документ: начиная с точного и исторически верного описания прихода, она правдиво изображает приемы обучения ставленников и кончает опять-таки исторически правильной картиной наказания не в меру разгулявшегося попа. Все изображенные в повести факты не выходят из рамок второй половины XVII в., и непонятно, почему издатель Забелинского списка С. Елеонский[1] в кратком предисловии к тексту датирует ее «первыми десятилетиями XVIII в.». В 1700 г. патриаршество было упразднено; в январе 1701 г. патриарший приказ переименован в монастырский. Откуда же через двадцать-тридцать лет после этого взялась бы «патриаршая хлебня»?[2]

И исторические факты, изображенные в повести, и самая литературная форма ее вполне отвечают обстановке второй половины XVII в., с развивающимся в литературе этого времени сатирическим направлением вообще и, в частности, с растущей критикой пьянства и распущенности духовенства, и наконец — с заметным тяготением в литературе этого периода к живой разговорной речи. С. Елеонский отмечает «чисто народный склад», «бойкие рифмы» повести о Савве. Эту общую характеристику следует значительно уточнить.

Повесть о попе Савве еще резче обнаруживает тяготение к пословичной речи, которое указано мною в языке «Праздника кабацких ярыжек». Оба памятника не только вставляют целые по-

---

[1] Хождение попа Саввы, неизданная антиклерикальная сатира XVIII в. Публикация С. Елеонского. Лит. Наследство, 1933, кн. 9—10, стр. 106—111.

[2] Интересно, что эти стихи «Радуйся Савы шея... муки сея» сохранились только в одном списке: видимо, эта бытовая деталь в XVIII в. была мало понятна читателю.

словицы в свое изложение, но и прибегают к излюбленным пословичным рифмам. Уже заглавие повести «Сказание о попе Савве и о великой ево славе» построено на привычной пословичной рифме, известной по сборникам XVII в.: «Был Сава, была и слава» (Симони. Сборники пословиц.., I, № 167), «От Савы славы» (там же, II, 509), «От Савы хочешь славы» (там же, I, 2521), «Зделали славу — поколотили Саву» (Сб. пословиц 1779 г. Всен. Библ. Украины), «Доброму Саве добрая и слава» (там же), «Каков Сава такова ему и слава» (там же).[1] Далее — несомненно бытовой факт, что поп Савва, служивший в церкви Козьмы и Дамияна за Москвой рекой, не любит ходить в церковь, — невольно оформляется у нашего автора по типу старых пословиц: «Живет он за Москвою рекою, а в церковь ни ногою» (Забелинский список пропускает «за Москвою») — ср. в пословице: «Живет за рекою, а к нам ни ногою» (Симони, I, 979). В пословичной манере построены стихи «Хотя тебе непригожо, где твоя рожа» — ср. «Без глаз рожа непригожа» (Симони, I, 331); «Сколка тебе, Савушка, не жить, а галавою своею наложить», «Кто к сему подобно не творит, тот все галавою наложит» — ср. «Баба ворожила, да головой наложила» (Сб. пословиц 1779 г.); «Радуйся, дурны нос, на лес глядя рос» — ср. «Глядя на лес не выростешь» (там же); «А вас шта бубнов пущу» — ср. «Гол что бубен» (там же).

Без перемены автор повести вставил только две пословицы из известных в старых записях: «Бараденка выросла, а ума не вынесла» и «Глас народа глас божий», но вся рифмованная речь его — это именно тот склад, который, как видно по записям XVII в., вполне выработался к этому времени и, закрепленный на письме, не мог не оказать своего воздействия на литературу.

Но автор повести о попе Савве не ограничивается пословичными реминисценциями: вторая часть «сказания» — «сон попа Савы» — пародирует тип многочисленных народных песен, в частности постоянную формулу русских свадебных причитаний невесты. «Мало мне ночесь спалось, да много видилось» (вариант «...да много во сне вралось»), так начинается сон попа Саввы в стиле песенных зачал: «Мне ночесь малодешеньке

[1] С этой привычной к имени Савва рифмы во второй половине XVIII в. начинает свои стихи о купце Савве Яковлеве неизвестный автор — «Послушайте, я скажу вам Саву, какова о Саве слава». Ркп. Уварова, № 1561 (558).

мне ночесь мало спалося, мне во сне много виделось» (Шейн. Великорусс в своих обрядах.., т. I, вып. 2, стр. 402) или «Вечор ноне, матушка, мне мало спалось, мало спалось, да много виделось» (А. И. Соболевский. Великорусские песни, т. VI, стр. 21); «Как и нынче доброму молодцу малым то мало спалось, много во сне виделось» (там же, т. I, стр. 497); «Мне малешенько младу спалось, много во сне виделось» (там же, т. I, стр. 498) и т. д. Эта формула заходит и в историческую песню о взятии Казани, где царица Елена так начинает свой рассказ о виденном сне: «Что ночесь мне, царице, мало спалося, в сновиденьице много виделося» (Сб. Кирши Данилова, под ред. П. Н. Шеффера, стр. 119).

Только последняя часть «сказания» делает попытку стилизоваться под книжно-литературную форму. «Смешной икос» построен по схеме акафиста, но все «книжное» ограничивается в данном случае только схемой и повторением начального «радуйся»: за исключением его, автор не делает никаких попыток приблизиться к церковной речи, резко отличаясь в этом отношении от автора «Кабацкого праздника». Таким образом «Сказание о попе Савве» по своей литературной манере гораздо ближе к устной традиции XVII в., чем к письменной.

Автором «сказания», по мнению С. Елеонского, мог быть один из ставленников, на что указывает форма заключительной пародии. Не возражая против этого предположения по существу, думаю, однако, что содержание «сказания» является в данном случае гораздо более надежной опорой при определении автора, чем литературное оформление. Так примитивно и поверхностно использовать церковную форму, как это сделано в «смешном икосе», мог, конечно, любой грамотный человек в ту эпоху.[1] Не только сам ставленник, но и те, кто его посылал, знали часто повторявшуюся в акафисте формулу, да и название этого акафиста «смешным икосом» не свидетельствует ни о каких профессиональных навыках автора. В конце концов вопрос о том, сам ли ставленник, обобранный московским попом, излил свое негодование в сатирическом «сказании», или это сделал свиде-

---

[1] И. Забелин (История города Москвы, М., 1902, стр. 623—624) относит повесть о попе Савве к группе «смехотворных и кощунственных статей», в ней «отражается сочинительство досужих и неистовых церковников» — так называет Забелин прославившихся в Москве в XVI—XVII вв. своим беспутным поведением так наз. «безместных» попов.

тель злоключений его и его сотоварищей — не так важен, и рациональнее формулировать его иначе: интересы каких социальных слоев московского общества второй половины XVII в. отражает сатира с таким настроением и в такой литературной форме, какую находим в «сказании о попе Савве»?

Те группы городского духовенства, которые в это время боролись с церковными непорядками путем обличений, вряд ли прибегли бы к «смешному икосу» и довольно юмористическому изображению наказанного попа, очутившегося вместо своей «перины» на «рогожи́не». Не только литературная речь, но и самая манера изображения у этих «оппозиционеров» была бы иная.

Но ведь критическое отношение к духовенству в это время было распространено и среди тех широких масс крестьянского и посадского населения, которые и сами страдали от жадности духовенства не меньше своих ставленников. Это они — эти многочисленные «пасомые» — к XVII в. сложили о своих пастырях ряд весьма нелестных пословиц, большинство которых говорит либо о жадности, либо о пьянстве духовенства. Недаром любимая рифма в этих пословицах к слову «поп» — «клоп». «Попам да клопам жить добро», «Попы паствятся над мертвым, а клопы над живым», «Поп кабы поп, да лиха попадья», «Кому тошно, а попу в мошно», «Хорошо попам да поповичам, дураками их зовут, да пирогами им дают» (Симони, I, 1900—1904, 1348, 2476); «Не грози попу плешью, у попа плешь лавочка», «Не грози попу церковью, он от нее сыт бывает» (Сб. пословиц б. Петров. Гал., №№ 571, 590); «Поп пьяной книги продал, да карты купил» (там же, 735); подметили прихожане и глупость поповскую: «Храбрых в тюрьме, мудрых на кабаке, а глупых искать в попех» (Симони, I, 2395) и т. д. Таким образом сатирическое изображение попа Саввы вполне совпадает с «гласом народа» о духовенстве: все слабые стороны его поведения паства понимала нисколько не хуже, чем та передовая часть духовенства, которая громила и обличала в эту пору церковную «скверну». Но, не имея никакой власти, прихожане могли только высмеивать своих духовных «руководителей». «Сказание о попе Савве» — еще один из образцов той литературной продукции, которая во второй половине XVII в. создается среди наиболее активной части крестьянской и посадской массы, ждущей еще того момента, когда вся общественно-экономическая ситуация даст

в ее руки более сильное орудие в борьбе с существующим строем, чем то, какое представляла собой литературная сатира.

В заключение, несколько слов об издании Забелинского списка повести о попе Савве, приготовленном С. Елеонским. Предисловие к этому изданию, бегло касающееся вопросов об авторе повести, о времени ее составления, литературной форме, мною разобрано выше. Следует остановиться также и на самом издании. Вряд ли целесообразно было делать издание по одному, хотя бы и наиболее полному списку. Неудобство такого способа сказалось у С. Елеонского уже с первых слов текста. Так как в Забелинском списке отсутствует заглавие памятника, то С. Елеонский (вслед за самим Забелиным) взял заключительную запись писца — «конец хождению Саве большой славе» — и извлек из нее искусственное заглавие «хождение попа Савы». Между тем, в Тихонравовском списке заглавие есть. Сверив свой текст с другими, наш издатель избег бы, вероятно, и тех анекдотических слов, которые он внес в свой текст, а также разобрал бы с их помощью то, что осталось для него непонятным в Забелинском списке. Приведу наиболее яркие примеры.

В стихе «Сам хотя наг пойду, а вас шта бубнов поведу» С. Елеонский прочел в одно слово «штабубнов» и, отметив в скобках удивленно sic!, так и сохранил это изумительное чтение, которое все списки передают одинаково, с той только разницей, что одни пишут «што», другие «что». Далее — во «сне попа Савы» есть стих: «Хватился, ан нет, ни п у л а не стало»; слово «пула» издатель не прочел и пометил в скобках «неразб.». В том же «сне» у него получились непонятные фразы — «О е с м поп Сава дивился» — разночтение Тихонравовского списка «Сему поп...» показало бы, что издатель путает скорописные *е* и *с*, что он проделал и еще раз — в «смешном икосе»: «Радуйся Савы шея, что цепь великая звеня и муки е с я», вместо «сея». От смешения скорописных начертаний получилась, вероятно, и несуществующая форма «боярши холоп», вместо «боярски». Вместо: «я де» издатель читает «где»; вместо «я бедою» — «бедою»; вм. «дамов» (правильная старая форма) — модернизованное «д а м о й»; есть пропуски, напр., в стихе «хотя и наг поиду» опущено «хотя»; вместо «х попадье» — «попадье» и т. д. Предисловие издателя предупреждает, что «в издании соблюдается правописание подлинника» (стр. 107), однако, вместо

«денги» мы читаем «деньги», вместо правильной формы дательного падежа «ставлеником» — «ставленникам», вместо «сколка»— «сколька» и т. д. Встречается произвольное деление на стихи: «што ныня зделалася великое чудо! Учинилася над долгим попом», — тогда как этот отрывок вполне естественно разбивается на такие стихи: «Што ныня зделалася, Великое чудо учинилася Над долгим попом, Над премым дураком». Приведенных примеров, полагаю, достаточно, чтобы оправдать вторичное издание той же повести, но уже по всем имеющимся спискам.

[Сказание о попе Саве и о великой его славе.]*

Послушаите миряне и все православные християне,
Што ныня[1] зделалася,[2] великое чудо[3] учинилася[4]
Над долгим[5] попом, над премым дураком,
От Козмы и Домияна из за[6] реки, а в приходе[7] у нево богатые мужики.[8]
А зовут ево попа Савою,[9] да не мелак он[10] славою.
Аще живет и за[11] рекою, а в церкву не нагою.
Люди[12] въстают[13] молятся, а он по приказам волочитца.
Ищет с кем бы ему потегатца и впред бы ему с ним не видатца.[14]
Да он же[15] по площеди рыщет, ставлеников ищет.
И много с ними говорит, за реку к себе монит.
[18]У меня де[16] за рекою[17] стоите, а в церкви хотя и не поите.
Я де суть поп Сава, да немалая про меня и слава.[19]
Аз вашу братью в попы ставлю, что и рубашки на вас не оставлю.
Сам я [20] Савушка[21] хотя и наг поиду, а вас шта бубнов поведу.[22]
[23]Людми он добрыми[24] хвалитца, а сам от них пятитца.
[25]Как бы обмануть и за[26] Москву[27] реку стянуть.[28]
По тех мест [29] он ставлеников держит, как они денги все издержут.
А иных[30] домои отпускает и рукописание на них взимает,
Чтоб им опять к Москве приполсти, а [31] попу Саве[32] винца привести.

---

* *Доб. из* Т; *здесь заглавия нет.*

[1—2] случилось Т; учинилось П, А. [3—4] сотворилось П. [5] глупым П. [6] *доб.* Москвы Т, П. [7—8] вси дураки А. [9—14] *проп.* П. [9—10] которои не мал. Т. [11] *доб.* Москвою Т. [12—13] в церкве богу Т. [14] *здесь кончается сп. А.* [15] *доб.* поп Сава П. [16—17] домой Т. [18—19] *проп.* П. [20—21] *проп.* П, Т. [22] пущу Т. [23—24] с людми он до росхулки П. [25—28] *проп.* П. [26—27] *проп.* Т. [29—43] *проп.* П. [30] оных Т. [31—32] Савушке Т.

А хотя ему хто и меду привезет,[33] то с радостию возмет.[34]
И испить любит, и как все выпьет, а сам на них рыкнет:
[35] Даром де у меня[36] не гуляите,[37] подите[38] капусту поливаите.
[39] А когда он изволит спать, а ставлеником прикажет баню топить.[40]
И как[41] над ними[42] наругался, толко сам в беду попался.[43]
Когда жена[44] ему гаварила[45] и о всем ему предвозвестила,[46]
Лихо де им от тебя[47] ныне потерпеть, а после[48] де и сам от них станеш[49] п...еть,
[50] Сколка тебе, Савушка, не жить, а галавою своею наложить.
[51] Добро бы тебе от церкви не отбыть и смертны час не забыть.[52]
Глас[53] божи[54] глас народа. Где твоя,[55] Савушка,[56] порода,
[57] Тут твоя и рожа.
[58] Сколка ты не плутал, а ныне на цепь попал.[59]
Добро бы[60] тебе[61] не воровать и добрых людей варами не называть.
[62] Ставленников посылает обедни служить, а сам на постели лежит.
Кто к сему подобно не творит, тот все галавою наложит.
Кто друга съедает, тот всегда сам пропадает.
А кто за ябедою ганяетца, тот скоро от нея погибаетца.
А кто за крамою ходит и как ему не вспитатца, толко у ворот ево никто не стучитца,
А кто к нему ни ходит, и он к нему сам выходит,
И там проститца и паки в дом возвратитца.[63]
А ты бы сам, Савушка, шел да простился, с кем вчера побронился.

[64] Ответ попа Савы х попадье.

Поистинне[65] ты[66] поподья не смыслеш и дела не знаеш.
И рад бы шол да простился,[67] да со многими людми разбронился,

---

[33—34] *проп.* Т. [35—36] хотя у меня будьте да Т. [37—38] пошедши в огород Т. [39—40] *проп.* Т. [41—42] той Савушка над ставленниками Т. [43] *проп.* П. [44] попадья Т, П. [45—46] *проп.* Т. П. [47] *доб.* Савушка П. [48—49] самому тебе будет П; будешь и сам Т. [50—52] *проп.* П. [52] *доб.* Тропарь попа Савы глас 6 П; тропарь глас 6 Т. [53—54] тои же П. [55—56] *проп.* Т. [57] Хотя тебе непригожо П, Т. [58—59] *проп.* Т. [58—63] *проп.* П. [60] *доб.* было Т. [61] *доб.* Савушка Т. [62—63] которы за тобою гонятся, и тому попадается. А кто заиграет и веселит, тот везде смело бродит, и крепко знатся не хочется. Ему спится и никто под окном не стучится. А кто к нему выдет и он с ним говорит да просит Т. [64—73] *проп.* П. [65—66] добро Т.

Как мне не гулять,[68] а от цепи не отлинять.[69]
Да[70] прости ты, поподья, слово твое збылося,[71] уже и приставы приволоклися.
[72] И яко пса обыдоша мя ныне, толко не сыскать было им меня и во веки.[73]

Сон попа Савы.[74]

[75] Мне начесь[76] спалось, да много[77] видилось.[78]
Пришли ко мне два анъела и говорят: много [79]де[80] у тебя,[81] поп,[82] в мошне [83]денег,
[84] Мы де их вынем,[85] сочтем и в обтеку снесем.
[86] Али ж я спал дома на перине, [87]проснулся, ан уш в патриаршей[88] хлебне на рогозине.
И хожу по хлебне покличу, ан [89]с шелепом ко мне встречу.
И как бы я[90] ево не умалил,[91] и он бы меня[92] шелепом прибил.
О сем поп Сава дивился, как он на цепи очутился,
[93] Денег у него в мошне было немало, хватился, ан нет, ни пула не стало.
А мню те два анъела вытресли и положа ис обтеки назат не вынесли.
Горе мне дураку и великому б....ину сыну,
Что Сава на цепь попал и во веки пропал.[94]

[95] Его ж безумнаго попа смешной икос.[96]

[97] Радуйся шелной Сава, дурной поп Саво.
Радуйся в хлебне сидя, ставленнически сидне.
Радуйся, что у тебя бараденка вырасла, а ума не вынесла.[98]
Радуйся, глупы папенцо,[99] а ум имееши коротки.[100]
Радуйся, породны[101] русак, по делам воистинну дурак.
[102] Радуйся, потриарша хлебня, видя тебя такова сидня,
Радуйся, Савы шея, что цепь великая звеня и муки сея.[103]

---

[67—68] с кем вчера побранился. И как мне Савушке не плутовать Т. [69] отгулять Т. [70—71] слова твои, поподья, збылись Т. [72—73] *проп.* Т. [74] *доб.* болшия славы П. [75—76] мало мне П. [77—78] во сне вралось Т; вралось П. [79—80] ль де Т; ли П. [81—82] Савушка П. [82—83] *проп.* Т. [84—85] сем П; сем ка мы их Т. [86—94] *проп.* П. [87—88] а очутился в Т. [89] *доб.* чернец Т. [90—91] ни молился Т. [92] *доб.* сим Т. [93—94] *проп.* Т. [95—96] Кондак попа Савы П; Т(ропарь) г(лас) 4 Т. [97—98] Радуйся шелной Савушка дурной П; Радуйся Сава поп Т. [99—100] непостриженое гуменце Т, П. [100—106] *проп.* П. [101] дородны Т. [102—103] *проп.* Т.

Радуйся,[104] вшивая[105] глава, [106]дурной поп Сава.
Радуйся, град Тула, что сидит [107]Сава у великава стула.
[108]Радуйся,[109] дурны нос,[110] на лес глядя рос.
[111]Радуйся, долги поп и ако боярски халоп.
Радуйся, з добрыми людми поброняся, а в хлебне сидя веселяся.
Радуйся пив вотку, а ныне и воды в честь.
Радуйся, хлебню посетив и цепь просветив.
Радуйся и веселися, а дамов не торопися.
Радуйся, попа Савы спина, что хощет быти шелепина.
Радуйся, Сава глупой, и всей глупости твоей слава.
И везде про тебя дурная слава.
А на што тебе, Савушка, кондак, б..... ты сын и так.

Конец хождению Саве болшой славе.[112]

---

[104—105] плешивая Т. [106] *доб.* Радуйся Т. [107] *доб.* поп П, Т. [108—112] Радуйся поп Сава наш. То те, Савушка, кондак и так ты дурак П. [109—110] долги поп Т. [111—112] *проп.* Т.

## VII. ЛЕЧЕБНИК, КАК ЛЕЧИТЬ ИНОЗЕМЦЕВ

Характеризуя «новый период русской истории», начинающийся с XVII в., Ленин отмечает его как время «создания национальных связей», которое «было ничем иным, как созданием связей буржуазных»: «оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок». «Руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы».[1] Одновременно часть купечества вела борьбу против конкуренции иностранных купцов, которые широко развернули сеть своих торговых предприятий по всему московскому государству.[2] В процессе этой борьбы расли националистические настроения, отразившиеся между прочим и в челобитных на царское имя. Так, в 1646 г. челобитная Алексею Михайловичу жалуется на «английских немцев», которые еще в предыдущее царствование получили грамоту на право торговать «у Архангельского города и в городах Московского государства 23 человекам», а приезжать стали «по шестидесяти и по семидесяти и больше, построили и покупили себе» в разных городах «дворы многие и амбары, построили палаты и погреба каменные и начали жить в Московском государстве без съезду».Русские товары они закупают и вывозят беспошлинно, «всеми торгами, которыми искони мы торговали, завладели английские немцы... все московское государство они оголодили: покупая в Москве и в городах мясо и всякий харч и хлеб, вывозят в свою землю». Свои товары они также привозят беспошлинно, торгуют тайно и явно и чужими товарами. Этой конкуренции совершенно не выдерживали русские купцы —

---

[1] В. И. Ленин. Что такое друзья народа. Соч., т. I, М.—Л., 1927, стр. 73.

[2] См. о борьбе Англии и Голландии в XVI—XVII вв. за московский рынок — А. Гайсинович. Введение к изданию текста «Я. Я. Стрейс: Три путешествия». Соцэкгиз, 1935, стр. 7—16.

«и мы товаренки свои от Архангельского города везем назад, а иной оставляет на другой год, а которые должны людишки, плачучи отдают товар свой за бесценок... и от того их умыслу и заговору мы ездить к Архангельскому городу перестали, потому что стали в великих убытках».[1] Даже после казни английского короля Карла, когда английским купцам велено было выехать из Москвы, вся их торговая организация в других городах сохранилась. Выросшая на почве торговой конкуренции ненависть к иностранцам-купцам, поддержанная идеологами старообрядчества, которые жаловались, что царь и Никон вводят веру, пропитанную «люторскою, кальвинскою и папежскою ересями», навязывают «латинские обычаи и немецкие поступки», породила среди некоторой части «лучших» и «средних» людей посада националистические настроения, которые отразила сатира-пародия, выражающая крайнюю степень озлобленности против «немцев», «иноземцев», — «Лечебник, как лечить иноземцев и их земель людей». Напомню, что в XVII в. немцами называли всех вообще европейских иностранцев — и немцев, и англичан, и шведов, и голландцев. «Лечебник» подводит нас к старообрядческой среде не только своим настроением, но и формой.

Внелитературная форма лечебников вышла за пределы медицинских книг еще в XVI в., когда она нашла себе применение в дидактической литературе. Среди выписок «от старчества», чрезвычайно распространенных позже в старообрядческой среде и восходящих к переводным патерикам, встречается статья под заглавием «слово от старчества» или «о лекарстве душевнем, како подобает всем православным християном лечити и врачевати душы своя». «Некий мних», рассказывает эта статья, пришел во «врачебницу» и, видя, что врач раздает больным лекарства, обратился к нему с вопросом: «есть ли былие, действующее во мнозех согрешениих». Врач ответил ему: «Поиди и восприими корень духовныя нищеты, листвие терпениа, и смирения цвет, и семя кротости, и молитвенныя ветви, смесив и свари в котле послушаниа. И вложи в сито благих помысл, и тако всыпли в горнец совести, и влей воду слезную и покрой любовию и одолев и, возжги пламень божественныя любве, да егда доволно воскипит, всыпли на блюдо разсужения, и размеси с благодарением, и приими умиления ради обращение

[1] С. Соловьев. История России, т. X, стлб. 1507—1509.

и очисти исповеданием, и тако умалиши грехов своих множество».[1]

Эта статья во второй половине XVII в. и в течение всего XVIII в. очень часто встречается в сборниках, особенно старообрядческих, затем с XVIII вплоть до XIX в. издается несколько раз, иногда с иллюстрацией, в лубочных листках под заглавием «аптека духовная». Текст в них сохраняется с небольшими разночтениями, сравнительно с старым рукописным, но форма рецепта остается нетронутой.[2]

Рядом с назидательным «лекарством душевным», серьезно трактующим в форме рецепта тему о душевном спасении, во второй половине XVII в. возникает наш лечебник-пародия. Сохранившийся в двух списках — петровского времени и конца XVIII в., которые повторяют в общем один и тот же текст, взаимно дополняя друг друга, этот лечебник не только в заглавии, но и среди рецептов настойчиво повторяет, что его лекарства предназначены именно для иноземцев.[3] В списке Щукина подчеркнуто, что «крепителное» — это «иноземцев лечение от русских людей скорое». Одно лекарство рекомендуется «на иноземцев, кому не умереть, немедленно живота избавит». Такой же печальный эффект должно вызвать зелье «от животной болезни», «от которого на утро в землю». Для «иноземца», «заскорбевшего рукою», предлагается лечение, от которого он «будет легок и здрав без обеих рук». Больные «немецкие ноги» в итоге леченья должны таскаться, как санные полозья. Это последнее указание на немцев надо понимать так, как понимали его в Москве в XVII в., т. е. как пожелание всем вообще иностранцам.

Если принять во внимание охарактеризованные выше националистические настроения в части посада в XVII в., имевшие прочную базу в задетых иностранцами материальных интересах, тогда станет понятным, почему лечебник не скрывает злобного пожелания своему пациенту отправиться «на утро в землю».

---

[1] Цитирую по рукописи Научн. библ. Саратовского Гос. ун-та, собр. Мальцева, № 1122 (654), конца XVI—нач. XVII вв., лл. 39 об. — 40 об.

[2] Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. III, СПб., 1881, стр. 53, № 708.

[3] Сп. Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина Q. XVII. 96, петр. времени, лл. 27—29 об., изд. В. Н. Перетц. Из старинной юмористики XVIII в., Лит. Вестн. 1902, кн. 7, стр. 203; сп. Гос. Ист. музея, собр. П Щукина, № 1080, конца XVIII в., л. 17.

Возможно, что он составлен именно в разгар борьбы московских купцов (в одном и рецептов упоминается «москворецкая вода») с Алексеем Михайловичем за уничтожение привилегий иностранных купцов и отразил настроения той среды, где таким успехом пользовалась националистически окрашенная проповедь врагов реформы Никона. Как и челобитчики — московские гости, жаловавшиеся царю на «английских немцев», автор лечебника самый издевательский последний рецепт адресует также немцам.

Судя по языку, лечебник составлен до петровской эпохи, характерные иностранные слова которой в нем отсутствуют. В нем выдерживается еще старая форма лечебников, особенно популярных у нас в XVII в., есть еще ссылка на «писцовые книги», вслед за которыми употребляется старая форма слова «оптека» или «обтека» (в писцовых книгах 1594 и 1595 гг. называется «обтекарский приказ»; см. Калачов. Писцовые книги конца XVI в., СПб., 1877, т. I, стр. 811; ту же старую форму имеем в повести о попе Савве).

Автор лечебника-пародии последовательно подражает медицинским рецептам и в заглавиях, и в описании способа приготовления лекарств, и в строгой дозировке в золотниках, иногда даже в введении в состав лекарств лечебных средств, принятых в тогдашней медицине (см., например, «ентарное масло» нашей пародии и «масло белое янтарное» в одном из лечебников, описанных Змеевым, — Русские врачебники, СПб., 1895, стр. 118).

Приведу несколько примеров, доказывающих эту зависимость пародии от подлинных лечебников.

В соответствии с типичными заглавиями рецептов — «аще у кого утроба обезсилеет или чрево болит» или «аще у человека утроба держит» — в пародии читаем: «когда у кого заболит сердце и отяготеет утроба».[1] Как в рецептах лечебников, пародия перечисляет длинный ряд составных частей лекарства, указывая в золотниках дозы, затем описывает, как из них делается самое лекарство. И здесь те же приемы, что в медицинских руководствах: «осоля и смешать все вместе... истолокши всыпать... глотать и пущать в себя» и т. д. Наш автор повторяет описание этих действий: «смешати все вместе и вложить в ледяную сушеную иготь и перетолочь намелко... принимать 3 дни неетчи» и пр.

[1] Параллели привожу из рукописного лечебника 1763 г. собрани. В. Н. Перетца Q. 76 и по материалам, изд. у Змеева, назв. соч.

Совету лечебников — «утирать суровым полотенцем» соответствует у нашего автора: «вытирать самым сухим дубовым четвертинным платом».

Взявши из лечебников самую форму, автор пародии свое изложение строит на нагромождении нелепостей: лечебные средства он подбирает либо из несуществующих в природе вещей, каковы, например, девичье молоко, водяная струя без воды, комарово сало; либо предлагает золотниками, фунтами и аршинами вымеренные, не подлежащие никакому измерению вещи, вроде блохина скоку, середечного прижиманья, женского плясанья, девичья скаканья, свиного визгу и т. п. Из таких же нелепостей состоит и описание способов приготовления лекарств: толочь надо, например, в ледяной сухой ступе железным пестом, москворецкую воду советуют «в два ножа укрошить на оловяном или серебряном блюде». Лечебные процедуры выдержаны в том же стиле: «потеть на морозе», от «солнечного жаркого луча» рекомендуется закрываться «неводными мережными крылами в однорядь» и т. д. Не без иронии автор советует делить на «полдесятины по писцовой книге», или «пол четверика» брать «в таможенную меру», намекая этим на злоупотребления при казенных обмерах.

Характерен для предполагаемого мной времени создания лечебника его конец, где автор пародирует устные заговоры. Московский посад знал их в XVII в. хорошо, их передавали здесь и устно и письменно под видом так называемых «воровских писем». Это были столбцы, или листки, или тетрадки, хранившиеся у представителей самых разнообразных слоев московского общества XVII в. Огромное количество судебных дел в это время было направлено против колдовства и знахарства всякого рода, в том числе и связанного с произнесением заговоров. Недаром еще с XVI в., присягая царю, русские люди клялись не прибегать к заговору и действиям, с ним связанным.[1]

Автор пародии использует в последнем рецепте наиболее употребительную заговорную формулу — «как-так»: «как те три цвет-розы изнистожились, так бы и моя болись пропала и высохла», «как мертвец лежит во гробе... онемевши и одубевши,

---

[1] См. Н. Я. Новомбергский. Колдовство в Московской Руси XVII в.; Е. Елеонская. К изучению заговора и колдовства в России. Вып. 1, Шамординская Пустынь, 1917.

так бы и у меня, раба божия, зубы онемели и одубели» и т. д.[1] По этой формуле в пародии читаем рецепт: «как таскались санные полозья, так же бы таскались немецкие ноги». В соответствии с заговорной формулой, пародия описывает и сопровождающее заговор колдовское действие: «взять ис под саней полоз, варить в соломяном сусле».

Таким образом и содержание лечебника-пародии и его форма одинаково отражают настроения в части московского посада, отчетливо определившиеся во второй половине XVII в. Реформа Петра I и его покровительство иноземцам еще более усилили националистические настроения в разных кругах: ярко вспыхивали они под влиянием целого ряда исторических причин и в течение всего XVIII в. Понятно поэтому, что лечебник-пародия с таким резко выраженным враждебным настроением по адресу «иноземцев и их земель людей» читается и переписывается до конца XVIII в.

Форма лечебника-пародии, поддержанная в XVIII в. не только медицинскими книгами, но и многотиражными изданиями «Аптеки духовной», привилась в сатирической литературе этого времени. Около половины XVIII в. в манере рифмованных жарт, появляется принадлежащий, видимо, их автору «Рецепт чем лечитца человеку похмелному, от прочих головою отменному». По теме сближающийся с обширной литературой о пьянстве и пьяницах, которая в XVIII в. широко распространяется через лубочные издания, — формально этот рецепт, несомненно, примыкает к лечебникам, недаром и автор его, выдерживая стиль, говорит о том, что его лекарство «выписано из лечебника кратко», что «в лечебнике в некоторой главе повествует», что «боле ис того лечебника не переведено». Действительно, в лечебниках встречаются рецепты «на тяжелое похмелье», или «кто не похочет подчас компании быть пьяным, да и как пьянство омерзит». Но пародия XVIII в. далека от точности, с какой придерживался своего оригинала автор XVII в.: в ней взята лишь основная схема рецепта, в остальном же изложение примыкает к обычным в XVIII в. натуралистически выполненным описаниям пьянства и его последствий. Язык рифмованного рецепта — также характерен для XVIII в.: на ряду с обычными

---

[1] Н. Виноградов. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр., СПб., 1907, стр. 72, 75 и др.

для того времени иностранными словами, вроде — куриезный, документ, кампания, рецепт, апетит, пунш, медикамент — и остатаками старого книжного языка, каковы, например, здравие, препятство, сим совокупятца, сие, паки, явственно, встречаем ряд слов и оборотов, восходящих к разговорной речи того массового читателя, который был главным потребителем подобной литературы. Выражения типа — «пот проимет», «пойдет по животу», «брюхо», «похмелной будет валятца», «пристежет тошно», «ажно», «напитца, штоб опять на землю повалитца» — и особенно весь конец лечебника — последний рецепт «для укрепы живота» — создают впечатление совершенно натуралистической картины, какие можно встретить и в сатирах XVII в. Автор этого рецепта, видимо, тот самый «артилериский подканцелярист», который подписал в конце рукописи рифмованные жарты, по своей литературной манере ничем не отличающиеся от рецепта: «Конец сим жартам забавным от артилериского подканцеляриста на виршу изданным».

Рифмованный рецепт отличается от своего предшественника XVII в. — лечебника для лечения иноземцев — отсутствием в нем сатирической направленности: насмешка над пьяницей дана здесь в такой общей форме, которая свойственна скорее юмористике, чем сатире. В том же тоне сделана лубочная «Аптека целительная с похмелья», надпись к которой отдаленно напоминает рецепты.[1]

Печатная книга XVIII в. возвращает нас снова к сатирическим рецептам, с выдержанной литературной их формой. Сатирические журналы используют рецепты главным образом для обличения человеческих пороков и слабостей. В «Трутне» Новикова в эти рецепты вкрадывается, правда, в умеренном количестве, и элемент общественной сатиры, когда он советует Злораду «принимать чувствований истинного человечества 3 лота, любви к ближнему 2 золотника, и соболезнования к нещастию рабов 3 золотника: положа вместе истолочь и давать больному в теплой воде» (см. изд. Суворина, стр. 199).

«Сатирический Вестник» за 1790 г. (ч. II, стр. 110) дает «слабительное для ученых мужей» — рецепт, в котором сказались литературные споры того времени: «Возьми три листа поэмы,

---

[1] Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. I, СПб., 1881, стр. 329—331.

восемь листов Бовы королевича, 6 листов Ильи Муромца и разных прочих сказок от 10-ти до 12-ти. Дай сему вместе настояться, потом употребляй». Чаще в том же «Сатирическом Вестнике» читаем рецепты против человеческих слабостей вообще: «Склонность к насмешкам» рекомендуется лечить так: «давать каждое утро по стакану здравого смысла, смешав с оным 7 унций скромности, 4 лота осторожности, хорошего и приязненного обхождения от 7 до 10 золотников, смотря по силе болезни» (изд. 2, М., 1795, стр. 100). Или — «любовная болезнь» лечится «прохладительными напитками», составленными по рецепту: «3 золотника холодности, 14 равнодушия и 18 беспристрастия, все сие вместе смешивается и принимается вдруг» (там же).

В составлении таких рецептов упражнялись, например, в семинариях еще в XIX в., высмеивая в них иногда схоластическую науку, там преподававшуюся. Для примера приведу образчик такого рецепта из рукописного сборника Романа Саволинского, написанного в 1807—1818 гг. (рукоп. Библ. Акад. Наук УССР, собр. б. Церк.-арх. музея, муз. № 244). «Питье чистительное. Возми три листа Аристотелевой логики, на греческом язике, два листа школьных самых острейших разсуждений, как например, тонкого Скота; четире листа из Парацельса, лист из Аверроя, три из Порфирия и столько же из Плотина и Ямвлиха. Все сие, вместе налив, оставвь на сутки мокнуть и выпей потом в четире приеми в день» (л. 285 об.).

Эта школьная традиция рецептов, возможно, осталась не без влияния на Н. Щербину, когда он предлагал против «повальной болезни, вызванной у петербуржцев присутствием в воздухе особого химического вещества, называемого фразеином», такой рецепт: «здравого смысла драхм столько-то, честности — столько-то гранов, знания России... прочного образования... труда» (Полное собрание сочинений, 1873, стр. 366).

Такова краткая история этого внелитературного жанра. Сохраняя свои формальные признаки, он был приспособлен и для строгого назидания, как в «аптеке духовной», и для насмешливой сатиры, как видим, начиная с националистически окрашенного лечебника XVII в. и кончая рецептами XVIII и XIX вв., полными намеков на литературные споры и разногласия.

## ЛЕЧЕБНИК

выдан от русских людей, как лечить иноземцев [1] и их земель людей; зело пристойныя лекарства, от различных вещей и дражайших.[2]

1. Когда у кого заболит сердце и отяготеет утроба, и тому пристойныя статьи:

Взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкаго вешняго [конаго] [3] топу 13 золотников, светлаго тележнаго скрипу 16 золотников, [жестокаго колоколнаго звону 13 золо],[3] а принимать то все по 3 дни не етчи, в четвертый день принять в полдни, и потеть 3 дни на морозе нагому,[4] покрывшись от сольнечнаго жаркаго луча неводными мережными крылами в однорядь.[5] А выпотев велеть (об.) себя вытереть самым сухим дубовым четвертным платом, покамест от того плата все тело будет красно [вишнево] [3] и [к тому цвету] [3] от сердца болезнь и от утробы теснота отидет и будет [легок и] [3] здрав.

2. Крепительныя [иноземцев лечение от руских людей скорое],[3] [6]ахинайския статьи, им же пристоит:

Егда у кого будет понос, взять[7] девичья молока 3 капли, густово медвежья рыку 16 золотников, толстого орловаго летанья 4 аршина, [соловьевых дивых песеных вещей полтора фунта],[3] [8] крупнаго кошечья ворчанья 6 золотников, курочья высокаго гласу пол фунта, водяной струи, сметив по цыфирю на выкладку, ухватить без воды и разделить яко доброй шелк без ахлопья длинником на пол десятины, мимоходом (л. 28) по писцовой книге.[9]

[10] 3. Крепительные порошки:

Взять [11] воловаго рыку 5 золотников, чистаго самого [12] ненасного [13] свиного визгу 16 золотников, самых тучных [сушеных][3] куричьих титек [14] иногди пол 3 [15] золотника, [барабанова бою 16 золо],[3] вешнаго ветру пол четверика [16] в таможенную меру, от басовой скрипицы голосу 16 [17] золотников, вежливаго жаравлинаго ступанья 19 золотников, [мухина сала фунт, камарова сала от окорока пол фунта, слатко слышных песней пол 3 золотника],[3] [18] денныя светлости пол 2 золотника, нощныя темности

[1—2] *проп.* Щ. [3] *доб.* Щ. [4—5] не етчи Щ. [6—7] *проп.* Щ. [8—9] *проп.* Щ. [10—11] *проп.* Щ. [12—13] *проп.* Щ. [14—15] 13 золо Щ. [16—17] басовова глазу 15 Щ. [18] *проп.* Щ.

5 золотников, яйцо вшить в япанчю и истолочь намелко, и выбить ентарного масла от жерновнаго камени 5 золотников.

4. Того ж лекарства живот и сердце крепит (об.):

Взять [19] женскаго [20] плясания, [девичья скаканья] [3] и сердечнаго прижимания [21] и ладоннаго плескания по [22] 6 золотников, самого тонкаго блохина скоку 17 золотников, и смешати [23] вместе и вложить в ледяную в сушеную иготь и перетолочь [24] намелко железным пестом и принимать 3 дни не етчи,[25] на тще сердце,[26] в четвертый день поутру рано после вечерень по 3 конопляные чаши [27] принимать вровень не переливая,[28] а после того будет [29] [ему лехко].[30]

[31] 5. Крепительныя статьи.[32]

Сухой толченой воды 6 золотников, [рыбья следу 2 золо, грибнова цвету 7 золо] [3] да взять из [зеленой] [33] обтеки горносталья яица желток, смешать з гусиным бродом [34] большой руки. (л. 29). 6. Им же от запора.

Филинова смеху 4 комка,[35] сухова крещенского морозу 4 золотника и смешать все вместе в соломяном копченом пиве [36] [поутру и после полден пить] [37] в одиннатцатом часу ночи, а потом 3 дня не етчи, в четвертый [38] день ввечеру на заре до свету покушав во здравие от 3 калачей, что [39] промеж рожек,[40] потом взять москворецкой воды на оловянном или на серебряном блюде укрошить в два ножа и выпить [ту воду].[3]

[41] 7. Последующая лечба [42] есть и [пить] [43] довольно, [44] чего у кого привольно,[45] сколь душа примет.[46] [Сей состав вышеупомянутых руских людей на иноземцов, лечение иноземцов],[3] кому не умереть — немедленно живота избавит.

[47] 8. А буде от животной болезни, (об.) дается ему зелья, от котораго на утро в землю.

9. А буде [48] которой иноземец заскорбит рукою, провертеть здоровую руку буравом, вынять мозгу и помазать болная рука, и будет [легок и] [3] здрав [49] без обеих рук.[50]

---

[19] *проп.* Щ. [20] жестокаго Щ. [21—22] пол. Щ. [23—24] то все вышеписаное в ледяную сухую ступу и его истолки Щ. [25—26] *проп.* Щ. [27—28] не перепалнывая Щ. [29—30] *так* Щ; *здесь* — принимать самой лехкой прием. [31—32] Ахеткой вещи Щ. [33] *так* Щ, *здесь* той же. [34—35] *проп.* Щ. [36—37] *так* Ш, *здесь* на одно утро после полден. [38] вторы Щ. [39—40] пролес рог Щ. [41—42] *проп.* Щ. [43] *так* Щ, *здесь* быть. [44—45] *проп.* Щ. [46] имет Щ. [47—48] потом из зелья да в землю на свет без задержания поставить Щ. [49—50] *проп.* Щ.

10. А буде болят ноги, взять[51] ис под саней полоз, варить[52] в соломяном сусле [трои сутки и тем немецкие ноги парить] [3] и приговаривать[53] слова:[54] как таскались[55] санныя полозье,[56] так же бы таскались[57] немецкия[58] ноги.

(Ундольск. № 904, л. 39 об.)

РЕЦЕПТ

Чем лечитца человеку похмелному, от прочих головою отменному.
Выписано из лечебника небывалова и кто читал, не слыхалова.
Самое дело похмелному полезное, оно ж не тежело, лишь куриезное.
А каки ползоватца медикаменты, о том значат ниже сего документы.
Многие люди в кампани пьяны напиваютца и оттого тежело воздыхают и валяютца.
Не знают, чем в прежнее состояние привести, принуждены такой труд нести.
Пресилно у похмелителного голова болит, от тяжелости почти с ног валит.
(л. 40) Нимало тому не спитца, всегда похмелному тошнитца.
Имеет здравию немалое препятства, а не может сыскать к тому лекарства.
Того ради сей рецепт предлагаетца, похмелной человек сим исцеляетца.
Отяхченная тяжесть отходит и в прежнее здравие того приводит.
Познает себе вовсе быть права, голова его сыщетца здрава
Похмелному надлежит поутру встать, да в руку вина бутылку взять.
И хорошей пивной стакан налить, не думавши до капли хватить.
Потом смотреть, если пот проимет, то похмелной другой стакан нальет.
(об.) И выпить без всякого норову, хотя подняв вверх голову.
Выпивши ни в чем не трусить, чем нибуть соленым закусить.
И смотреть, когда пойдет по животу, то и третей выпьет за доброту.
Ежели же тем похмелья не отменитца, надобно сим еще лечитца:

---

[51—52] истертой полосы и парить Щ. [53—54] *проп.* Щ. [55—56] дровни Щ. [57—58] ево Щ.

Приискав к тому хорошей случай, велеть изготовить, чтоб был чай.
И скорея в кумку поспешать, да с воткою вместе смешать.
И теплое не простудя пить, тут та возмет апетит.
После того на себя посмотри, да пей, чтоб выпить с чаем три.
Когда оным о[по]хмелитца не может, (л. 41) еще другое способно к тому поможет.
Взяв вина, с сырым медом жечь, и ево пить, то можно скоро лечь.
А паче всего зделать пунш, то паки будет дюж.
Все лекарства вместе совокупятца, и в брюхе как хилс скипятца.
Отчего будет похмелной валятца, не знает, куда уж и деватца.
Паче прежнего пристежет тошно, што и терпеть будет немощно.
Думал сим с похмелья излечитца, ажно в месец по прежнему не годитца.
Так с похмелья то лекарство помогает, что и прежние здравие отнимает.
Тому толко оно помогает, (об.) кто сроду вина не пивает.
А кто всяк день пьян ходит, сие лекарство с похмелья в здравие приводит.
Боле не пишет ничего ниже, явственно показано выше.
Однако ж ис того лечебника выписано кратко и тут очень полезно и сладко.
Многие от того похмелья ползу получают, кто по тому рецептику лекарствы принимает.
Особливо в том лечебнике в некоторой главе повествует и подлинно явно о том показует.
Похмелному надобно так напитца, штоб опять на землю повалитца.
Боле ис того лечебника не переведено, лишь сие подобное дело найдено.
(л. 42) Ежели у которого человека от пива понос на животе, и он от того в немалой сухоте,
Тому надобно сим лечитца, сей понос вскоре отменитца.
Взяв теплаго сусла и пареной репы для той от поносу животу укрепы,
И ту репу в сусле истопить, да по хорошему ковшику пить,
Потом соложенова теста есть с ребиною,[1] не так силно много, как единою.

[1] *В рукоп. ошибочно* с ребиною есть.

Ежели же оттого понос не уйметца, к нему особливое лекарство найдетца.
И к вышеписанным медикаментам подспарить, молодой бузы наварить,
И с медом насытя, пить молодую, получишь отвагу благую.
Тако и оному лечебнику конец, а сочинил вышеписанной молодец.

(Следует натуралистическое описание результатов лечения.)

---

## VIII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед нами прошел ряд образцов сатиры XVII в. Есть все основания думать, что в свое время ими не исчерпывался состав этой своеобразной, посадской по преимуществу, литературы. То высокое мастерство, которое обнаруживают их авторы, та устойчивость художественных приемов, какую мы отмечали во всех разобранных памятниках, позволяют предположить наличие целой группы авторов, объединенных общностью своих литературных вкусов. Сатирический замысел и ряд общих композиционных и стилистических свойств сближают все перечисленные памятники и дают нам право говорить о целом своеобразном литературном направлении в общем потоке литературных явлений второй половины XVII в.

Отличительный жанровый признак сатиры XVII в. — форма пародии, которой она пользуется преимущественно перед всякой другой. Посад, используя культурное наследие прошлого в области литературы, применил наиболее типичные литературные формы в плане пародии для целей общественной сатиры. Пародии выполнены с большим техническим уменьем: их оригиналы угадываются без малейшего труда. Но во всех сатирах пародия выступает лишь как литературный прием, а не самоцель. Вся сила сатиры направляется на осуждение того общественного явления, которое дало для нее в каждом отдельном случае тему.

В самом выборе оригиналов для пародий мы отмечаем, с одной стороны, его тесную связь с авторским замыслом, с другой — стремление к тому, чтобы пародия дошла до читателя, на которого автор рассчитывает. Поэтому пародируются те литературные и внелитературные формы, которые к XVII в. ощущались особенно отчетливо именно как жанры, обладающие вполне устойчивыми композиционными и стилистическими признаками. Шире всего пародируется в это время церковная литература, с помощью которой церковь — опора феодального строя — воспи-

тывала в нужном ей направлении мировоззрение своей паствы. Эта литература была «классическим» образцом, в основном хорошо ощущавшимся даже и неграмотным слушателем, который усваивал ее словесный рисунок на слух, во время церковной службы, а потому мог оценить пародийное ее применение. Церковная служба в целом и отдельные ее части, как застывшие литературные шаблоны, ветхозаветные паримийные чтения, акафисты, жития — в сатирической литературе XVII в. обращаются в свою противоположность и направляются к разрушению того строя, который они в течение ряда веков поддерживали. Это было чрезвычайно смелым для своего времени приемом: недаром уже в конце XVII в. отмечается, что некоторыми читателями такой прием был воспринят как кощунство. Для консервативной массы неприемлемой могла быть не только идея сатиры, но и самое ее оформление. Однако, именно этой разновидности пародий-сатир суждено было особенно прочно привиться в литературе XVIII и XIX вв.

Пародирование церковной литературы, проведенное иногда с чисто профессиональным ее знанием, указывает на активную роль в создании подобных памятников «плебейской», демократической части духовенства, которое, как мы знаем, было зачастую на стороне враждебно по отношению к правительству настроенных групп посадского и крестьянского населения. Из этого «тяглого» духовенства выходили выразители критического отношения к разным явлениям тогдашнего московского быта. Вместе с приказными служащими, они составили своего рода посадскую интеллигенцию, более грамотную, имевшую по самой своей специальности некоторую начитанность, а иногда — в приказах — и литературные навыки: известно, какое участие принимали служащие, например, Посольского приказа в переводе на русский язык ряда литературных памятников Запада. Профессиональные навыки этих авторов, несомненно, были причиной того, что сатира XVII в. часто пользуется внелитературными формами — челобитных, правых и судных грамот, вообще деловым языком, который отчасти отразился и в переводах, шедших из той же среды. Прекрасно зная все оттенки чрезвычайно консервативной речи деловых документов, приказные используют ее для оформления ряда сатирических сюжетов, выбирая из этих документов те, которые легче всего могли передать читателю пародийный план. На первое место поэтому выдвигается среди пародируемых

форм челобитная, которую знали в XVII в. именно как схему, отвлеченную от конкретного наполнения: она помещалась в учебных книгах на ряду с образцами писем.

Таким образом тот материал, на котором строятся пародии-сатиры XVII в., помогает нам отчасти установить среду, выдвигавшую создателей этой оригинальной литературы.

Характерный стиль сатиры XVII в. ведет нас также к посаду и примыкающим к нему слоям населения. В этом стиле обращают на себя внимание прежде всего начатки «критического реализма». Он не выходит еще из рамок разоблачения действительности, которую описывает иногда с большой горечью, не находя выхода из нее в какой-либо положительной программе. Отсюда иногда пессимизм, доходящий до мысли о самоубийстве как единственном способе уйти от печальной действительности. Для посада Московской Руси, настроения которого особенно отчетливо отразились в сатире и который вел в это время по разным линиям борьбу с правительством, далек еще был момент победы, создающий литературу, полную бодрости и здоровья: отсюда резко обличительный тон сатиры XVII в., критический в основном характер ее реализма.

Реализм создается в этой сатире и общим замыслом — темой, взятой непосредственно из быта, и ее общественной значимостью, и типичностью изображаемого явления. Анализируя отдельные сатирические произведения, мы могли постоянно иллюстрировать их фактами, засвидетельствованными документами. Это уже само по себе говорит за правдивость нарисованных картин. Как ни густы кажутся нам теперь краски, положенные их художниками, но рядом с бесстрастными, застывшим деловым языком изложенными описаниями тех же явлений в быту они создают лишь более эмоциональные, а потому более выразительные, но такие же исторически точные картины. Эти картины тем более сохраняют для нас до сих пор интерес, что их сюжеты касаются особенно характерных уродств московского быта. Масштаб, в котором берут авторы эти уродства, очень широк, а потому их трактовка сюжетов сохранила для читателей значимость и на все следующее столетие. В сатирах XVII в. мы не найдем мелких случайных фактов анекдотического характера, быстро теряющих аромат свежести: они берут только типичные явления. Детали, специфичные для XVII в., позднейшими читателями-переписчиками нередко пропускались как мало интересные

в новую эпоху, но типичное продолжало оставаться живучим и вполне применимым к внешне несколько изменившемуся, но по существу все тому же государственному строю, основанному на таком же бесправии «молодших» и засилии «лучших», которое в той или иной форме изображают авторы XVII в.

Вместе с тем, сатира XVII в. умело сочетает эту типичность с индивидуальными конкретными чертами отдельных героев и их окружения. Эта конкретность, пронизывающая все изложение, уберегает сатиру XVII в. от схематичности, отвлеченности, от рассуждений вообще о том или ином вредном явлении, чем так грешит зачастую сатира XVIII в. Читатель, благодаря обилию бытовых деталей, не заслоняющих, однако, основной мысли, особенно отчетливо воспринимал ее. Он узнавал по этим деталям и те проявления всякого рода общественного зла, которые окружали его самого, не всегда хорошо им осознаваемые. Поп Савва, эксплоатирующий ставленников, становился сразу знакомым, в близкой читателю исторической обстановке богатой замоскворецкой слободы Кадашево, по характерным деталям его быта: он спит, пока ставленники поливают его огород, топят баню; церковь у него «стоит без пения», а он охотится за ставленниками или «по приказам волочится». «Голенкий», негодующий на богатых, напоминает читателю о богадельне «у всех святых на Кулишках», куда ушла после разорения его жена, как уходили и другие лишенные крова москвичи. Но он же знаком любому читателю и не москвичу по описанию быта бедняка: пить-есть нечего, одеться не во что, зевается с голоду, земля стоит пуста, «брожу меж двор», должники берут последнее... Пьяные калязинские монахи нарисованы вполне убедительно не только потому, что они взяты в определенный исторический момент жизни их монастыря, но и потому, что этих типичных пьяниц мы видим в реальной обстановке монастырского быта: вокруг ведра с пивом «без порток» они сидят всю ночь, пока пономари «плуты» назойливым звоном и стуком не напомнят о церковной службе. «Клобуки и мантии» потерялись, служба кончается, игумен гневается — впереди наказание шелепами и батогами, запрет выходить из монастыря «коровницам благословения подавать»... Мечты о привольной жизни с «добрым», т. е. пьяным архимандритом наполнены такими характерными деталями, которые надолго сделали «Калязинскую челобитную» одним из лучших реалистических описаний монастырского быта. В форме

церковной службы сатирик XVII в. сумел дать реальную картину всеобщего разорения от кабацкого пьянства, которая охватила все московское царство — от «дальних языческих стран», т. е. от крайнего севера, куда заходили усердные агенты Строгановых, спаивавшие туземное население, до московских кабаков, где царские целовальники совершали «людем обнажение велие». Недаром службой кабаку как наиболее выразительной картиной кабацкого быта особенно охотно пользуются и современные авторы исторических повестей на сюжеты XVII в.

Широкое использование деловых и разговорных оборотов речи, пословиц и поговорок содействует общей раелистической, а порой даже натуралистической манере изложения. Оно делает особенно близким читателю то, о чем повествует автор. Очень тонкий слой старого книжного языка, остающийся в пародиях на церковную литературу как необходимый отголосок пародируемых оригиналов, нисколько не ослабляет основной тенденции к демократизации языка, сознательно проводимой авторами сатир. В этом отношении сатира XVII в. сближается с писаниями основоположников старообрядчества, по примеру протопопа Аввакума дававших иногда оригинальное сочетание насыщенной церковными цитатами книжной речи с ярким образным просторечием, не лишенным иногда даже любопытных диалектических элементов.

Живой язык, хлынувший в литературу целым потоком из-под пера авторов сатир-пародий XVII в., дал им возможность выйти из ставших уже к тому времени тесными для новых тем рамок обычной литературной речи. Герои, прямо выхваченные из повседневного быта, заговорили в сатире своим бытовым языком: «ичется мне молодцу на хлеб глядя не етчи», «ерычется по брюху с кисельных объедков», «охнул бы у меня мужик, как бы я ево дубиною по спине ожег» — таким именно языком и в жизни должен был говорить «голенкий», у которого даже «ферези рогоженые» взяли за долг. Пьяница, проспавшись, совершенно натуралистически описывает то, что осталось в его памяти от последней попойки: «яз тебя пьяние был, весь переблевался и что свинья в калу переваляйся, дошед до заходу и тут спал» и т. д. Или вот в нескольких словах мастерски схваченный образ пьяницы, который входит в кабак уже без денег: «вшед в ызбу, быстро зрение содеваю, кто чарку оплошно держит или пред собою поставит, аз же не устрашихся поушника, взашеи

пхания, елико возмогох, скочих, взях и востах, и на полати текох, и реку ему: на твоем жалованье челом бью, тебе нелюбо, да мне за честь». Здесь даже необходимые по замыслу славянизмы не помешали автору создать целую бытовую картину. В повести о ерше сельдь двумя-тремя фразами разбивает хвастовство ерша и унижает его перед судом: «Знают ево на Москве на земском дворе ярышки кабацкие, у которого лучитца одна деньга, и на ту деньгу купит ершев много, половину съедят, а другую росплюют и собакам розмечют». Пьяницы, которых посылают на подмогу калязинским монахам, погибающим от строгости архимандрита, получают наказ, в котором целая программа жизни для этих пропоиц: «чтобы они делом не плошали, а лучшия бы кавтаны с плечь сложили, а монастырского бы чину не теряли, а ремесла своего не скрывали, иных бы пить научали, и нашу бы братью крылошан с любовию в монастырь к себе принимали, и едину б мысль смышляли, как бы казне прибыль учинить, а себе в мошну не копить, и рубашки б с себя пропить, потому что легче будет ходить».

Такими и подобными им по яркости картинами полны сатиры XVII в.

Чрезвычайно характерно для стилистической манеры сатир XVII в. то, что они часто прибегают к иронии, придающей своеобразные оттенки отношению авторов к изображаемым событиям. Так, ирония, с какой «голенкий» описывает свое бедственное положение, — это горькая ирония автора, глубоко сочувствующего своему обнищавшему герою: «ферези» у него «добрые, на водяной цвет, а на рогожаной тож», «ел бы он мясо, да в зубах вязнет», «саней не зделал, а коня не купил, за денгами роздумал»... Калязинская челобитная, целиком построенная на иронии, в этой форме выражает насмешку автора над обиженными монахами: все их жалобы на строгость архимандрита, на его «расточительность» («монастырскую казну не бережет, ладану да свечь много прижог, а монастырские слуги, теша обычай архимаричей, на уголье сожгли четыре овина»), «глупость» («у нас знающих людей не спросится, сам во нраве своем один живет, а з горя один хлеб жует, весь мед перекис, а сам воду пьет»), картина запустения монастыря под управлением Гавриила — все это сделано автором в тоне иронии.

Словарный материал, из которого строится сатира XVII в., резко отличает ее от современной ей официальной литературы:

там до конца XVII в. держался взгляд, требовавший, чтобы литературный язык был возможно дальше от разговорного (см. грамматику Лудольфа). Именно в ту пору, когда на верхах московского общества создается в литературе своеобразный русский барокко, посадская сатира ярко выделяется своим стремлением к реализму, последовательно проходящим через весь ее стиль, начиная с лексики.

В отличие от официальной литературы, отгораживающейся еще в это время от устно-поэтической традиции, сатира XVII в. широко использует ее. В этом отношении значение сатиры чрезвычайно велико. При скудном количестве старых записей памятников устного творчества, те отголоски его, которые сберегла нам сатира XVII в., представляют исключительный интерес. С XVIII в. уходящая в глубь крестьянства устная традиция, по свидетельству сатиры, в XVII в. живет еще в посаде полной жизнью, вступает в общение с литературным творчеством, передает ему свои характерные черты и, в свою очередь, питается от него и новыми темами, и новыми художественными приемами. Уже с самого конца XVII в. появляются такие пересказы литературной сатиры, которые отчетливо указывают на обращение этих памятников в среде, по преимуществу воспитавшей свой вкус на устной поэзии. Эти пересказы, помимо лубочной литературы, непосредственно из рукописных сборников передают старые сюжеты в общий запас устных сказок, прибауток. В этом отношении особое значение приобретает изучение поздних списков сатир-пародий, существенно изменяющих иногда старый оригинал, но зато вскрывающих новое художественное окружение, в которое попадают эти сатиры с течением времени. Эти поздние списки должны изучаться не только историками литературы, но и фольклористами, которым они выясняют особую роль грамотных носителей устной традиции в то далекое от нас время. Проблема взаимодействия литературы и фольклора для XVII в. уже может и должна быть поставлена во всей широте.

Отголоски устного творчества в сатире XVII в. весьма разнообразны. Пародируя главным образом литературные формы, она иногда вводит в виде отдельных эпизодов пародию на песни, как это сделал автор повести о попе Савве, или на заговор, следы которого так отчетливо сохранил «Лечебник, как лечить иноземцев». В свете этих фактов мы вправе поставить вопрос,

не к XVII-му ли веку относятся и сохранившиеся только в поздних записях XIX в. пародии на былины.

Наиболее ясно выступает в сатире XVII в. пользование пословицами и поговорками в той самой форме, в какой мы знаем их по записям конца XVII в. Из литературной сатиры можно извлечь материал, дополняющий эти сборники в той части, где они дают пословицы не книжного происхождения. Характерная черта старой пословицы — рифмованный склад ее — полностью сберегалась и в передаче сатиры, стиль которой притягивал к себе пословицы в течение всего XVIII в.: из поздних списков можно добавить не мало пословичного материала к тому, что ввели уже авторы.

Из устной же традиции идет наклонность к рифмованной прозе, которую мы наблюдаем в большинстве сатир XVII в. Это совсем не та примитивная рифмованная речь, какая наблюдается в литературных памятниках еще задолго до XVII в., а затем особенно прививается в исторических повестях и сказаниях о «Смуте» начала XVII в. Своеобразный ритм сатиры совпадает с манерой свадебных приговоров дружек, скоморошьего ясака сказок, прибауток, пословиц и поговорок преимущественно не книжного происхождения. Откуда идет эта ритмическая манера сказа? Мы очень мало, к сожалению, знаем о стиле скоморохов, но, несомненно, что-то профессиональное сквозит в приемах повествования сатиры именно там, где она переходит на ритмичную рифмованную речь. И если сохранившееся в устной традиции название «скоморoший ясак», применяемое к уснащенной прибаутками рифмованной речи, указывает на создателей ее, то и в сатире XVII в. мы, несомненно, имеем следы такого профессионального скоморошьего стиля. Именно с XVII в., по почину патриарха Никона, скоморохи стали особенно усердно изгоняться из Москвы, но авторам сатиры этого времени их творчество, характерные приемы их сказа должны были еще быть хорошо известны. В той среде, откуда вышли эти авторы, гонение на скоморохов не могло встретить сочувствия, мотивы его были чужды и непонятны, не было поэтому никакого основания изгонять из быта то веселое наследие, которое оставили скоморохи, в виде песен, сказок, приговоров, прибауток, поговорок и т. п. Отголоски этого наследия и слышатся в ритмическом строе сатир-пародий.

Сумма литературных признаков, характеризующих сатиру-пародию XVII в. как особый жанр, позволяет нам говорить о ней, как об оригинальном литературном явлении, возникшем в совершенно определенных исторических условиях. Значение этой группы памятников, объединенных и своей целеустремленностью и художественными приемами, и для своего времени и для последующей литературы было велико. Это первые яркие образцы борьбы за демократизацию литературы, за приближение ее к жизненной правде. XVIII век в т. н. «массовой» литературе, по преимуществу рукописной, поведет дальше развитие того стиля, корни которого скрыты в мало известной сатирической литературе второй половины XVII в. В отличие от нарождавшейся в то же время на верхах московского общества литературы, осторожно сближавшейся с Западом через Польшу, Украину и Белоруссию и бывшей литературой для немногих, — сатира-пародия рассчитана на понимание массового читателя. Актуальность ее тем, живость и образность языка сохранили интерес к ней демократических читателей в течение всего XVIII века, способствовали переходу ее, с одной стороны, в устную традицию, с другой — из тех же рукописных сборников — в лубочные листки, имевшие гораздо более широкое, чем рукопись, распространение. Литературная форма сатиры-пародии, впервые созданная у нас в XVII веке, притом самостоятельно, на почве старой литературной традиции, и вызванная к жизни сложным комплексом исторических причин, находит себе продолжение в самых разнообразных по темам сатирах-пародиях XVIII в., связывавшихся уже и с аналогичными памятниками европейских литератур. Через них — пародийная форма объединяет общественно-политическую сатиру старого и нового времени.

Сатира XVII в. служит необходимым для современного читателя добавлением к документам той эпохи, давая художественные обобщения бытовых явлений. Исторический роман, за последние годы с особенным интересом обращающийся к темам петровской эпохи и ее кануна, найдет в пародийно-сатирической литературе XVII в. и живой язык, и типы, закрепленные в художественных образах, и яркую передачу того враждебного к разным сторонам феодально-крепостнической системы настроения, которое все глубже захватывало демократические слои московского государства.

---

## ОГЛАВЛЕНИЕ